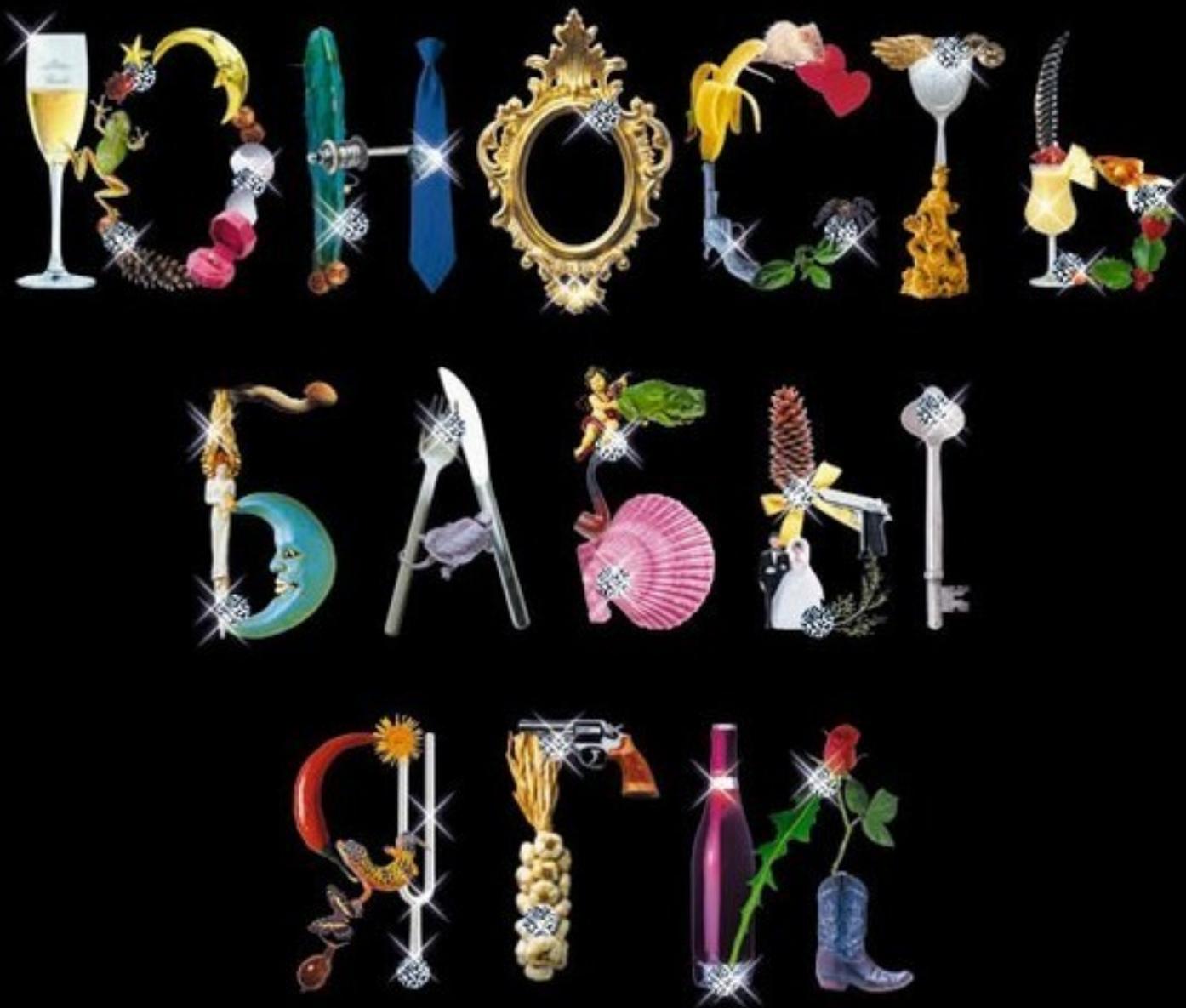

Владимир Качан

Владимир Качан
Юность Бабы-Яги

«Автор»

2007

Качан В.

Юность Бабы-Яги / В. Качан — «Автор», 2007

Прочитав этот роман, кто-то ужаснется, кто-то обрадуется, а кто-то задумается. Еще бы: оказывается, Баба-Яга – вполне реальный персонаж. Стоит только внимательно приглядеться и... неужели это ваша соседка или давнишняя подруга, а что, если... любимая? В книге есть все: и лихо закрученная интрига, и любовь страстная, земная, такая, что читателя пронимает до глубины души, и романтика, всепоглощающая страсть, и откровенный секс. Владимир Качан заодно успевает широко распахнуть дверь в мир шоу-бизнеса, при этом не слишком стараясь прикрывать наготу героев прозрачно измененными фамилиями. А чего стоит маршрут следования персонажей – от заштатного Ижевска и ослепительного Копенгагена до московских психушки и сумасшедшего дома в новогоднюю ночь. Путь неблизкий, но, поверьте, обжигающе интересный.

© Качан В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Часть первая	6
Глава 1,	6
Глава 2,	10
Глава 3,	12
Глава 4	17
Глава 5,	21
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	43
Глава 9,	59
Глава 10	65
Глава 11	72
Глава 12	78
Глава 13	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Владимир Качан

Юность Бабы-Яги

Посвящается другу – Леониду Филатову.

Я благодарю О. Гавренкову, Е. Лелюхину, Е. Ксенофонтову и особенно А. Вульха за их интересные и откровенные рассказы, которые мне очень помогли в этой работе.

В. Качан

© В.А. Качан, 2007

© ООО «Издательство «Яуза», 2007

© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Часть первая Юность Бабы-яГи

Глава 1, *в которой мы знакомимся с героиней*

Виолетту наконец-то изнасиловал отчим, и нельзя сказать, чтобы ей это совсем уж не понравилось. Может, даже понравилось, но несколько меньше, чем ожидалось. Ведь если так долго чего-то ждать, готовиться, лелеять, можно сказать, надежду, то случается, итог немного разочаровывает.

Близкие звали девушку попроще – Ветой, опереточная пышность ее полного имени несколько затрудняла общение. «Виолетта, вынеси мусор!» – согласитесь, звучит менее естественно, чем «Вета» – сделай то же самое... Ее полному имени столь же непросто было гармонировать и с фамилией, доставшейся от отца, – Жмыхова.

Отца своего Вета никогда в жизни не видела, и единственное, что она от него унаследовала, это отчество Антоновна и фамилия Жмыхова, которую она ненавидела всей душой. Она даже подумывала сменить фамилию, когда исполнится 16 и надо будет получать паспорт, но боялась обидеть маму. Маме, однако, созвучие имени и фамилии дочери Виолетта Жмыхова странным не казалось, никакого диссонанса она не чувствовала, наоборот, считала его красивым и эффектным. Как думают многие, имя часто определяет судьбу. Вот и мать искренне верила, что ее дочь, названная благозвучным именем Виолетта, пройдет по жизни примадонной. Мама была в этом смысле неоригинальна. Да что далеко ходить, даже в Виолеттином классе училась девочка Анжелика Крысюк, и вполне естественно, что они – Виолетта и Анжелика – дружили и сидели за одной партой: имена сближали, логично ведь Виолетте дружить с Анжеликой, а не с какой-нибудь там Марусей. А что Крысюк и Жмыхова – плевать, при знакомстве, например с мальчиками, фамилию называть необязательно. А если еще учесть, что обе хорошенькие, а одна из них, Виолетта, обещает стать красавицей, то жертвами вкуса родителей можно было пока себя и не считать. Мало ли что бывает. Встречаются такие диковинные имена, что просто ахнешь. Все от моды зависит. Некоторое время назад была мода на старославянские имена, теперь мы продвинулись в этом плане ближе к Лувру, и имя Анжелика на российских нивах уже никого не удивляло. Что с того, если через пару лет конвульсивные колебания российской моды приведут нас к тому, что у девочек самым популярным именем станет, допустим, Франческа; а у мальчиков, предположим, Педро. А что? Например, Педро Моисеевич, звучит гордо и даже вызывающе. Все будет вполне логично, так как уже сейчас любимым зрелищем являются у нас мексиканские сериалы, а любимой едой – бананы.

В юности такой своеобразный парад редких имен постоянно сопровождал Вету и временами побуждал к настоящему веселью. Даже у любимого отчима было редкое имя – Герасим, которое напрямую ассоциировалось с печальной повестью Тургенева, что, однако, не мешало Вете питать к отчиму особенную слабость и уже год, как планировать «изнасилование». Герасим Петрович, будучи бизнесменом среднего калибра, вел какие-то дела с партнерами из Армении, и самым близким из них был чернявый атлетичный брюнет по имени Гамлет. У Гамлета все передние зубы были золотыми. Остальные, возможно, тоже, но так далеко Вета не заглядывала. Когда Гамлет улыбался или смеялся, стоя напротив окна, солнечные лучи будто фокусировались на его зубах, которые сверкали и искрились, и весь рот был словно наполнен огнем. Полыхающий зев Гамлета слепил и даже пугал девочку Виолетту, хотя в остальном обладатель драгоценных зубов был веселым и вовсе не страшным. Он сам потешался над своим шекспи-

ровским именем и, будучи давно разведенным с первой женой, бережно хранил ереванскую газету, в которой в разделе объявлений было напечатано: «Саркисян Гамлет Вазгенович возбуждает дело о разводе с Саркисян Дездемоной Сысаковной». Для юмора хранил, конечно. Чтобы насмешить кого-нибудь. У них на родине многие называли детей не просто так, а дабы показать свое знание шедевров мировой литературы. Гамлет знал эту слабость своих соотечественников и однажды устроил Виолетте сюрприз. Они с Герасимом Петровичем ждали появления в квартире, снятой под офис, одного серьезного делового партнера опять же из Армении. Должна была состояться крупная сделка. «Датскому принцу» вместе с Герасимом Петровичем предстояло реализовать в Москве крупную партию обуви «Саламандер», произведенную на берегах Севана, и прийти должен был как раз хозяин этой контрафактной продукции.

Вета увязалась в тот день с ними, потому что был выходной, делать все равно было нечего, уроки на понедельник приготовлены, главное – что с Герасимом, который давно нравился. С 13 лет нравился, и к тому же она знала, что он ей не отец родной, а отчим, значит, впоследствии все возможно. И то, что возможно, будет не инцест. Вета этого слова пока не знает, но зато знает от подруг, что даже запретное кровосмешение некоторых, наиболее отважных, совсем не останавливает. Проблема запретного плода уже тогда сильно занимала девочку, и Герасим тоже был своего рода запретный плод, но все же не до такой степени, как родной отец. В общем, рано созревала девушка. И ее подруги тоже; поскольку информационное поле было унавожено чем попало и доступно всем, особенно любознательным детям.

Виолетта смиренно сидела и смотрела по виду «Граф Монте-Кристо» отечественной выделки, такой же как «Саламандер» армянского розлива. В дверь позвонили, в квартиру вошел стройный молодой человек, правда, виски у него были уже седыми. Дополняли картину сияющая белизной рубашка и галстук дерзкой расцветки. Он улыбнулся, показав Вете все те же золотые зубы, что и у Гамлета, только не сплошь, а с неравными промежутками – белый, золотой, два белых, опять золотой и т. д. Аккуратно сняв черные ботинки у входа, он в ослепительно белых носках пошел по диагонали через всю комнату прежде всего к даме, знакомиться. Приветливо улыбнулся еще раз, протянул руку и представился: «Ромео». Примерной девочке Виолетте с немалым трудом удалось произнести в ответ свое имя, но, боясь показаться невежливой, она сделала реверанс и, опустив глаза, в которых плясал смех, тоже отрекомендовалась: «Виолетта».

– Можно просто Вета, – добавила она скромно и укоризненно глянула на дядю Гамлета: мол, предупреждать же надо.

Весельчак Гамлет, с нетерпением ждавший момента знакомства, от души ржал, наполняя комнату отраженным от своих челюстей светом. Ну что поделаться, если их родители при выборе имен для детей черпали вдохновение в опереттах и драмах Шекспира! И вышло, что повстречались на одном пяточке опереточная Виолетта, питавшая порочную слабость к отчиму, с двумя героями Шекспира – Гамлетом и Ромео, собиравшимися торговать в Москве левой обувью.

Спустя много лет Виолетте аукнется эта Армения.

Герасим же Петрович выгодно отличался в ту пору в глазах растущей девочки – изысканной простотой имени, одежды и манеры поведения. Виолетта жалела, что носит не его фамилию – Савицкий, ведь он же ее удочерил, но они оба договорились не обижать мать, поэтому Вета несла свою как тяжелый крест. От слов в школе «Жмыхова, к доске» ее тошнило, но она к Герасиму Петровичу не только питала сердечную склонность, но и уважение и его мнение относительно фамилии игнорировать не могла. Герасим Петрович был скромным, умным и, как полагала Виолетта, чрезвычайно красивым. Кроме того, он обладал чувством юмора, которое порой больно ранило Виолетту. Особенно в тех случаях, когда он подшучивал, к тому же в присутствии матери, над растущим в девочке женским естеством. Иногда даже слишком удачно подшучивал, рассуждая о том, что Вета хотела бы поглубже спрятать.

«Ну ничего, – думала в таких случаях Вета, краснея, – ничего, еще годик-другой, и я тебе покажу, какая я «маленькая девочка». Вот тогда ты у меня пошутишь!»

Ее, впоследствии феноменальное, женское чутье уже теперь кое-что подсказывало. Например то, что предмет застенчив, что Герасим своими шутками прикрывает простое смущение перед девочкой, которая слишком быстро взрослеет, становится красивой и, страшно подумать, желанной. Он в глубине души ужасно боится того, что она ему начинает нравиться не как приемная дочь, а совсем-совсем по-другому. Вета чувствовала, что он сам стесняется ее, а его шутки – довольно прозрачная завеса над рождающейся неловкостью в их отношениях. Мощная интуиция в ребенке иногда встречается, а в нашем случае она имеет разумное обоснование. И, значит, отроковица Виолетта благодаря своей интуиции была почти уверена, что аристократическая сдержанность Герасима Петровича лишь форма, а не содержание. Там Вета угадывала тайную склонность к страстям, грехам и всяческим вожделениям, которых он никогда себе не позволял. То есть можно было предположить, что Герасим Петрович очень хотел бы предаться разврату, но было не с кем. Ничего! Придет время, и она сорвет с него прилипшую маску джентльмена, воспитанного в строгих правилах.

Вета готовилась фундаментально. При этом о матери девочка не думала вовсе. Она ей не соперница. Сорокалетняя, почти всегда пьяная тетка, неопрятная и некрасивая, соперницей быть не могла. 20 лет назад могла бы, а сейчас – нет. Даже 10 лет назад она еще была красива, ярко, вызывающе красива, на нее всегда оборачивались встречные мужчины, но уже почему-то тогда можно было представить, какой она станет позднее, во что превратится; представить не без сожаления, как время и образ жизни изменят ее черты. Но 10 лет назад – о-о! – она была непобедимо красивой и сексапильной. Так что Герасима, которого Вета про себя уже давно называла Герой, можно было понять. Тогда он влюбился. Ничего, перевлюбится, тем более что Вета обещает стать улучшенной копией матери. Возьмет все лучшее, а уж сохранить подольше постарается: и безупречную фигуру, которой не позволит расползтись, как у мамы, и лицо, на которое можно смотреть часами и скучно не будет; и это длинные рыжие глаза, которые иногда становились совсем темными и звали мужчин черт знает куда, глаза, зовущие делать глупости. Так что спасибо маме за генетическое наследство, но на этом – все. Никаких дочерних чувств Вета к ней не испытывала, а испытывала совершенно иное: маму свою она попросту ненавидела, вернее, это была какая-то скверная смесь ненависти и брезгливой жалости к пьяной неряшливой тетке. Надо сказать, что основания для ненависти у девочки были: мама имела твердые намерения устроить жизнь дочери по-своему, а это значило, по мнению Веты, – пустить ее жизнь под откос. Как? Не будем забегать вперед, вернемся к фундаментальной, серьезной и вдумчивой подготовке девушки к неизбежному, – а она была в этом абсолютно уверена, – акту соития с Герасимом Петровичем. Справедливо было бы назвать предстоящее действие даже не актом, а терактом, направленным и против его оборонных укреплений, и против матери, которая являлась в своем роде частью этих укреплений, и ненависть к которой была все-таки сильнее жалости.

Но прежде чем подложить бомбу под семейный очаг, нужно было избавиться от обременительной и скучной девичьей невинности, которая только ограничивала свободу действий и лишала возможности импровизации, в первую очередь с Герасимом. Нельзя же, добившись близости с ним, быть при этом никакой, не умеющей абсолютно ничего. Надо, чтобы ему стало интересно, а дальше хотелось бы, чтобы он вообще потерял рассудок, чтобы остальные женщины перестали его интересовать, чтобы думал только о ней днем и ночью. Нужно было представить ему полный объем того, чего он не имел никогда, но втайне желал иметь, другими словами – стать идеальным воплощением его сексуальных грез. Неприступный отчим будет хотеть ее везде, где бы они ни оказались, и в любых положениях – стоя, сидя, лежа, по-всякому, и тогда их семейный очаг сгорит дотла, превратится в пыль, в пепел! Вот где-то так мечталось девочке Виолетте, вот как-то в этом плане грезились ребенку. Однако для этого надо было

овладеть хотя бы азбукой секса, и, следовательно, назревала необходимость потерять девственность не абы с кем, а с человеком более или менее опытным, во-первых, и более или менее симпатичным, во-вторых.

Поскольку одноклассница и соседка по парте Анжелика к этому времени пришла к такому же радикальному решению вопроса о девственности, то подруги сели и стали думать. Кто? Кто достоин принять такой драгоценный подарок и совершить судьбоносное действие так, чтобы оно оказалось не только полезным, но еще и приятным и запоминающимся? Выбор, однако, был невелик. Прыщавые одноклассники отпадали сразу, они не отвечали ни одному из предъявляемых требований: симпатичных среди них не было вовсе, а об опыте и говорить-то нечего. Кто еще? Обеим нравились музыкальные группы и их солисты, не все, конечно, но некоторые. Те группы, названия которых пугали, в кандидаты не годились. Ну чего хорошего можно ждать от мальчика из группы «Судорога» или «Кремация»? Вдруг окажется еще каким-нибудь садистом, что тогда? А ласковые пареньки из группы «Руки по швам»? Не слишком ли они ласковые? «У моей Наташки от меня мурашки». – Во-во! Еще подхватишь от них чего-нибудь, и будет тебе это самое запоминающееся, причем на всю жизнь. Анжелике, например, больше всех нравилась группа «Белый дятел», а Виолетте – нет, и они часами спорили, кому же все-таки отдаться, пока наконец не пришли к консенсусу. Обе девочки ничего не имели против суперпопулярной и веселой группы «Сладкий сон», состоящей из красивых и, судя по всему, достаточно развратных мальчиков. Все ребята казались достаточно легкомысленными, а это было именно то, что надо. Ничего серьезного и не должно было быть, никаких романов, слез и последующей переписки. Одна ночь, и все!.. Они им, выражаясь по-старинному, – свой девичий цвет, а избалованные поклонницами ребята – неоценимый опыт вместе с острой приправой к любви в виде бесстыдства, которого у них наверняка было в избытке. Они им поделились с девочками, что тоже будет весьма полезно в дальнейшей жизни.

Девочки слова «цинизм» между собой не употребляли, однако вариант, что над ними немного поглумятся, предусматривался. Они и не ждали, что солисты группы, едва увидев их – таких миленьких, стройненьких, хорошеньких, – тут же схватятся за сердце и побегут за розами. Тем не менее девочки твердо решили, не обращая внимания ни на что и не обижаясь, проявить упорство и процедуры дефлорации добиться от солистов во что бы то ни стало. Солисты во время обсуждения вопроса на школьных переменах не казались столь непреодолимым барьером, девочки были в себе уверены, тем более что в свои 15 выглядели на все 18.

И вот наступили долгожданные каникулы, и подруги отправились в город Севастополь, в котором как раз в это время проходил эстрадный фестиваль с участием знаменитых артистов, в том числе и группы «Сладкий сон», выбранной шустрými девочками в качестве сексуального колледжа. Для учебы с обязательными практическими занятиями.

Родители дали денег на дорогу и не без тревоги, с тяжелыми вздохами отпустили. У девочек была именно та фаза развития, когда запретить что-либо очень трудно, это вызывает только злобу и взаимное непонимание. Виолетту спонсировал любимый Герасим, не подозревающий даже, что является конечной целью коварного стратегического плана своей приемной дочери.

Удачно было еще и то, что у родителей Анжелики в Севастополе жили дальние родственники, которые согласились сдать девочкам комнату на три недели за чисто символическую плату. С одной стороны, это было хорошо, так как город переполнен и достать номер в гостинице не только дорого, но и попросту невозможно. А с другой, – не очень удобно, так как никого нельзя привести к себе. Впрочем, подруги намеревались проводить практические занятия на территории «учителей». Сами «учителя» пока об этом и не догадывались, но ждать им оставалось недолго.

Глава 2, в которой происходит изучение местности и разведка подступов к объекту

Город был набит приезжими до отказа не только потому, что лето, море, разгар сезона, но прежде всего из-за фестиваля отечественного шоу-бизнеса. Кворум был полным, и форум удался, весь город дышал весельем, как Рио-де-Жанейро во время карнавала. Некоторые концерты, в частности несравненного Оскара Балканского, впрямую напоминали бразильский карнавал, однако общий накал веселья в городе ушел далеко вперед. Рио по сравнению с Севастополем в период фестиваля мог показаться унылым погостом, глухой осенней порой во время дождя. Скажете, мол, это уж слишком. Нет! И я объясню, почему. Карнавал в Рио проходит по какой-то системе, к нему тщательно готовятся целый год, там есть определенный план, сценарий. Карнавал проводится в строго определенное время, для него шьются костюмы, делаются куклы, отбираются танцоры и прочее. Там все всё-всё заранее знают, как про Рождество или Новый год. А здесь, в Севастополе, фестиваль организовался почти спонтанно, сценарий наспех писали случайные люди, да сценарию практически никто и не следовал, поэтому праздник носил характер стихийный и буйный. Что вы! Какая Бразилия! Ну сколько, например, там могут выпить? Да они обычную суточную дозу любого представителя российской музыкальной элиты считают для себя смертельной. И секс там просматривается разве что в костюмах и телодвижениях танцовщиц. Ну еще можно помечтать, что за сколько-то крузейро можно какую-нибудь танцовщицу уговорить, да и то, если ее не ждут дома пятеро детей и свирепый муж с навахой наготове.

А вот на севастопольском карнавале – не виртуальным, а вполне реальным сексом было пропитано все. Казалось, все были готовы к любому греху, хотели испытать всё и со всеми, кто попадет под руку, и, что характерно, бесплатно, только из любви к искусству. Если уж быть честными до конца, большинство артистов и их поклонниц только для того и приехали, чтобы хорошенько напиться и вкусить прелесть случайных связей. У нас же в России всё, как известно, с перебором, а если это, так сказать, неформальный филиал России на Украине – Севастополь, то тем более. Совсем как отвязный филиал Китая Гонконг. Предела нет ни в чем! Можно все! И это, знаете ли, волнует не привыкшую к беспредельным наслаждениям душу россиянина или украинца. Душа к такому не готова и смущена, но только первое время, пока не освоилась.

Вечерние толпы отдыхающих, вобравшие в себя энергию дневного солнца, в густых облаках пота, перегара и вожделения фланировали по улицам и набережной с ленивым напряжением. Казалось бы, несовместимые словосочетания, но вы только посмотрите, как лениво гуляющий человек с расслабленной походкой напряженно вглядывается во встречные лица. Он не ищет кого-то конкретно, он ищет приключения и непременно найдет, потому что на других лицах то же самое: жадное ожидание удовольствия, флирта, легкого одновечернего соития, чтобы все было сразу и радостно. Да и утром точно так же сновали по пляжу пожилые дяди в радостных трусах (поскольку давно замечено: чем старше мужчина, тем цветастее у него шорты) и такие же тети, о которых принято говорить «ягодка опять», с явным предложением на лицах – отведать этой самой «ягодки».

Ежевечерние концерты отличались от общего настроения лишь тем, что вся любовная энергетика распространялась не по сторонам, а фокусировалась в направлении исполнителя, особенно если им был роскошный Оскар, прямо-таки источающий желание нравиться, притом всеми средствами, которые имелись в его распоряжении.

Однако наши девушки не тащились от него, как другие, они уже свой выбор сделали. Теперь, в сущности, оставались пустяки: попасть на концерт любимой группы, познакомиться с кем-нибудь из фанаток, а у них уже выяснить, в какой гостинице остановились милые сердцу избранники. Хотя – какому «сердцу», помилуйте! Что это я в самом деле...

Первая задача – попасть на концерт – оказалась довольно сложной. Билеты давно распроданы, ничего не оставалось, как купить их у спекулянтов за сумму, в пять раз превышающую номинал. Всего лишь входные билеты, то есть стоячие места. Уже на этом этапе подруги стали понемногу осознавать, что путь к достижению цели не будет пустяковой прогулкой, что их ждут препятствия и придется проявить волю, упорство, терпение и, может быть, даже хитрость. Но это не так важно, главное – первый шаг уже сделан и пути назад нет.

Познакомиться с фанатками оказалось гораздо проще. За последними рядами, где столпились все со стоячими местами, рядом с ними устроились две девчонки с зажигалками в руках, чтобы потом вместе с залом размахивать огоньками. Их звали Наташами, и обе были в почтенном возрасте – 13 и 14 лет соответственно. Местные девочки, севастопольские, обе хорошенькие, но возраст все равно бросался в глаза: фигуры голодающих кузнечиков с такими же, как у кузнечиков, вытарашенными коленками; веснушки и наивно распахнутые глаза. Все это не могла прикрыть – ни «взрослая» одежда (мини-юбки, которые только подчеркивали их угловатые коленки), ни грубый, аляповатый макияж, ни дешевые сережки в безжалостно проколотых детских ушах. Столичный лоск Виолетты и Анжелики вызвал у девчушек завистливое внимание, и они познакомились. Разговорились, и тут выяснилось, что провинциалки имеют точно такие же намерения по отношению к солистам группы, как и их новые знакомые, о чем с доверчивым простодушием тут же и рассказали, не подозревая, что делятся сокровенной мечтой с потенциальными соперницами. Похоже было, и большинство поклонниц в зале хотят того же. А ребят-то всего пятеро, на всех явно не хватит, и становится понятно, что продираться сквозь дебри претенденток будет совсем непросто. Тем не менее они внимательно и даже сочувственно выслушали признания двух Наташ, принявших недавно для себя такое же нешуточное решение – потерять девственность непременно с двумя ребятами из группы «Сладкий сон». Надо признать, что аргументы Наташ были серьезными и даже немного грустными, несмотря на то что высказывались легко, просто и с разумным практицизмом. Наверное, оттого-то и грустно, что так просто и обыкновенно. Буднично, как урок труда в ненавистой школе.

– Все равно же это когда-нибудь случится, – говорила одна, – только обязательно с каким-нибудь пьяным матросом на каком-нибудь обшарпанном корабле...

– Ага. И на грязных канатах, – добавляла другая.

– Так что уж лучше заранее, по своему выбору, – снова включалась первая.

– Ага, – вновь перебивала вторая, – и пусть это будут два самых красивых мальчика из группы – Буфетов и Сёмкин.

– И больше никто! – категорически завершала первая.

В этом исповедальном месте Вета с Анжеликой переглянулись: соперничество, пусть и с недозрелыми девчонками, обострялось – у них выбор был тот же. Противно даже. Они – и вот эти недомерки. И все вместе в погоне за одним и тем же призом. Фу, прям неудобно! В такой компании! Однако стало еще понятнее, что бороться за счастье все же придется. И нехороший привкус досады не помешал-таки аккуратно выведать в антракте у глупеньких аборигешек, где живут солисты группы. Те, разумеется, уже знали, что ребята живут не в гостинице, а на круизном теплоходе, стоящем на причале во время фестиваля. И такую, с трудом добытую фору, девочки вот так запросто уступили тем, кто был постарше и похитрее. Ну что ж! Завтра надо было начинать и совершить первую разведывательную вылазку в глубокий тыл поп-группы «Сладкий сон», чтобы их собственный сладкий сон слегка потревожить.

Глава 3, *в которой впервые появляется поэт Александр Велихов, он же Шурец*

Поэт Саша – в своем роде контрапункт главной героини, молодой девушки, имеющей определенные задатки для того, чтобы пройти вполне закономерное эволюционное развитие в Бабу-ягу. Развиться в Бабу-ягу непросто, тут надо сильно постараться, надо пройти весь путь до конца, все этапы. Каждый промежуточный греховный экзамен должен быть сдан на «отлично», и только тогда можно будет идти дальше, чтобы в конечном счете заслужить звание Бабы-яги.

Поэт Саша и есть такая промежуточная ступенька. На ней героиня могла бы споткнуться, остановиться и, даже, подумав, повернуть назад. Но... повернула или нет, это мы с вами еще увидим...

А теперь познакомимся все-таки с альтернативной Бабе-яге фигурой нашего повествования – поэтом.

Очаровательный и очень талантливый разгильдяй – вот самое краткое его определение. Он не носил свой талант, как знамя на гордом флагштоке, озираясь по сторонам – все ли видят. Наоборот, он относился к нему небрежно и тратил его непринужденно и щедро – на все и на всех, с кем сталкивался. Относиться к таланту, как к капиталу, который нужно беречь, приумножать и жить на ренту с него, – это было не про Сашу. В настоящем поэте трудно предположить прагматика, однако в наше, как говорится, непростое время, находясь в режиме выживания, даже свободный художник, поэт вынужден отыскивать в себе глубоко противные ему качества дельца. Вот и Саша подрабатывал то стихами, то сценариями, а временами идеями и замыслами по заказу. Бывало совсем противно, но платили слишком хорошо, чтобы отказаться, и тогда Саша, чтобы не потерять лицо и уж совсем не перестать себя уважать, выкручивался способом лукавым и дерзким, приемлемым к тому же только для него. Другие просто не могли, им Сашин рецепт был бы бесполезен. Саша писал заказ якобы очень серьезно и даже пафосно, распознать в нем скрытое издевательство могли лишь некоторые. А уж сам заказчик ни в коем случае не должен был догадаться, что там содержится ирония. Саша, когда показывал материал, всегда сохранял на лице печать глубокой душевной проникновенности. Иногда он пользовался таким приемом не для заказчика, а только для себя и друзей. Если при этом присутствовал кто-то из них, он (и только он) замечал, как подрагивает у Саши при чтении уголок рта и каких усилий стоит ему удержать на лице маску задушевной печали и неподдельного лиризма.

Однажды он читал в довольно большой аудитории свои «патриотические» стихи, в самом названии которых таилась двусмысленность. Стихи назывались «Счастье иметь тебя, Родина». Первые пять строф, в которых он описывал в буквальном смысле плотскую страсть к отчизне, в которых были и ноги-березки, и пушистый мох между ними, и еще многое другое, прозвучали при полном и недоуменном молчании слушателей. Все ведь слушали этот невообразимый стеб, как подлинно патриотические стихи, заявленные автором вначале, а значит, настроились на надлежащую волну. Но то и дело в глазах собравшихся мелькало выражение, которое словами можно было бы обозначить как «не может быть» или – «не слишком ли это для патриотического стихотворения?». Тяжелое и скверное молчание все же было сломлено, когда Саша повысил голос от нахлынувших чувств в момент, когда уже дошел практически до прямого соития с родимой землей. Ну тут только законченный придурок мог воспринять это всерьез, и до людей стало доходить, что это прикол, что им первые три минуты просто морочили голову. Сначала несмело хихикнул один, чуть громче его спутница, а дальше уже все, поняв и приняв

условия игры, стали хохотать, совсем не обижаясь, что их разыграли и на некоторое время сделали элементарными лопухами. Да и как могло быть иначе, если большинство собравшихся с детства воспитывались на плохих патриотических стихах, а в школе их приучали относиться к ним с уважением, как бы отождествляя плохие патриотические стихи с самим понятием патриотизм.

Ну а прямые заказы наших коммерческих структур, или, как выражался сам Саша, наших «простых предпринимателей» он выполнял с особым наслаждением. Одни раз ему позвонили и попросили написать поздравление с юбилеем Аннексим-банку от крупнейшей страховой компании «Ингосстрах», предложив при этом довольно скромную сумму в качестве гонорара. Казалось бы, странно – заказ поздравления от супербогатой организации в адрес еще более богатой, однако мы нередко видим, что подавляющее большинство наших «простых предпринимателей» становятся чем богаче, тем жаднее. Вообще что-либо отдать для них равносильно пытке.

Саша все-таки взялся, деньги, даже такие, ему в то время были необходимы, и к тому же для него тут был свой личный, секретный кайф. Ну чем может отомстить поэт нуворишу? Да только тем, что заставит его побыть дураком, до самого конца не раскрывая карты. Он так и не догадается никогда, что им некоторое время был. А друзья порадуются.

Заказ был жестким. В том смысле, что необходимо было написать стихи на уже давно существующую мелодию известного марша «Несокрушимая и легендарная»; марша в честь Красной армии, часто исполняемого одним военным ансамблем. Поэтому, мол, им репетировать тогда не нужно, и задача, таким образом, несколько упрощается. Для них, но не для Саши, которого попросил об этом интеллигентный генерал, руководитель данного коллектива. Было еще одно условие, спецзадание: чтобы Саша в этих стихах никого не забыл. Поэтому ему дали список с фамилиями олигархов, самых крупных акционеров и еще тех, кто из верхних эшелонов власти им помогал, с указанием – кто и какие должности теперь занимает. Надо было всех упомянуть, зарифмовать и вот так стихотворно отблагодарить. Задача, прямо скажем, тяжелая для любого поэта, который в таком случае превращается в массовика-затейника. Для любого, но не для Саши, который находил в этом счастливую возможность лишний раз пошутить. Короче, через полтора часа стихи были готовы. Саша выждал еще сутки, чтобы все-таки рождение произведения выглядело посолоннее, позвонил генералу и напел ему то, что получилось.

Генерал припев уже подтягивал по телефону вместе с Сашей. Он был в восторге.

Все остальные тоже.

Никто так ничего и не понял, когда несколько рядов военных вокалистов, держа в руках красные папки со словами, во все свои 80 глоток вдохновенно выкрикивали слова Сашиного шедевра:

Несокрушимому как будто векселью,
Чья сверхнадежность у всех на устах,
Тебе, любимому, тебе, «Аннексиму»,
Шлет горячий привет «Ингосстрах».

Никто не заметил, что вексель «как будто» несокрушимый, что, кстати, и подтвердила его «сверхнадежность» в самом ближайшем будущем. Но исполнено было истово и с полной верой в правоту и искренность текста.

Деньги те, конечно, Саша прогулял, на них что-то купил, кого-то угостил и напоил, а что с ними еще делать? Саша, надо сказать, часто посещал разные тусовки, и у него была прорва знакомых в самых неожиданных сферах, но больше всего как раз в сфере шоу-бизнеса. Он занимался журналистикой одно время, даже газету свою издавал, когда деньги были. А деньги

совершенно неожиданно дал один магнат на заре перестройки, когда они сваливались прямо с неба людям, жившим под девизом «кто смел, тот и съел». Для самого магната, ставшего таковым в одночасье, это было неожиданно и удивительно: как так? Такие бабки и так легко?! Потом он так и не смог справиться с удивлением и разорился. Разорился еще и потому, что тогда щедрой рукой давал деньги всем, кому верил. Под щедрую руку подвернулся и Саша, попросивший средств на газету.

– Какая это будет газета? – спросил не просыхавший в то время магнат.

– Газета будет – зашибись! – уверенно ответил Саша.

Магнат сказал:

– Классно! Такого названия еще не было. Газета «Зашибись!» – мечтательно повторил он. – Моя собственная газета...

– Ну да, – подхватил Саша, – у тебя будет своя газета. Название – «Зашибись!».

– «Зашибись!» Классно! – И новоиспеченный медиамагнат помог, но через несколько десятков номеров деньги иссякли, а самоокупаемости не получилось, потому что Саша был еще тот бизнесмен. И он снова поехал к своему «денежному мешку» за новыми субсидиями. «Мешок», однако, к этому времени изрядно похудел. Потенциальный инвестор сидел в гостиничном люксе и пропивал последние деньги. На кровати лежала голая платная девушка.

– А-а, это ты, – вместо «здравствуй» сказал бывший магнат, который, похоже, даже думал матом, – ну как моя газета «Зашибись!»?

– Ничего, – сказал Саша, – вот еще бы десяток номеров и встанем на ноги.

– За деньгами пришел? – удивился предприниматель.

– Да, – застенчиво промямлил Саша.

– Ты что, ох...л? – праздно поинтересовался магнат. – Денег нет. Нету больше денег. Все! Деньгам п...ц! – сказал он и заплакал. Потом неожиданно предложил: – Хочешь бабу? – Он показал в сторону дивана, на котором лежала голая девушка, ничуть не смущаясь и глядя на всю эту сцену с таким озорным любопытством.

– Нет, спасибо, – почти смутился Саша.

– Ты че? Бери, – продолжал уговаривать магнат, – единственное, что я могу тебе сейчас дать, это бабу, больше у меня нет ни х..., – и он опять заплакал. – Вот только на бабу и есть, и еще вот на этот номер, и то только на два дня.

Видно было, что он чистосердечно хотел Сашу хоть чем-нибудь одарить и жалел, что не может дать сейчас денег, продлить жизнь своей газете, да к тому же с таким клевым названием.

В журналистских кругах, само собой, у Саши было много знакомых и даже друзей. Вот и вчера он был в ночном клубе «Маяк» на дне рождения у приятеля из популярной молодежной газеты Пети Кацнельсона. В разгар веселья вдруг захотелось погулять, прокатиться на машине, друг предложил, композитор и исполнитель эстрадный, Витя. Витя трезвый был, сел за руль, поехали. Чуть отъехали от центра, на обочине девушка стоит, голосует. Притормозили – красивая, совсем молодая.

– Подвезем? – говорит Витя.

– Подвезем, – говорит Саша, – первый час ночи, жалко девушку.

Из самых лучших побуждений посадили, доброе дело хотели сделать. Поехали.

– Вам куда? – спрашивает Витя.

– 200 рублей, – отвечает миловидная девчужка.

– Чего 200 рублей? – не понимает Саша. – За 200 рублей вас отвезти куда-то?

– Нет, – улыбается она, – с вас по 200 рублей.

– За что? – удивляются опять поэт с певцом.

– Ну как за что? – в свою очередь удивляется она, – за минЭт. – Она так и сказала, – словно заказала чашечку кофэ.

– Какой ми... А-а-а! – перестают удивляться друзья и начинают удивляться только цене. Отчего это при такой внешности и так недорого? Но не спрашивают, потому что можно неожиданно сэкономить. Спрашивают другое: – А где?

– Да вот прямо тут в машине.

– Обоим? – наивно вырывается у Саши.

– Ну да, быстренько, обоим. По очереди, конечно, – смеется она, – с каждого по 200, и разбежались. Или вам в машине друг при друге неудобно? – продолжает она игриво оговаривать условия. – Ну тогда отъедем в какой-нибудь лесок, парк, Сокольники, там, Измайлово. Пойдет?

В полном молчании возвращались приятели в ночной клуб. О чем говорить, когда такие девчонки готовы отдать себя за неполные 10 долларов. И ты берешь, и не стыдно, а чего стыдиться-то, если для нее самой это не только не проблема, не только не унижение, а, напротив, нормально, не напрягаясь, со смехом, и через пять минут забыла. Более того, кажется, ей даже нравится то, что она делает и как. Это для нее своего рода творчество. Вдохновенно, изобретательно, с огоньком! Впечатление создает такое, будто она тебя, единственного, три года ждала, и вот наконец-то ты вернулся. И только верить начинаешь, что, может, ты и вправду ей так сильно нравишься, как вдруг гремит гром, и она, только что вот так дышавшая и даже стонавшая, – отрывается от тебя на мгновение и нейтральным, будничным таким голосом говорит: «Ой, кажется, гроза начинается». А потом как ни в чем не бывало вновь припадает к тебе и начинает снова стонать и извиваться.

– Профи... – вздохнул Саша.

– Ага, – подтвердил Витя. – Да чего грустить-то?

– А я и не грущу, – сказал Саша.

– Врешь, грустишь... Надо нам песню сочинить, – вдруг неожиданно сказал Витя, вроде совершенно ни к месту.

– Давай, – вяло согласился Саша.

– Давай, давай! Надо запустить шлягерок.

«Запустить шлягерок» на языке Вити означало – сочинить песню с легко запоминающимися словами и мелодией, потом раскрутить ее по ТВ и радио, чтобы она стала популярной и ее все запели. Тогда и выступать будут приглашать чаще, и за хорошие деньги.

– Запустить шлягерок – это вам не отдаться за 200 рублей, да? – не то спрашивая, не то утверждая, сказал Витя.

– Да. Шлягерок – это попроще, – согласился Саша, – хотя для кого как.

Оба засмеялись.

– А ты для чего все это делаешь? – спросил вдруг Саша.

– Что? – Витя даже затормозил от неожиданного вопроса.

– Ну вот все это. Записи, концерты, клипы, для чего? Тебе чего надо? Славы, денег?

– Ну слава и деньги не помешают...

– Так для этого?

– Наверное, не совсем.

– Так для чего? Что ты хочешь больше всего? Чего тебе надо?

– Мне?.. Чего надо больше всего? – Витя даже растерялся слегка и теперь медленно вел машину, обдумывая честный ответ на поставленный ребром вопрос. – Мне надо... Ну... как?.. Я хочу... вот! Хочу... чтобы все девчонки визжали! – закончил он неожиданно и зашелся смехом. А вслед за ним и Саша.

Приехали обратно в «Маяк» и нажрались так, что Саша уж и не помнил, как оказался дома.

Утром он разлепил рот, встал, затем, пошатываясь, пошел к холодильнику посмотреть, не осталось ли там чего-нибудь освежающего. Когда Саша открыл дверцу, ему показалось, что

даже из холодильника пахло перегаром. Но ничего такого, что мог бы сейчас принять организм без отвращения, в холодильнике не было. И тут в дверь позвонили, а потом на пороге появился вчерашний именинник Петя, а в руках у него была целая упаковка пива «Хольстен». Молодец Петя. Хороший мальчик. Умный. Петя сел у порога на ящик для обуви и томно простонал:

– О-о-ой, я вчера себя так разрушил...

– И я... разрушил, – сказал Саша, но выпил пива, и через 10 минут он уже мог разговаривать, а через 20 Петя предложил вместе ехать на фестиваль в Севастополь от его газеты.

– Будем, – сказал Петя, – делать репортажи типа «Дневник фестиваля». Про тебя в редакции я уже сказал, все согласилось, поедешь?

– А чего там вообще будет? – спросил Саша.

– Да что-что! Как всегда. Отличная тусовка, выпивка. (Тут Саша поморщился.) Праздник, как всегда.

– Да чего праздновать-то? – сказал Саша. – Когда все так неинтересно.

– Ну это ты брось. Все бесплатно: и стол, и дом, и девочки.

Петя на халяву был готов ехать хоть на Дальний Север в поселок Караул, а уж за 100 долларов он заставил бы родную мать в цирке прыгать через обруч, – Саша за ним это знал, но все равно общался – таких, как Петя, среди журналистов вагон, и что, с ними со всеми ссориться, что ли?

– Так что ты брось, Шурец, поедем, оттянемся, отдохнем.

Петя называл Сашу именем, рожденным в небольших глубинах своей фантазии, – Шурец. Ему казалось, что Сашино совсем несолидное для его таланта поведение дает ему право на такую фамильярность. Нельзя же себе представить, например, чтобы Маяковского называли Вовец, а Пушкина – Шурец, а Сашка такой простой, что может быть и Шурцом. При этом нельзя сказать, чтобы Петя не знал размеров Сашино таланта и не уважал его, напротив, он часто за бутылкой говорил ему: «Шурец, ты гений. И я это знаю, и все. Но ты никогда, слышишь, никогда не будешь признан как гений, даже как высокий талант, потому что ты своим талантом жопу подтираешь и ведешь себя не как большой поэт Александр Велихов, а как самый обыкновенный Шурец. И денег поэтому никогда хороших ты не заработаешь. Ты не умеешь себя поставить...» Саша не обижался. Он вел себя, как ему велось, и знал, что помимо тусовок, пьянок и безалаберности за ним есть еще кое-что, за что он в отличие от приятелей мог бы себя уважать. У него в столе лежала целая стопка превосходной лирики, которая прошибала до зависти и до холодка внутри – что я так не могу – самых искушенных в этой области людей. Только Саша редко кому эти стихи показывал.

– Ну поедем, Шурец, – канючил Петя после еще двух банок пива, – поедем, а? – Петя упрашивал так потому, что знал: писать все будет Шурец, а он, Петя, будет отдыхать и тусоваться.

– Поехали! – Саша решительно стукнул банкой об стол. И уже на следующий день пара аккредитованных журналистов вылетела в Севастополь.

Глава 4

Встреча у «звездного» лайнера

Не в гостинице, а на корабле, оказывается, предпочли жить очень многие наши эстрадные знаменитости вместе со своими телохранителями, чья основная функция состояла в том, чтобы, соответствуя должности, охранять тело звезды от приближения назойливых фанаток и фанатов. Пусть организуют свои фан-клубы, если больше нечем заняться, но держатся подальше. Хотя телохранители – это была скорее дань престижу или, как они сами говорили – имиджу. Перефразируя известную цыганскую песню, в которой поется о том, что «цыган без лошади, как без крыльев птица», можно сказать, что «звезда без имиджа», как без того же самого: ну неудобно, неловко как-то даже перед коллегами без одного хотя бы телохранителя и лимузина, гадко даже как-то... Звезда без телохранителя – это хуже, чем бизнесмен без офиса. Реального смысла в телохранителях, конечно, не было никакого, ну разве что отталкивать поклонниц, так ведь это и милиция делает. А если даже самому распоследнему дурню придет в голову мысль – умыкнуть, скажем, того же Балканского и затем потребовать выкуп, то эта неразумная акция ничего ему не даст, кроме хлопот, а самому Балканскому, как всегда, повысит рейтинг.

Но, так или иначе, обилие личных телохранителей, да к тому же внешняя охрана лайнера сильно затрудняли проникновение на его борт Анжелики с Виолеттой и двух Наташ. Наташи сами привели и показали, где стоит корабль. А все потому, что были девочками добрыми и отзывчивыми. И сейчас все стояли невдалеке от трапа и ждали подходящего случая. Действовать решили порознь. «Все вчетвером никогда не пройдем, – сказали девочки Наташам. – Давайте попробуем сами по себе».

Был вечер. У искомой группы концерта сегодня не было, они должны были находиться тут. Вета с Анжеликой стояли уже битый час, но входили и выходили все лица незнакомые, а начинать следовало хотя бы с автографа, а уж потом, пустив в ход все свои немногочисленные чары, добиться приглашения на корабль. Две Наташи тоже, видимо, ничего лучшего не придумали и топтались у трапа, жадно вглядываясь в проходящих мужчин.

– Что-то есть захотелось, – сказала Анжелика, – пойдем пока перекусим.

– А где? – спросила Вета.

– Да вон на набережной хот-доги продают, пойдем, а там видно будет.

Виолетте есть не очень хотелось, а хот-доги она вообще презирала. Как это можно есть то, что переводится с английского, как «горячая собака»? А вдруг и правда в этой сосиске, засунутой в булку, мясо вовсе не говяжье или свиное, а, страшно подумать, чье? Что где-то в Южной Азии едят собак, Виолетту утешало мало, они там и червяков едят, и саранчу, и змей. Но за компанию пошла, можно было хоть «Фанты» выпить и покурить в сторонке. У лотка подруги присели на лавочку, посмотрели в сторону корабля и увидели, что у трапа никого нет, Наташи исчезли. То есть – или повезло и они уже там, или же просто устали и ушли. Подруги расслабились, вытянули ноги, открыли банки с «Фантой». С корабля неслась лихая танцевальная музыка.

Кто-то пел и, похоже, что не в записи, а живьем, потому что после песни раздались аплодисменты, крики и свист, означающий теперь, как и в Америке, одобрение. Спел был один из хитов прошлых лет, и не исключено, что автором, так как на корабле собрались все-таки участники фестиваля. Этот хит чрезвычайно вписывался в атмосферу и место действия. «Хочу туда, где ездят на верблюде, и от любви качает теплоход». И если с верблюдами в Севастополе было сложно, то остальное в перспективе было вполне возможно. Пока теплоход от любви не качало, но ведь еще не вечер. Подруги за истекший час видели, какие дамы туда проходили без сопровождающих; их там встречали, их там ждали. «Праздник, который проходит мимо», –

с грустью подумала Виолетта. Отсюда, с лавочки, была видна часть палубы, вся в огоньках; столы, кто-то танцевал, а кто-то на корме уже целовался.

– Здравствуйте, красавицы, – вдруг произнес кто-то справа, – можно к вам присесть?

Подруги обернулись и увидели двух довольно симпатичных молодых людей. Они улыбались, в руках у каждого было по бутылке шампанского и по два пластиковых стаканчика. Лица их были незнакомы, послужить средством доставки на корабль они скорее всего не могли, но ничего страшного, ребята симпатичные, не старые, не пьяные, не наглые, и если выпить с ними шампанского, то это еще ни к чему не обязывает, «Правда, Вета?» – «Правда, Жика», – обменялись подруги взглядами, прочитав в них и вопрос, и ответ, и подвинулись. Кстати, Жикой Вета называла подругу для краткости и, только один на один или по телефону, понимая, что таким сокращением совершенно девальвирует благородство и звучность имени Анжелика.

– Меня зовут Саша, – располагаясь улыбнулся Саша Велихов (ибо это, как вы уже несомненно догадались, был именно он), – а это мой друг Петя. – Петя вытянулся струной, резко наклонил голову и щелкнул шпорами, то есть – задниками кроссовок. Саша разлил шампанское. – А вас? – выжидательно посмотрел он на девушек.

– Я – Анжелика, – сказала Жика, – а это моя подруга Виолетта.

– О-о-о! – простонал Петя. – Какие имена, а у нас так банально, – он скривился, – Петя и Саша. Рядом с вами гармонично было бы называться, по меньшей мере, Сигизмундом и Альфредом, а мы прямо дворняги какие-то.

– Ну-у, – заметила Виолетта, – а как бы мы вас в таком случае потом звали? Если бы когда-нибудь познакомились ближе? А? – Сизя и Альфик, что ли? Нет, уж лучше Петя и Саша. Правда, Анжел?

– Правда, – подтвердила Жика, затягиваясь сигаретой и сдерживая кашель.

«Да, непростая девочка», – подумал Саша, пристально вглядываясь в Виолетту. Та глаз не отводила и почти насмешливо разглядывала Сашино лицо, словно говоря, ну, и что дальше? Чем вы можете быть интересны?

– Ну, давайте, за знакомство, – предложила Вета, прерывая знакомство визуальное, от которого становилось как-то беспокойно. Наверное потому, что Саша смотрел на нее уж очень тепло (не рановато ли?), но там было еще кое-что: чуть-чуть сожаления (с чего бы это?) и немного грусти (почему?). А у Саши всегда было такое выражение лица, когда он чувствовал, что может ни с того ни с сего влюбиться и что это ему ничего, кроме неприятностей, не сулит, однако фатально шел по этой дороге, потому что любой поэт обречен на состояние влюбленности, иначе стихов (не тех, про Аннексим-банк), а других, настоящих, – не будет.

– Давайте, – сказал он, отводя взгляд от Ветиного лица, на которое хотелось смотреть и смотреть. Все улыбнулись друг другу и беззвучно чокнулись пластиковыми стаканчиками.

И уже гораздо позже, под утро, таращась восторженными глазами в потолок своей каюты и сознавая, что на него опять обрушилась любовь с первого взгляда, Саша подумал, что, вероятно, все поэты такие безнадежные лохи. Только поэт способен испытывать восторг от полета в пропасть; ему неважно, что он разобьется об острые камни внизу, ему важно само это гибельное парение, призрачное счастье коротких мгновений, пока летит. Чувства самосохранения у поэта, кажется, вовсе нет. Они, как правило, – жертвы, особенно те, у которых внешность обратно пропорциональна внутреннему миру, где царят мечтательность, романтизм, идеализм и прочие глупости, совершенно непригодные для жизни, особенно в пресловутое «наше непростое время». Внутри он Рюи Блаз, Сирано, д'Артаньян, капитан Грей, а внешне – черт знает что...

У Саши был такой друг, выдающийся поэт, высокий лирик с внешностью типичного ростовщика из романов Бальзака. У поэта были мутные невыразительные глаза, скорее всего оттого, что он был вечно погружен в себя. Собеседник, да и вообще люди вокруг его интересовали мало. Глаза оживлялись только при виде какой-нибудь особы женского пола, при появ-

лении сладкой мазохистской надежды на то, что эта особа его погубит на некоторое время. И тогда возникнет новый цикл стихов, посвященный ей, которую он назовет совершенством, своей Лаурой, Беатриче, равной которой нет на всем белом свете, а потом, через короткое время, когда она его непременно бросит, он будет пить водку и обзывать ее самыми последними, грязными словами. И родится новый цикл стихов, трагический. У него каждая женщина, появлявшаяся в его жизни, рождала обычно два цикла. Условно их можно было обозначить словами: 1-й – «Любовь пришла» и 2-й – «Любовь ушла». Мог, но реже, возникнуть и 3-й – «Почему ушла?». Поэт честно пытался разобраться, откуда приходит и куда уходит любовь, причем делал это суперталантливо, с налетом этакой высокой ирреальности. Наверное, если бы Вечность обрела хоть какие-нибудь формы, – они были бы похожи именно на эти зарифмованные слова и строки. Но кому она интересна, эта вечность? По вопросам Вечности – только к поэтам. Налево, в конце коридора, рядом с туалетом... Почему? – задавал он себе вопрос в стихах, хотя ответ был прост, как репка: посмотри на себя в зеркало, а потом вспомни, как ты себя иногда ведешь, как одеваешься, как ешь, сколько требуешь от возлюбленной, которая просто не в силах взять ту романтическую высоту, ту недостижимую планку, установленную тобой. Вспомни, и тогда перестанешь задавать вопрос «почему?».

А уж насчет зеркала и «как ешь» – тем более. Помимо мутноватых карих глазенок, которые, деликатно говоря, – не привораживали, у него была большая (ну а как же! Ума-то много!) и почти лысая голова. Сзади волосы еще росли и падали на обсыпанный перхотным снегом воротник и плечи; победить такую неряшливость рекламируемым шампунем поэт и не пытался, считая это лишним и унижительным для короля тонких материй. Ну а то, что оставалось сверху, поэт зачесывал, начиная глубоко слева, с виска – через всю лысину поперек, тщетно сооружая подобие прически. Эту хрупкую конструкцию мог растрепать не то что порыв ветра, а даже вентилятор, работающий в другом конце комнаты. И зачем нужна была эта жалкая попытка скрыть очевидное, к тому же то, что следовало бы, наоборот, гордо выставить напоказ – огромный лысый череп с выдающимися лобными долями, как намек на высокоразвитый интеллект? Но он считал, что так ему идет, что он так красивее. Вот уж поистине, где бог дал, там и взял! Как ему не приходило в высокоразвитую умную голову, что усовершенствовать некрасивость – значит сделать еще страшнее и показать всем, что на сей счет у тебя комплекс. Саша как-то пытался ему намекнуть на это, но друг не услышал. Кроме того, Поэт был толст и толстогуб, невероятно толстогуб. Губы свешивались с его лица, как два неаккуратно слепленных вареника. Еще и поэтому он ел неопратно и чавкая; с губ вечно что-то текло и падало. А поскольку Поэт обладал отменным аппетитом и очень любил поесть, то происходило это часто в присутствии возлюбленной Музы, которой многое надо было в себе преодолеть, чтобы продолжать любить такое.

Любовь ведь продолжается тем дольше, чем дольше человек нравится. Любовь, знаете ли, любовью, но человек должен при этом продолжать нравиться, просто нравиться, поверьте, это очень важно.

Сашин друг Поэт ничего не делал для того, чтобы нравиться, он это игнорировал. Правда, последний удар был самым тяжелым хотя бы потому, что он таки сделал единственную в своей жизни попытку нравиться Музе: потому что всерьез подумывал жениться на ней, создать семью, даже детей хотел – мальчика и девочку. Оказалось – непоэтическое это дело: вить гнездо, растить птенцов и прочее. Поэт должен лишь мечтать и страдать из-за того, что у него такого гнезда нет, из чего тоже время от времени должны произрастать стихи.

Последняя Муза заставила его учиться играть в теннис. Она сказала, что ему надо худеть, что она его таким не потерпит, и что если он хочет связать воедино их судьбы, то пусть приведет себя в порядок. Сама она играла давно и неплохо, но когда привела его на корт, тут же пожалела, поняв, что над ним, а главное – над ней будут смеяться все окружающие. Поэт в шортах с ракеткой в руке, с разметавшимися по лысине руинами прически, с пупом, упрямо

и словно назло вылезавшим из шорт, отчего те спускались все ниже и ниже до самого паха – выглядел оскорблением не только теннису, но и всему спорту вообще; словно неприличный жест с вытянутым средним пальцем прямо в лицо олимпийским идеалам. Ко всему прочему он пытался закурить там же, на корте. Словом, зрелище было гадкое, что и говорить. Муза, украдкой вытирая слезы, увела Поэта обратно в раздевалку. За обедом в Доме журналистов он ее добил.

Она и раньше не была в восторге от его манеры жрать так, будто завтра Всемирный потоп и больше ничего не дадут, но как-то терпела, а сегодня, после его бенефиса на корте, чувства были обострены и нервы на пределе.

Поэт аккуратно разложил перед собой все закуски, поставил слева бокал с пивом, справа рюмку для водки, потом переложил малосольный огурец поближе, чтобы правой рукой опрокинуть рюмку, левой – запить пивом и опять правой схватить огурец. Затем порезал бифштекс на мелкие кусочки и один кусочек наколот на вилку, чтобы он был наготове. Во всем этом была своеобразная пищевая эстетика, а Поэт, как уже сказано, был гурманом, поэтому ничего особенного не было в приготовлениях. Но Муза, видевшая все его обеденные манипуляции неоднократно, сегодня наблюдала за ними будто впервые: брезгливо и даже на грани с тошнотой. Поэт так ласково, как на нее никогда не смотрел, вглядывался в продукты; потом нежно взял графинчик с водкой и налил себе. После чего с автоматической точностью отправил все в рот в той последовательности, которую наметил. Последним был кусок мяса, нанизанный на вилку. Дожевывая огурец, Поэт не сводил с него глаз, вдруг переставших быть неопределенно мутными: в них появились и ясность, и цель, и энергия. А потом произошло уж и вовсе невероятное. Поэт не поднес вилку ко рту, нет. Рука спокойно лежала на столе, а вилка торчала в ней, увенчанная куском бифштекса. Поэт широко открыл рот и вдруг быстро нанизал голову на кусок мяса. Как клюнул! Не вилку в рот, а рот со всей головой надел на вилку!

– Нет, я этого больше не вынесу! – зарыдала Муза и выскочила из-за стола, опрокинув свой стул.

Поэт бросился ее догонять, решив, что ей стало плохо (что, однако, было близко к истине), но она оказалась гораздо резвее его; выскочила тогда из ресторана, села в свою машину и уехала за минуту до того, как Поэт выбежал за ней следом. Он не нашел ее ни в этот день, ни позже. Она через Сашу передала ему, что все кончено и она не вернется больше никогда. Поэт ничего не понял... Видели бы вы, как он стонал, обхватив свою большую лысую голову обеими руками и раскачиваясь взад-вперед будто от острой зубной боли, которую уже не берет никакой анальгин.

– Ну почему, почему? – спрашивал он себя и Сашу через каждую минуту и все стонал, стонал...

Более попыток жениться Сашин друг не делал и на вопросы о семье отвечал небрежно, что жена, мол, – это скверная привычка мужчин, которые боятся одиночества. В то время как именно одиночество – обязательное условие для творчества. Саша в такие моменты, если был рядом, очень жалел его, понимал: Саша-то как раз успехом у девушек пользовался, нравился он им.

Однако, что ж это мы покинули скамейку, на которой расположились четверо новых знакомых, болтая, кокетничая и укрепляя взаимопонимание. Их пластиковые стаканчики не опустели, впереди была еще целая бутылка, да что там бутылка, целая ночь была впереди, а в ней – и другие бутылки, и еще много чего интересного.

Глава 5, ***в которой автор пытается описать эротическую*** ***сцену, преодолевая свойственную ему застенчивость***

Знакомство шло в нарастающем темпе. Петя пересел на другой край скамейки к Анжелике. Ему было, в сущности, все равно с кем, а по длинному взгляду друга на Ветино лицо он понял, что Саша уже запал, и, хотя Вета явно была получше, ему надо было довольствоваться тем, что осталось. И теперь, так сказать, приоритеты, можно было перейти к интимным диалогам попарно. Петя еще налил шампанского, положил руку на спинку скамейки, поближе к плечу Анжелики, придвинулся к ней чуть теснее и, добавив в голос немного бархата, доверительно попросил: «Ну, расскажите мне о себе, Анжелика. Как вы, что вы, откуда?» Так мог бы спросить психоаналитик, который хочет всем сердцем помочь решению ваших проблем. Ну, Жика и начала не спеша рассказывать о проблеме самой насущной – как попасть на корабль. Единственное, о чем говорить не следовало, это – с какой целью им нужно попасть на корабль. Она, Жика, может, и дура, но не до такой же степени, чтобы парню, который за ней начал ухаживать, буквально с первых тактов сообщить, что хочет отдаться эстраднему идолу. Надо что-то наплести про то, что они собирают автографы, что у них уже огромная коллекция, что не хватает только подписей той группы, а ребята живут на корабле, а на корабль не пускают, и нельзя ли им помочь, и не имеет ли Петя какое-нибудь отношение к фестивалю, не может ли помочь осуществиться девичьей мечте заветной, желанью робкому и чувству пылкому... Не к ребятам из группы, боже упаси! они их в мужском смысле вовсе не интересуют, а только чувству пылкому к музыке, к эстраде. Петя внимательно слушал, радуясь про себя, что у него в руках появляется лишний и очень весомый козырь: он не только может провести на корабль, но и познакомить с кем надо, а она за это... Ну, короче, можно было пестовать девочку до самой постели в своей каюте. Они ведь с Сашей, как журналисты влиятельной газеты, освещающие весь ход праздника, в том числе и его закулисную жизнь, тоже жили на том же самом корабле, среди эстрадной элиты, и у каждого была отдельная каюта. Словом, правильно развивалась беседа, в нужном направлении.

Стайка пугливых старушек вспорхнула с соседней скамейки и пошла мимо нашей молодежи, поджав бескровные губки и косясь то на них, то на корабль – взглядами, в которых непостижимо сочетались униженность и осуждение. Одна из них робко спросила Петю:

– У вас бутылочка не освободилась?

Петя царским жестом протянул старушке пустую бутылку.

– Ой, это от шампанского, – с усталым разочарованием сказала старушка. – Тогда не надо.

– Их не принимают, что ли? – сочувственно спросил Петя и, не дожидаясь ответа, достал бумажник, вынул оттуда 50 рублей, но так, чтобы и Анжелика видела – сколько, и помог бабушке справиться с нуждой хотя бы на сегодня. Бабушка, мелко и часто кланяясь, побежала догонять остальных. А Петя, исполненный благородства и самоуважения, откинулся на спинку скамейки и, положив руку уже на плечо Анжелики, спросил: «Так на чем мы остановились?» Анжелика, по его мнению, теперь должна была понять, что их новые знакомые – ребята не только симпатичные, но и щедрые, и что в средствах они не стеснены, 50 рублей для них – пустяк. Хотя это и был чистый блеф, пыль в глаза: у Пети денег-то было всего ничего, да и у Саши немногим больше. Но их тут и кормили, и поили, и оплачивали дорогу, так что беспокоиться было не о чем. А их собственные карманные деньги только и годились, что на блеф.

Послушаем, однако, как строился диалог основной пары; Петя с Анжеликой у нас все же персонажи второстепенные, а главные – вот они, уже держатся за руки, надо же... И что говорят?.. И как?.. Банальностей типа «мне почему-то кажется, что мы где-то встречались» –

удалось избежать, так как Саша был талантлив, а талант банальностей не любит и по протоптанным тропам старается не ходить; а Вета, хоть и была юна и опыта не имела, зато имела врожденное отвращение к стандартам и шаблонам, к тому, как говорит и поступает большинство, к правилам и нормам поведения, к придуманным, с ее точки зрения, законам морали.

Она прочла как-то у Пушкина (вне школьной программы, разумеется) о том, что «ветру и орлу, и сердцу девы нет закона», и фраза эта стала для нее путеводной звездой. Она всегда чувствовала, что для нее закона быть не должно, а если уж сам Пушкин подтвердил, то какие могут быть сомнения? Правда, Пушкин имел в виду только девичье сердце, которому нет закона, но Вета толковала фразу шире. Там у Пушкина, кстати, есть продолжение: «Гордись, таков и ты, поэт, и для тебя условий нет». Вот и получается, таким образом, что на лавочке сидят поэт и дева, для которых нет ни закона, ни условий, а значит, есть предпосылки для дальнейших интересных совпадений.

– Что мне сделать, чтобы познакомиться с вами поближе, – спросил Саша, уже открыто любуясь Ветиним лицом, переводя взгляд с волос на губы, затем на глаза, на шею и опять вверх. Ему ужасно хотелось поднять руку и погладить ее по щеке, и он, спросив: – Можно? – осторожно взял ее руку.

Саша боялся, что она отшатнется, возмутится, что он тем самым порвет тонкую паутинку взаимного интереса, протянувшуюся незримо между ними в самом начале. Он думал, что надо аккуратно сплести еще хотя бы несколько паутинок, не сеть, нет, он же не паук какой-нибудь, который ловит муху, чтобы ее сожрать потом, нет, еще несколько хотя бы паутинок, тогда не жалко будет одну и потерять. Он и не подозревал, что Вета была совсем не против прикосновений, Саша ей очень нравился, и руку она не отняла, но с другой стороны, и не хотелось показаться сразу слишком доступной. Также не следовало забывать и о конечной цели путешествия, и главные телесные радости приберечь для будущего первого мужчины.

Потом, правда, ее посетит неожиданная мысль о том, что идея «первого в жизни мужчины» непременно из любимой эстрадной группы – довольно вздорная и, по меньшей мере, – детская. Несколько позже она спросит себя: а с какой это стати именно певец Сёмкин? Почему бы и не Саша? Тем более что он очень хорош, да и опыт, наверное, у него тоже есть? Вот уж поистине «сердцу девы нет закона»! Не всякой, впрочем, девы, а только своеобразной, которой Вета и была. Анжелика, например, останется верной своему замыслу и с тупой настойчивостью будет добиваться его реализации. Но свои вопросы Вета задаст себе много позже, через целых 72 часа, а пока – только прелюдия, обещающая сегодня же перейти в нервную музыку предчувствия любви и затем – в мощную тему ее, (то есть любви) – прихода. Причем одной из самых лихорадочных ее форм – «любви с первого взгляда». Да так, что Вета на время забудет даже о своем Герасиме Петровиче, которого она любила с детства, но совсем по-другому, и для которого, собственно, все и делалось. Впрочем, про любовь с Ветиним стороны следует забыть с самого начала. Максимум – увлечение. Но без такой увертюры ничего и не вышло бы.

Поэтому, когда Саша спросил, что же ему предпринять, чтобы поближе познакомиться, Вета ответила:

– А вы уже это делаете...

– Что? – не понял поначалу Саша.

– Все... чтобы поближе...

– Вам это не нравится? – спросил Саша, помолчав. Она все время опережала его на мгновение, будто заранее угадывая следующий ход и тут же отвечая контрприемом, который обескураживал Сашу своей прямоотой. Вета молчала, отвернувшись и глядя на теплоход. Саша опять спросил: – Не нравится?

– Что? – повернулась Вета. – А-а! Я уже забыла. Что вам хочется поближе познакомиться? Нравится или нет, не скажу... Пока... не скажу, – добавила она, улыбнувшись. – Скажу так: это меня не раздражает.

Улыбнулась она так, что у Саши что-то произошло с сердцем. Он однажды встретил в своем проходном дворе ночью, когда возвращался опять с какой-то вечеринки, не совсем пьяного, но очень страшного человека.

Сашины новые туфли гулко стучали в проходном дворе, ни сзади, ни спереди не было совсем никого, и вдруг из-за угла вышел этот человек, руки у него были в карманах, а во рту тлел окурок сигареты, что не помешало ему попросить закурить. Он даже не скрывал, что это – стандартное клише для начала драки. Саша остановился и отступил на полшага.

– Не бойся... Сейчас пока не бойся, – сказал человек, усмехнувшись. – Есть сигареты?

– Есть, – Саша вынул пачку и дал. Человек, все так же усмехаясь и тяжело глядя на Сашу, сказал:

– А всю пачку дашь?

Саша промолчал.

– А не дашь, – сказал человек, – я остановлю тебе сердце. Ножом или заточкой... Ты что предпочитаешь?

Саша глядел на эту сцену будто со стороны, будто все не с ним происходит. Он только холодно, как литератор, оценивал необычную манеру говорить, уголовную поэтичность этого типа. Он даже удивился про себя, даже восхитился немного.

– А нельзя не останавливать мне сердце? – услышал он свой голос. – Может, пусть побьется еще немного? Пачку я тебе подарю, – сказал Саша, – а ты угостишь меня парой сигарет. На ночь. Дома больше нету.

– Хорошо, что ты не боишься, – сказал человек. – А то вот собаки бродячие, к примеру, догоняют и кусают того, кто испугался и побежал. А кто идет прямо, не боится, того не трогают. Ты прохожий, а я – бродячая собака, – добавил он вдруг с неожиданной горечью. – Давай пачку, – сказал он и вынул правую руку из кармана. Рука была вся синяя от татуировок. Человек вынул левую руку, точно такую же, сам вытащил из пачки три сигареты и протянул Саше. – Ступай с богом, прохожий, – сказал он и исчез в темноте.

Саша подумал тогда, что человеческая жизнь, в сущности, висит на волоске, что сегодня, поведи он себя иначе, его могло бы уже и не быть. Сейчас он вспомнил тот эпизод, потому что, когда Вета улыбнулась ему, он подумал, что сердце можно остановить не только ножом, заточкой или инфарктом, его можно остановить, к счастью – на время, вот такой улыбкой, невозможно красивой, открытой и зовущей.

– Что вы? – спросила Вета. – У вас сейчас лицо окаменело.

– Нет, нет, ничего. Просто вы мне так улыбнулись...

И он вдруг взял и рассказал ей про тот самый эпизод во дворе.

Вета опустила голову, помолчала, потом спросила, как-то сразу перейдя на «ты»:

– Так что же, я тебе сердце остановила?

– Ну не совсем, я же живой пока. Но такие вещи, – он подумал немного, – улыбка такая, ну еще музыка, не всякая, конечно, или даже сама любовь – что-то томится там, внутри, стонет, а что именно – ты не знаешь и где именно – не знаешь.

– Э-э, да вы поэт, – сказала Виолетта (опять перейдя на «вы») не то с уважением, не то с разочарованием, и Саша осекся, застеснявшись своего высокого стиля. Ну нельзя же говорить о сокровенном с девушкой, которую знаешь полчаса. И к тому же так серьезно. Он подозрительно глянул на нее – не смеется ли она над ним.

– А если поэт, то что? Это плохо? У вас на поэтов аллергия?

– Почему? Наоборот, я их люблю...

– Всех?

– Нет, только хороших.

– По школьной программе? Кстати, прости, что спрашиваю, ты школу-то закончила?

– Да, как раз неделю назад, – уверенно соврала Вета, так как знала, на сколько выглядит. Могла бы запросто соврать, что уже год назад простилась со школой. – Вот как раз после выпускного бала – прямо сюда.

– Значит, 18 уже есть?

– Есть, есть, не беспокойтесь. Уголовной статьи для моего возраста уже нет.

– Ну зачем вы меня так обижаете? – сказал Саша, все еще не выпуская Ветиной руки. – Я вовсе не об этом. Да и вообще я не очень пуглив. Даже если бы вам было 15.

– То что? – с кокетливым вызовом спросила Вета, грациозно наклонив головку на длинной тонкой шейке и лукаво поглядев на Сашу сквозь красиво упавший локон. «Что ж ты, милая, смотришь искоса, низко голову наклоня?» – подумал Саша.

– Нет, ты от вопроса-то не уходи. – Она подергала его за руку. – Ну же, скажи, как бы повел себя, если бы узнал, что мне 15?

То на «ты», то на «вы» балансировали молодые люди на тонкой границе перехода к чуть большей близости.

– А тебе что, правда 15?

– Нет, 18, но я хочу знать.

– Для чего?

– Для того чтобы понять: первое впечатление от тебя правильное или нет.

– Ну хорошо. Если бы тебе было 15, я бы продолжал вести себя точно так же и желал бы с тобой близости и хотел бы тебя погладить, а потом поцеловать. Сначала поцеловал бы тихо так, едва касаясь, нежно, а потом, если бы чувствовал, что ты не против... – Саша говорил тихо, почти шептал, влюбленно глядя на нее. Он говорил, а сам будто делал то, что говорил. Он решил, что с этой девочкой надо вести себя так, как она сама; честно говорить, что думаешь и чего хочешь. – А потом... – повторил он и замолчал.

Вета подняла голову и тоже, прямо посмотрев на него, спросила:

– Что? Что потом бы сделали?

– А потом, – Саша вздохнул и, понимая, что ставит на zero последнее, честно сказал: – А потом уже поцеловал бы как следует...

Это был ключевой момент диалога. Именно сейчас, в эти секунды решался вопрос: быть ли продолжению или все немедленно закончится, или даже превратится в шутку.

– А как... следует? – спросила Вета, но спросила так, будто уже раздевалась в первую брачную ночь.

– Как вас надо поцеловать? – так же шепотом продолжал Саша.

– Да...

– А вы не знаете?

– Нет, – сказала Вета и почти не врал. Познания ее в этой области были скорее теоретическими, почерпнутыми из многочисленных видеокассет, а также фильмов дальнего зарубежья, идущих по разным телеканалам. Ну целовалась с мальчиками в подъезде несколько раз, мальчики неумело тыкались ей в рот своими жесткими губами, и Вета недоумевала после: что за радость такую находят все любовники из кино в этом процессе.

– Правда, не знаете? – недоверчиво произнес Саша.

– Правда. А что, непохоже?

– Непохоже. Красивые девочки выучиваются этому делу раньше других.

– Почему?

– Потому что красивые. Больше мальчиков, а значит – больше шансов.

– Спасибо, я польщена. Но вот видите, бывает и так, как со мной.

Разговор все больше уходил в область теоретического анализа, но ни ему, ни ей этого вовсе не хотелось.

– А как, вы сказали, вначале бы сделали?

– Я сказал, что сначала бы погладил, осторожно очень, вот по этой щеке, потом тихо...

– А можно без сослагательного наклонения? – перебила его Вета, термин из школьного учебника вспомнился сейчас очень кстати.

– То есть?.. – опешил многоопытный Шурец.

– Ну без «бы»... Погладил бы, поцеловал бы... А просто – «погладил, поцеловал»... и далее – со всеми остановками. – Вета выжидательно, с полуулыбкой глядела на Сашу, и в глазах ее мерцал вечный зов, влекущий слабохарактерных мужчин в неумолимую бездну внебрачных связей. А мужчин неженатых, но с гипертрофированным воображением (например, некоторых поэтов) – в губительный водоворот связей случайных, которые, как они всякий раз надеются, могут оказаться совсем не случайными и, может быть даже – Судьбой.

– Просто... поцеловал? – переспросил Саша растерянно, понимая, что и в искренности она его обошла. Он был честным, а она – еще честнее, он шел ей навстречу, что называется, с открытой душой, но она – просто-таки с душой распахнутой. Он казался в этот момент себе наивным ребенком по сравнению с Ветой. И так же ребячески, так что Вете стало даже чуточку смешно, спросил:

– А можно?

– Нужно, – серьезно ответила Вета и опять так, будто снимала с себя последнюю деталь одежды. – Зачем же отказывать себе в таких естественных порывах. Давайте. Немедленно гладьте и немедленно целуйте. Только делайте это именно так, как говорили. А говорили вы хорошо... Ну, смелее... – Вета сама сняла его руку со своей и поднесла к своей щеке. – Гладьте, – повторила она и закрыла глаза. Учеба началась.

И Саша поцеловал ее, сначала едва прикасаясь, как и обещал, потом все теплее и горячее. В первые же 20 секунд он убедился в том, что Вета не врала, признаваясь в своей неопытности; в следующие 20 секунд он удивился тому, как она быстро учится; в оставшиеся 20 секунд он подумал, что теперь ему надо учиться у нее; а когда их губы наконец разъединились, а руки продолжали обнимать, и они замерли оцепенело и только тяжело дыша, – Саша вдруг осознал и даже испугался немного, что его «любовь с первого взгляда» – не простое приключение на знойном юге, что эти губы он не скоро забудет. «Будет лентой пулеметною красоваться поцелуй» – как предупреждал об опасности один песенный шлягер. Но... как уже было сказано выше, падать в бездну – излюбленная забава некоторых Поэтов; и страх, что все теперь будет не просто, их никогда не останавливает.

Говорить после такого соединения губ, рук и сердец – было бы совершенно невозможно. Любое слово сейчас было бы фальшивым или по крайней мере ниже и хуже только что происшедшего. Оставалось одно: целоваться дальше, но уже не как учителю-сексологу с ученицей, а как равноправным партнерам. Остальные двое им не мешали. Саша посмотрел в их сторону и увидел, что они заняты тем же. Вета тоже посмотрела и негромко засмеялась.

– Ты что? – спросил Саша. Теперь уже обращение «вы» было бы совсем неуместным.

– Да так, – сказала Вета, – я подумала: не слишком ли быстро мы все набрали обороты?..

– И что ты себе ответила?

– Мне все равно, – подумав, сказала Вета, – потому что было хорошо.

Стало совсем темно, что было только на руку двум парам, которые на скамейке упоенно предавались скромным радостям безопасного секса, не заходя пока за красную черту. К тому же минут пять назад фонарь, стоявший рядом со скамейкой, очень кстати погас. Темнота скрывала все возрастающую дерзость Сашиных рук и полуобнаженную грудь Виолетты, которую он целовал, все более возбуждаясь от отсутствия возражений с ее стороны. Ее тоже возбуждало все больше и больше все то, что они с Сашей делали. Его рука, гладившая ее в тех местах, к которым до сих пор никто не прикасался, заводила ее еще больше. Вета с удивлением поняла, что, слегка раздвинув ноги, до этого сомкнутые напряженно, она испытывает непривычные, но приятные ощущения и позволяет его руке двигаться все дальше. Но дальше было нельзя, и

Вета мягко убирает Сашину руку, а потом, словно компенсируя этот безмолвный отказ, начала его целовать, шепча: «Саша, пожалуйста, ну, не надо, ну, пожалуйста». Но через минуту Сашина рука вновь возвращалась туда же, и все начиналось по новой.

«Я сейчас или лопну, – думал Саша, – или произойдет семьяизвержение». А Виолетта думала: «Ни за что! Я буду принадлежать тут в Севастополе только Сёмкину!» А потом думала: «Может, и хорошо, что и Сёмкин меня возьмет уже чего-то умеющей, хотя бы – целоваться. Саша добрый и хороший, он научит и поймет. Я ему потом все расскажу. А основному, главному, пусть научит Сёмкин». Хотя и было слишком наивно думать, что ее Сёмкин – этакая «Камасутра» для русской территории, и он знает нечто такое, что могло бы озадачить и Индию, и Францию, и что с ним она испытает такие пароксизмы страсти, которые сделают ее стопроцентной женщиной. Неизвестно еще, каков Сёмкин мужчина. «А может, он вообще голубой?» – вдруг посетило Виолетту страшное предположение. А Саша – вот он, живой, теплый, нежный, неглупый, добрый... но сразу нельзя, нет. Нет, сразу – ни в коем случае! И потом, с Сёмкиным надо хотя бы попытаться, и уж если не получится, тогда ладно, тогда с Сашей.

Саша пока не знал, что назначен дублером первого мужчины. Знал только одно: он хочет эту девушку, как никого и никогда, и у него были основания предполагать, что и она хочет. У него уже все ломало в паху, слишком долго продолжался этот петинг и слишком долго он был возбужден, не имея никакого выхода. Ему надо было извергнуться во что бы то ни стало. «Не в нее, конечно, она на это не пойдет, по крайней мере сегодня, это уже ясно, – думал Саша, как всегда, идеализируя партнершу, – но хоть как-нибудь и куда-нибудь». Отойти для последующей мастурбации куда-нибудь в сторону было как-то совсем недостойно, и Саша, в очередном пике ласк, вдруг взял и положил Ветину руку на то место, которое приносило ему сейчас наибольшие физические муки. Вета испугалась, вздрогнула, отдернула руку, но Саша, продолжая целовать ее, мягко, но настойчиво эту руку вернул. И Вета вдруг испытала еще большее возбуждение от этого прикосновения, вернее от того, что почувствовала: она сейчас с ним может делать все, что захочет. Саша сжал ее руку своей в этом месте, и она догадалась, как следует поступить с тем, что попало ей под руку. Саша застонал.

– Отойдем в сторону, – хрипло и страстно шепнул стихотворец.

– Куда? – опять испугалась Вета.

– Не бойся ничего, – продолжал Саша, поднимая ее со скамейки, – я ничего плохого тебе не сделаю. Отойдем туда, в кусты, – он показал в сторону позади скамейки.

Вета уже не контролировала себя (почти не контролировала! – следует отметить ради полной истины), она была взведена до предела, щеки ее горели, во рту было сухо. Они скрылись в густой темноте кустов. Саша опять поцеловал ее и опять взял ее руку и поднес к своему детородному органу, который сейчас обречен был не выполнять свои основные функции, предназначенные природой для рождения детей, а напротив – грубо, неэкономно и бездарно окропить землю города-героя Севастополя. Трясущимися руками, не способными в данный момент удержать ничего, кроме содержимого брюк, он расстегнул на них «молнию». Вету такое продолжение уже не шокировало, она этого даже ждала.

– Вета, возьми, сделай хотя бы рукой, иначе меня просто разорвет, – продолжал лопотать и захлебываться Сашин половой энтузиазм. Но ее и просить уже было не надо. Она знала или же угадывала, что и как надо делать, только мелькнула в тот момент тень удивления: а чем же еще, если не рукой? – и тут же исчезла, уступив место вдохновенному эрзацу полового акта, который она сейчас совершала. Саша только поскуливал тихо, закрыв глаза, и весь дрожал. И Вета внезапно ощутила совсем новое, никогда до того не испытанное – она сейчас владела им, он был весь ее, он в эти секунды был ее рабом. И еще одно – что это ощущение безграничной власти над мужчиной, хотя бы на короткое время, возбуждает ее еще больше. А Сашина рука в это время продолжала все лихорадочнее и быстрее гладить ее ноги и грудь, и она вдруг испытала настоящий экстаз в ту же секунду, когда Саша отстранившись, чтобы не запачкать ее

платье, оросил своим семенным фондом траву у ее ног. У них все произошло одновременно, у него – от естественного хода событий, у нее прежде всего от осознания власти над ним. А ведь это – всего лишь детские шалости в кустах, и что же будет, когда она научится основному?..

Постепенно успокоились и вернулись к скамейке. Там тоже что-то произошло – в этом же плане, в другом ли, – но произошло, и Петя с Анжеликой допивали шампанское, мирно беседуя.

«Ну вот и хорошо, – облегченно подумал Саша, – теперь можно и просто поговорить, отвлечься на какое-то время от изнурительного полового влечения».

Анжелика тут же обрадовала подошедшую подругу, что у них появился шанс проникнуть на корабль. Вета чуть приподняла брови, что должно было означать безмолвный вопрос: надеюсь, ты не сказала, зачем?.. Жика чуть прикрыла глаза, давая понять, что все в порядке, и тут же сказала (надо же было Вету предупредить, что версия причины, по которой они должны туда попасть, ею уже озвучена):

– У нас же их автографов только нету, да Вета?

– Почему? – включилась Вета мгновенно. – Нет еще Васина с Никой, Станиловского нет, потом еще вот этой, со смешной фамилией Оксана Чушь... – Вета перечисляла тех, кого сейчас могла вспомнить, тихо закипая от ненависти к себе и Жикиной идиотской версии, которую она сейчас вынуждена была поддержать.

Саша чуть насмешливо и не слишком-то доверчиво посматривал на нее; он уже немного знал ее, и она совсем была непохожа на обыкновенную собирательницу автографов. А Вета с возрастающим ужасом думала, как выкручиваться, если он вдруг попросит показать их мнимую коллекцию автографов, ведь если они за автографами пришли, то у них сейчас должен быть и соответствующий блокнот. «Скажу, что собираем на отдельные листочки, а потом вклеиваем в специальный альбом», – подумала Вета, чувствуя себя сейчас набитой дурой, пусто-головой поклонницей у подъезда эстрадного фетиша. Она невольно играла сейчас роль человека глупее, ограниченнее, неинтереснее самой себя, – той, которая была перед Сашей все это время. И Саша не верил, она это видела и даже покраснела, что, в общем-то, было ей несвойственно. Хорошо еще, темно было. Но Саша, видно, решил принять предложенное вранье, потом он все равно узнает подлинную причину, ну а Пете... Пете вообще было все по фигу.

– Так вы с Петей, значит, тут из-за фестиваля? – спросила Вета.

– Ну да, мы тут вроде как журналисты.

– Вроде?..

– Ну не вроде... Мы тут репортажи делаем с этого форума.

– Но ты же сказал вначале, что ты поэт.

– Это правда. Но люди часто работают в одном месте, а зарабатывают в другом.

– А что, – искренне удивилась Вета, – разве нельзя совместить? Я слышала, что авторы стихов к их песням, – она кивнула в сторону корабля, – очень неплохо зарабатывают.

Разговор только в первых фразах получился общим. Теперь уже диалоги шли опять попарно. Уже наладились свои, личные связи, и так было легче.

У Саши с Виолеттой наладились связи физические, теперь же можно было прозондировать связи духовные: будут ли совпадения вкусов, пристрастий, желаний... А вдруг!.. Тогда это будет совсем интересно для Веты и приведет к большой любви Сашу. Несмотря на свои реальные 15 лет, Вета была очень развитой девушкой. Не только внешне. Она много читала и много думала, оставаясь одна, а оставалась одна она часто. Список литературы, который Вету интересовал и который она частично уже освоила, мог бы Сашу сильно удивить. Там были такие фамилии, такие книги, о которых обычные школьницы и не слышали. Кроме того, там было несколько трудов по приватной магии (и белой, и черной), представляющей для нее с детства особый интерес, но с этой стороной ее интересов и ее жизни мы познакомимся немного позднее.

А сейчас перед Сашей образованная, остроумная и взрослая не по годам девочка, являющаяся собеседником интересным, равным, а во многом даже превосходящим. Но Саша пока об этом не знает... «Любимая, да ты и собеседник...», как сочинил когда-то Сашин приятель Володя Черешневый, тоже, между прочим, – поэт.

Мы остановились на вопросе, заданном Ветой, – нельзя ли поэту зарабатывать хорошие деньги, сочиняя стихи к эстрадным песням.

– Смотри, что ты называешь стихами, – сказал Саша. – Я думаю, стихами их назвать нельзя...

– А как можно?

– Это песенные тексты. Ну и песни ведь разные бывают. Некоторые оказывают действие только физиологического порядка...

– Это как? Что-то вроде приятного почесывания? – Она засмеялась. – Да, правда, есть такие...

– Во-во! – обрадовался Саша, что его так быстро поняли. – А бывает, что обращается только к чему-то зверскому в человеке.

– Например, – сказала Вета.

– Давай без примеров. Не хочу никого обижать. Но представь, бессмысленный текст и агрессивная музыка. Для чего? Разбудить во мне зверя? Вот сочиняет автор нечто такое. Чего он хочет?

– Ну, допустим, хочет показаться оригинальным, – предположила Вета.

– Да какое там! Такая продукция уже настолько массова, что оригинально как раз – не любить это.

– Дышите глубже, вы взволнованы, – мягко улыбнулась Виолетта. – Или вы о наболевшем?..

– Конечно. – Саша слегка смутился от некоторого ехидства вопроса. – Хорошие стихи им не нужны.

– Кому?

– Да ни певцам, ни публике! Им почему-то нужна всякая дрянь. Но я, например, не могу себя заставить такую дрянь сочинить, чтобы только заработать. Вот почему после концерта какой-нибудь группы бывают кровавые драки? В людях пробудился звероящер, – закончил Саша свою краткую рецензию о некоторых аспектах современной музыки.

– Ну ладно тяжелый рок, мне тоже не нравится... в больших дозах. Но когда просто заводит, это хорошо. Иногда слушаешь, и так накроет!.. Все внутри пляшет. Адреналин нужен время от времени, да, Саша? И инстинкты звериные тоже, правда, Саша? – Вета с неприкрытым плутовством взглянула на Сашу и положила как бы невзначай свою руку ему на колено.

«Вот же bestия!..» – подумал Саша, а вслух через несколько секунд осевшим голосом спросил:

– Будем продолжать разговаривать или опять отойдем туда, где были?..

– В кусты? – шепотом и улыбаясь спросила Вета.

– Да...

– А ты хочешь опять? – задала Вета совершенно никчемный вопрос, так как сама знала ответ.

– Да-а-а, – прохрипел Саша плотоядно.

– Ну вот ты и звероящер сейчас, – сказала Вета спокойно, убрав руку с Сашиной эрогенной зоны. – Тиранозавр, вот ты кто сейчас.

– Да, – опять согласился Саша, – ну так что, идем?

– Попозже, – пообещала юная искусительница, – у нас вся ночь впереди, правда?

– Да, – уже радостно подтвердил Саша, не замечая, что он уже давно обходится в их разговоре только одним простым словом.

– А сейчас давай еще о стихах и песнях, мне это интересно, давай?

– Да, – вновь умиленно подтвердил Саша, и они продолжили.

– Ну хорошо, а другие стихи песенные есть?

– Конечно. Если для ума или сердца, или воображения. А еще лучше, когда и для того, и для другого, и третьего. Тогда песня – не однодневная дрянь.

– А это для здоровья не вредно? – продолжала Виолетта немного посмеиваться, хотя и была с Сашей согласна.

– Нет! Невредно! – опять завелся он. – У человека должно хоть иногда чаще биться сердце от чьей-то любви или чьей-то печали, или от осознания красоты, к которой хочется двигаться, которой хочется подражать.

– Зачем? Ты не многого ли хочешь от простой песни?

– А затем, что душу надо тренировать. И ум. Иначе они станут такими же незатейливыми, как у собирателей автографов, – вырвалось у него вдруг, и он замолчал, сам испугавшись своей невольной бестактности.

– Продолжай, – сказала Вета спокойно. – Ты меня не обидел. Автографы мне не нужны, ты ведь и сам не поверил, правда?

– Правда. Тогда зачем...

– А вот зачем, я тебе потом объясню, ты продолжай.

– Ладно. Так вот, душу и ум надо тренировать. Ты замечала, как часто говорят про какую-нибудь книгу или фильм, или спектакль: «Он заставляет думать». Думать, стало быть, необходимо заставлять. Будто бы это не естественное состояние человека, а естественное – это не думать ни хрена ни о чем. Вот и с песнями – то же самое. Большинство из них не только не заставляет думать, а заставляет – не думать.

– Ну перестань, есть же действительно хорошие...

– Есть. Мало. И они все меньше нужны. А спрос все больше – вот на это, – он посмотрел в сторону теплохода. Оттуда, словно живое подтверждение вышесказанному, несло: «Вечером на лавочке у нас – песни, танцы, шманцы, просто класс». Они немного послушали, и им одновременно стало смешно. Саша обрадовался, что и это совпало. – Вот как? По-твоему, шманцы – это что? Промежуточная фаза между танцами и совокуплением. И почему танцы – на лавочках? Шманцы, – повторил он презрительно. – А ведь это моя знакомая написала. Настоящим поэтом она была когда-то... Потом, видно, поняла, что из настоящих стихов шубу не сошьешь, и теперь вот чем занимается. Теперь она поэтесса-песенница. Ближе – к пепельнице. Шманцы, – опять повторил Саша брезгливо.

– Так ты и вправду не знаешь, что такое «шманцы»? – сказала Виолетта, придвинувшись к нему чуть ближе.

– Нет, – настороженно ответил Саша, опасаясь, что она снова подшучивает над ним.

– Ну-у, это так просто... Я тебе сейчас объясню. Шманцы – это то, чем мы занимались с тобой полчаса назад, – она совсем приблизила к нему свое лицо, а потом, поднеся губы к его уху, еле слышно прошептала: – И это то, чем мы займемся с тобой сейчас.

– Шманцами?

– Ну да, именно ими.

После чего Вета, не откладывая дела в долгий ящик, перенесла свои губы от Сашиного уха – куда надо и поцеловала его так, как уже научилась. И через минуту сама сказала ему:

– А теперь отойдем... ты опять хочешь... Пойдем, а потом я покажу тебе, как я сочиняю стихи.

И опять удивился Саша, но сейчас было не до этого, он был вновь во власти этой порочной девчонки; он пребывал в упоении от ее дерзкой и безошибочно направляемой сексуальности и от собственного сладострастного рабства. Они метнулись в кусты, будто от чьей-то погони. Дальше ей предстояло добивать его своими стихами. «Кусты, стихи – как это, однако

же, рядом», – успел подумать Саша перед тем, как Вета уже сама расстегнула ремень на его джинсах. «Кусты, стихи, скамейка», – да из этих трех слов можно шлягер сложить», – мелькнула у него последняя мысль перед тем, как провалиться в вулканический кратер пламенной страсти, жгучих прикосновений и вызываемых ими огненных чувств, словом, всего пламенного и огненного, что сопровождает темпераментное соединение тел. Или, еще раз обратившись к чудесным образцам нашей эстрады, облагородим происходящее нижеследующей цитатой из песни.

Музыка тела пела и пела
Музыка тела вечной была.
Ты не хотел и я не хотела —
Музыка тела нас позвала.

Впрочем, они оба хотели, ну а «музыка тела» не заставила себя долго ждать.

На сей раз Вета позволила ему чуть больше познать свое тело, приоткрыла новые горизонты, он уже почувствовал – куда ему следует стремиться в следующий раз, он уже узнал: как и в каких именно зонах он может довести девочку до того состояния, когда уже она будет его рабой. Саша обольщался. Вета умела получать удовольствие, всю ситуацию в целом держа под контролем. Вета училась, Саша влюблялся... Все больше и больше. Но так и должно было быть.

Не только поэты – жертвы. Занятные аналогии можно найти и в животном мире. И даже у насекомых. Что самка богомола, например, пожирает самца сразу после оплодотворения, – это не секрет даже не для энтомолога. И потом, в богомолах нет никакого обаяния, согласитесь. Их даже не очень жалко. Но вот сурки! Кошмар! Вы посмотрите, что у сурков делается! Милейшие существа, казалось бы! Но оказывается, во время спаривания самка кусает, затем просто грызет самца. Грызет и поедает! А он, будто не чувствуя этого, продолжает ее любить! Иметь ее, хотя на самом деле имеет его она. Она им в этот момент с аппетитом подкрепляется, а он продолжает, отдавая в буквальном смысле свою жизнь. Жизнь – за любовь, представляете! А люди?! Разве далеко ушли? Та же Клеопатра! За одну ночь любви! И на это шли безусловно только Поэты. Поэты – в душе, необязательно профессионалы. Только романтический простофиля способен так распорядиться своей жизнью и вручить ее на блюдечке с голубой каемочкой какой-нибудь стерве, которая заслуживает только того, чтобы ее отлюбила подряд и без остановок армия римских легионеров, только что вернувшихся из длительного похода.

Саша... бедный сурок... «И мой сурок со мною», – жалостливая песня Бетховена. Но будем все же надеяться, что у Саши до этого не дойдет, что его все-таки не слопают так просто, а только сильно покусает или попытаются им утолить голод, но почему-то не выйдет... Посмотрим. Во всяком случае, мы Сашу до такой степени в обиду не дадим, мы его не угробим в этом рассказе, его не стрескают так, за здорово живешь! Он выживет!

Глава 6

Временная победа поэзии над плотью

Они вышли из темноты, держась за руки. Саша улыбался счастливо, Вета – блаженно. Петя с Анжеликой куда-то отошли. Можно было предположить, что в кусты рядом. Жика могла подумать: «Ей можно, а мне нельзя, что ли?» – и позволить Пете чуть более смелые ласки. Они сели. Саша сам вспомнил:

- Так что стихи?
- Что стихи?
- Ты хотела показать.
- Показывать нечего. Я их сочиняю сразу и набело.
- Как это так? – удивился поэт.
- Ну как акын. Что вижу, что чувствую, то и пою.
- Ну-ка, ну-ка, попробуй.

Вета сосредоточилась буквально на минуту, а потом прочла:

Когда вдруг грешная душа
Сольется с грешною душою,
Скажу я: «Видите, Луна
Встает над грешною Землею?
Грешна она и все мы грешны,
Мы грех извели давно.
Так разве грех грешить нам, грешным,
Когда грешить нам не грешно?»

Вета улыбнулась Саше, задавая этот вопрос, потом сказала:

- Погоди, еще не все. Теперь постскрипtum, другим размером. Сейчас...
- Она помолчала несколько секунд, прикрыв глаза, затем нараспев произнесла:

По-твоему, довольно смелый стих?
Но он тебе за первый шаг награда.
Я с нетерпеньем жду стихов твоих.
Твоих стихов! Других уже не надо.

Вета закончила. Ее глаза хитровато блестели. Это было правильное, правдивое выражение глаз, часто принимаемое поэтами за «сияние». Да и прозаики тоже частенько злоупотребляют выражениями типа: «ее глаза сияли», притом под аккомпанемент «часто вздымающейся груди». Правильно! Нельзя же говорить про взволнованную женщину словами и выражениями темных переулков и глухих задворков, даже слишком просто – нельзя, иначе получится что-то вроде – «Виолетта часто дышала» или, того хуже – «дышала, как собака после бега. А ее глаза были покрыты глянцем, как начищенный сапог». Это будет правда, но некрасивая правда! Кому она нужна? Надо же все-таки о струне рассказывать, а не о ржавой проволоке! О звенящей гитарной струне в начале любовной серенады! И посему глаза обязаны блестеть, а в крайних состояниях – сверкать, а грудь обязана вздыматься и, что характерно, вздыматься – соблазнительно. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что женщина, играющая в любовь, часто увлекается настолько, что остановиться уже не может и начинает сама верить в подлинность своих чувств, в достоверность показа. И уже и слезы текут настоящие, и руки дрожат на самом деле, и даже до состояния аффекта может пойти. Одно слово – оперетта! Ах, Виолетта

– оперетта! Такое юное существо, а уже знает, догадывается, что надо делать, какие кнопки нажимать с такими, как поэт Саша Велихов. Она знает, что таким одного тела, одной физиологии – мало; им нужна серенада и никак не меньше. И Саша свою порцию серенады уже получил. Он оторопело смотрел на Вету, потому что не поверил своим ушам: нет, разумеется, стихи были дилетантскими, но если она не врет и сочинила такое моментально, то какие же у нее резервы! Но что в данный момент было еще важнее, они были о нем, о них, о том, что сейчас между ними. Вчера придумать такое было нельзя, она еще ничего не знала, – значит, правда?.. Она же не ясновидящая какая-нибудь, чтобы предвидеть, что с нею будет, и с кем, и написать об этом заранее, а сейчас сделать вид, что это – импровизация!..

Вот тут, однако, был прокол... Но Саша в нем не виноват, не мог же он предположить тогда, на скамейке, что Виолетта...

Стоп! Опять рассказчик забегаёт вперед, чуть было не раскрыв то, о чем следует пока помалкивать. Так что помедленнее, не гоните сюжет, литератор... Тем более что название всего рассказа – само по себе подсказка... Останемся в неведении: импровизация ли это, или импровизация, заранее подготовленная.

А пока – все по плану: глаза блестят, грудь вздымается, стихи прозвучали и, как и предполагалось, ошарасили. Мысли материализовались в слова и глупые вопросы.

– Ты это... сама?

– Ну да, конечно...

– О нас?

– Ты же слышал...

– И вот прямо сейчас?..

– А когда еще я могла это придумать, – усмехнулась Виолетта. – Вчера тебя еще не было. Вернее, ты был, но не в моей жизни...

– А еще можешь?

– Могу, но сейчас не стану...

– Почему?

– Давай лучше ты, ты же профессионал.

– Да в том-то и дело, что профессионал так сразу не может... – Саша помолчал. – Слово какое-то чужеродное по отношению к поэту – профессионал, верно?

– Пожалуй, – подумав, согласилась Вета.

– Похоже на профессиональную любовь. Тогда это иначе называется.

– Проституция?

– Ну да, и в поэзии тоже. Вот там такое и поется, – он опять мельком глянул на фестивальное плавсредство.

– Может, пойдем теперь туда? – неуверенно предложила Вета. – Обстановку сменим.

– Нет, давай ребят подождем. Петя с Анжеликой вернутся, тогда и пойдем. А пока... Знаешь, ты во мне азарт разбудила, я тоже попробую, только подумаю немного...

– А-а-а, все-таки разбудила... – не без злорадства заметила Виолетта. – Профессиональную честь...

– Ну не надо, – попросил Саша, – мы же согласились, что это слово не совсем к поэзии подходит. Согласились?

– Да.

– Тогда зачем эти подковырки?

– Да так, из вредности, извини. Давай, я не буду тебе мешать, – Вета отвернулась.

– Ты мне не мешаешь, – уже думая над строчками, сказал Саша. – Ты помогаешь...

Они оба почему-то одновременно посмотрели на небо, Вета просто так, праздно, а Саша – тревожно и просительно, будто именно там искал подходящие слова и верную музыку.

– Ах! – выдохнули оба, потому что столько звезд они никогда не видели. Это был парад звезд и звездочек, они словно все решили нынешней ночью себя показать. Большие – само собой, их и так видно каждой безоблачной ночью, но и маленькие, которых никто, кроме астрономов, не замечал. Будто кинул кто-то в небо золотым песком и не дал упасть, велел: замри! И эта золотая россыпь в прекрасном желтом беспорядке блестела и посверкивала теперь от горизонта до горизонта. А впереди было море, и там далеко, у горизонта звезды и море соединялись. В море падал золотой дождь. Посреди черной, вязкой южной ночи, перед обнажившимся лицом Вселенной, перед тем, что не может, не в силах вместить в себя обыкновенное человеческое сознание – и потому называется абстрактно – бесконечность; перед бездонными размерами мироздания – сидели на лавочке двое, два недолговечных и ломких человеческих существа, которых Он (тот, кто разбросал звезды) наделил непрочным телом, пищеварительным трактом, животными инстинктами и поместил в разряд высших (что все равно малоутешительно) – млекопитающих. И, наверное в этом был какой-то особый смысл, который мы не сумели пока разгадать. Или же нам и не дано разгадать. Там, за рекой по имени Лета, нам объяснят. Отчего такую богатую духовную жизнь может легко прервать такая паразитарная мерзость, как рак, или автокатастрофа, или еще многое другое. Бац – и нету! И где ты теперь? Со всеми своими стихами и любовью? Или все-таки где-то... Но есть же все-таки наказ оттуда: жить днем сегодняшним. И жить теми средствами, которые тебе даны, в том числе и телом, относящимся к животному миру, а не духовному. И вот сидели двое – ничтожная, но все-таки часть Вселенной, и ведь зачем-то созданная часть, каждый со своей улыбкой, со своим обаянием, со своей мелодией, со своим светом внутри и со своей тьмой, со своими мечтами, летающими над ними, как ночные птицы, или же летучие мыши, чьи серые тени разрезают черноту ночи.

А над ними, внося в душу смятение, висела полная Луна, которая, как известно, командует многими таинственными процессами на Земле.

Минут пять они молчали, а потом Саша стал говорить. Произносить слова, стихи, которые сейчас сочинились. Он будто исполнял собой, как инструментом, ту музыку сфер, которую сейчас слышал. И не небо, не Вселенная продиктовали ему этот романс в сумерках, они только помогли; он говорил или почти пел то, что произошло с ним сегодня. С ним и с Виолеттой. Вполне по-земному. Это было непостижимо, но гармонично связано: двое, лето, тополиный пух, мечты, ночные птицы, море, счастье и его краткость, судьба, звезды, тревожная луна, все вместе рождало эти слова. И соединялось, соприкасалось то, что соприкасается редко: музыка сфер и земных, и небесных.

Сквозь тихий сквер фата тумана
Плыла бела, плыла бела.
И наша встреча так неожиданна
Для нас была, для нас была
Вы мне явились в одночасье,
Как летний дождь, как летний дождь.
Как часто мы случайность счастья
Не ставим в грош, не ставим в грош.
Нам никуда теперь не деться:
Открыли счет, открыли счет.
Хлебнувшее безлюбья – сердце
Нас обречет, нас обречет, —

поставил Саша точку и посмотрел на нее. Вета бросилась его целовать. Она знала цену того, что только что услышала. Сашу можно было не только любить, не только использовать,

его можно было еще и уважать. А Вета мало кого уважала. Она поняла, что Саша не бахвалится, говоря о себе, как о Поэте, что это не треп, что у него были все основания так о себе думать. Другое дело, что поэзия и поэты не входили в Ветину жизненную программу, но, знаете, можно разделяя совмещать: вот это для тела, а вот это для души, одно для дела (или денег), другое для изящного развлечения и удовольствия. Вета была девушкой современной и полагала, что одно другому не вредит, а, напротив, делает ее натурой многообразной и гармоничной. И целовала она сейчас Сашу, представьте себе, со слезами на глазах и, растроганно глядя его голову, все говорила, говорила тихонько, будто заранее утешая его, что на него неизбежно обрушится много бед, которые сопровождают всю жизнь каждый большой талант, но которые он непременно переживет и выдержит!

– Саша, как хорошо, как это было здорово, – все повторяла она между поцелуями, – ты настоящий, если у тебя такое получается; как же ты можешь сказать так, как другие только чувствуют, когда другие немые и беспомощны и не умеют; хотят, из них рвется, а не могут! Как хорошо, как хорошо!

В красивой девушке Виолетте царил сейчас гармония тела, дела и души. Быть может, в первый и последний раз. Но все равно – наши поздравления!

Подошли Петя с Анжеликой. Петя глумливо поинтересовался, не устали ли они еще целоваться? Вета посмотрела на Петю, как на навозную муху, залетевшую в бокал с французским шампанским, но тем не менее ответила:

– Мы не так целуемся.

– А как? – продолжал Петя оживлять разговор.

– А вот как, тебе вряд ли понять.

– Почему это, – обиделся Петя. – Мы, значит, типа

Море цвета индиго,
Небо вкуса ванили.
Твои губы опять
Не туда угодили, —

процитировал он в свою очередь популярный песенный хит. – Значит наши – не туда, а ваши – куда надо?

– Это я его за стихи-и-и благодарю, – сказала Вета и нежно посмотрела на Сашу.

– А-а, тогда понятно. Шурец у нас – гений. Хорошо, что ты это просекла. Ну пошли, что ли? На пароход, – предложил Петя и тут же запел фальшиво и нахально: «Пароход белый-беленький, черный дым над трубой. Мы по палубе бегали, целовались с тобой».

– Пошли, – сказал Саша, обнял Вету, и все направились к белеющему трапу, у которого еще какие-то два часа назад безнадежно торчали две школьницы, не подозревая о том, что через эти два часа они станут намного взрослее и опытнее, что вполне женские навыки они приобретут еще до контакта с группой «Сладкий сон», и останется только сделать последний шаг.

Глава 7

На теплоходе

Проблемы пройти и примкнуть к веселящимся массам вовсе не было. Каждый житель корабля имел пропуск, каждый участник фестиваля – пластиковую карточку, каждый журналист – аккредитационную карточку. У наших друзей – было все, и они могли провести с собой еще хоть пять человек.

На верхней палубе, прямо у лесенки, сидел за столиком пьяный Гоша из группы «Мистер Хадсон». Напротив него сидела жрица любви или, как говорили в старину, «погибшее, но милое создание», или еще «жертва общественного темперамента». В том, что сидела именно она, у Саши и Пети сомнений не было, они их распознавали еще прежде, чем они откроют рот и произнесут свое сакраментальное: «Мужчина, не хотите ли отдохнуть?» Гошу было жалко, он постоянно горел на проститутках, но все не желал успокоиться. Стол был большой, и сидели только они. Гоша плавно и широко повел рукой и предложил присаживаться. Сели. Саша пошел покупать еще шампанское. А Гоша, ничуть не смущаясь присутствием посторонних, продолжал, видно, уже давно начатый разговор. Разговор был (и тоже, видно, давно) в патовой ситуации.

– Ну нет у меня больше денег, – говорил Гоша, – давай так просто.

– Нет, – скучающим голосом отвечала путана.

– Ну почему нет! Я ведь тебе за вчерашнюю ночь сколько бабок отвалил, помнишь?

– Помню, – равнодушно отвечала та.

– Ну так что, ты один разок не можешь за так, да?

– Не могу, – неприкрыто зевнув, отвечала панельная дама. Работа, видно, у нее была тяжелая, в две смены, фестивальная страда требовала особых усилий, спать некогда, вот она и зевала, и бедный обнищавший Гоша был ей ни к чему.

– Почему? Что, я тебе совсем не нравлюсь, да? Ну сам по себе? Скажи!

– Нравишься. Но без денег не пойду.

– Да подожди. Ты ко мне испытываешь хоть что-то? Ну хоть какую-нибудь симпатию, как к мужчине, а не как к кошельку. Ты меня любишь? Ну скажи. Любишь хоть чуть-чуть?

– Люблю, – снова зевнув, продолжала терпеть девушка, решившая, однако, стоять до конца. Или сидеть, пока на горизонте не появится новый клиент.

– Ну так почему, почему? Ты что же, когда всю ночь говорила, как любишь меня, что я у тебя такой единственный, врала, да? Ну скажи, врала?

– Кончай Игорь, бесполезно, – устало молвила путана и незаметным, но цепким взглядом агента внешней разведки окинула площадку: не появился ли кто.

Саша, подошедший с шампанским, некоторое время прислушивался к разговору, потом неожиданно спросил:

– Сколько?

– Что сколько? – не понял Гоша, однако дама его сердца поняла.

– Ему, – она кивнула на Гошу, – как постоянному клиенту, тысячу рублей за час.

– Тебе часа хватит? – спросил Саша.

– Мне полчаса хватит, – ответил Гоша, сокрушенно и пьяно мотая головой.

– А за полчаса, значит, пятьсот? – продолжал Саша прицениваться к сомнительному товару.

– Нет, все равно тысячу. Хоть пятнадцать минут, хоть час.

– Это как междугородный телефонный разговор, – встрял Петя, – меньше чем за три минуты нельзя. Даже если разговариваешь одну.

– Во-во, – сказал сомнительный товар. Предмет Гошиного вождения и впрямь оставлял желать лучшего. Грубое лицо, толстый нос и давно не мытые волосы, расчесанные на прямой пробор, жесткими прядями спадающие на кофточку, бывшую, возможно, белой, но позавчера. А глазки такие маленькие, что их размер невозможно было скрыть, даже дорисовав их до самых висков. Выразительности и живости в них было столько же, сколько в пуговицах от старых кальсон. То есть – нормальному человеку, если уж так стало невтерпех, – быстро, в безлюдном ночном дворе, где пахнет кошками, между двумя мусорными баками, стоя, ни в коем случае не спрашивая, как зовут, и чтобы быстро уйти и не вспомнить больше никогда, и красная цена – тридцать рублей и две пустые бутылки...

Но сейчас, на фестивале, спрос есть. Есть спрос, и работа кипит. И бедный Гоша такое чучело любит. И хочет. По крайней мере сейчас.

– Ну пятьсот за полчаса, – продолжал торговаться Саша.

– Сказала, тыщу, значит, тыщу. И потом, кто платить будет?

– Я, – сказал Саша, доставая бумажник. Гонорар обретал реальные черты, а других предложений пока не было, поэтому она сказала: «Девятьсот».

– Семьсот, – сказал Саша, – больше не дам. Тем более ты тут без сутенера и можешь не делиться. Идет?

– Ладно, – согласилась корабельная гетера, – деньги вперед.

– Хорошо, – сказал Саша, вынул из бумажника семь сотен. Она пересчитала.

– Ну что, идем в твою каюту, голубок, – пропела она Гоше голосом циркулярной пилы и начала поднимать его со стула.

– Идем, конечно, – радовался пьяный Гоша, вождленно поглаживая ее зад, только что взятый напрокат.

– Шурец, не беспокойся, я отдам, ты ж меня знаешь.

– Знаю, – сказал Саша. – Я и не беспокоюсь.

– Я потом вернусь, – пообещал Гоша, оборачиваясь.

– Хорошо, хорошо...

– Моя дорогая, моя любимая, как я тебя хочу, Анжела, – ворковал Гоша, удаляясь, тиская свою подругу и разогревая себя до нужной кондиции.

– Анжела, – повторил Саша и посмотрел на Анжелику, – гм, надо же...

– Да мать – дура, – вдруг в сердцах вырвалось у Жики. – Проще не могла назвать.

– Ну ладно, – успокоил Саша, – я просто так, ради шутки.

– Меня, – сказала Анжелика серьезно, – твои шутки задевают. Я и так всю жизнь мучаюсь, понимаешь?

– Понимаю, – сказал Саша. – Извини меня.

– А кто это был, приятель твой? – поинтересовалась Жика, быстро простив.

– Ты не узнала? Он же солист группы «Мистер Хадсон».

– Да-а? Странно, а чего же он с такой?..

– Ну с этой он давно. Он ее еще в Питере подцепил. В гостинице «Октябрь», у них там свой проститутский кооператив, называется знаешь как? «Шалунья»! Теперь здесь работает. Где сезон, там и трудится.

– «Шалунья» – это его болезнь, – пояснил Петя, – он все время на любых гастролях берет проституток, тратит на них все деньги и всякий раз требует от них подлинного чувства, нежности требует, хочет, чтобы они ему в любви признались. Это, конечно, можно. За отдельную плату. Они так и делают, пока деньги у него не кончатся...

– А потом?

– А потом – вот как сейчас ты видела. Но Гоша к этому времени уже думает, что у них роман, что деньги уже ни при чем, что они вот-вот поженятся...

– Бедный, – вздохнула Жика и подумала, что годика через два, а может, даже и теперь, только после Буфетова, она помогла бы несчастному Гоше из одного только альтруизма. И потом, он такой знаменитый... и так поет хорошо...

– Ничего он не бедный, – усмехнулся Саша, – он чего хочет, то и получает. Он странным образом только проституток и любит. Вот на тебя он и не посмотрел бы даже, – добавил он, будто прочитав Жирины мысли.

Скрывая смущение, Жика повернулась к Пете и обняла его.

– Петечка, открой нам шампанского. Ты это делаешь так неопасно, бесшумно.

Польщенный Петя потянулся за бутылкой. Можно было спокойно осмотреться. Кто-то танцевал, кто-то слушал, как поют, кто-то просто выпивал. Благодаря Саше с Петей девушки попали прямо в самую гущу эстрадного мира, который казался до этого совершенно недостижимым. Изнанки этого мира они не знали, а фасад выглядел очень привлекательным. Богато и весело все было. Многие лица были знакомы; кого-то девушки узнавали сразу и, толкая друг друга в бок, перешептывались: «Смотри, вон Дубин пошел. – Где, где? – Да вон, вон туда, смотри. – А-а! Да, да, вижу. С кем это он? – Ну с этой, с этой телеведущей, как ее фамилия? – Не помню... – А она ничего... – А вон Бойцов, погляди. Он что, покрасился или выгорел? – Нет, нельзя так выгореть, наверно, все-таки покрасился. – А Скакунов-то, Скакунов! – Где, где, покажи. – Ну вон стоит, с манекенщицей, наверно. Лучше бы не стоял: в ней все метр восемьдесят, а он такой высоты достигнет только в прыжке».

Девушки увлеклись настолько, что на время позабыли о своих партнерах по вечеру, по скамейке, поцелуям и стихам. Они вдруг снова превратились в наивных девчонок, школьниц, сплетниц, в тех, кем, в сущности, и были; все взрослое и женское в них опять ушло на задний план, в тень, будто застеснявшись того, что не вовремя себя показало, поторопилось. Они толкали друг друга, хихикали и перешептывались. Петя с Сашей смотрели на них с недоумением и некоторым испугом: они вдруг увидели их подлинный возраст. Саша взглянул на свою новую возлюбленную будто со стороны: и свежий взгляд проявил беспристрастное фото, на котором были школьный ранец, дневник, тройка по алгебре... И тут Вета случайно перехватила Сашин взгляд и жутко смутилась. Единственным, что могло ее смутить в тот вечер, было то, что в ней могут угадать школьницу 15 лет. Она все сделала для того, чтобы быть с Сашей взрослой, готовой к любви девушкой, и тут... на тебе, потеряла бдительность. Надо было исправлять поведение по-быстрому. Вета на полуслове оборвала оживленное обсуждение эстрадных звезд, резко сказав Жике:

– Ну хватит! Все это не так интересно. Выпьем!

Жика, однако, не могла остановиться и все жадно высматривала знаменитостей на палубе, но все попытки привлечь подружку к перебиванию их костей не встречали теперь никакого отклика. Вета будто поставила между ними ледяную стенку: хочешь продолжать оставаться школьницей – давай, но без меня, я в этом больше не участвую. И тебе не советую, опомнись, ты компрометируешь и себя, и меня, будто говорила взглядом она подружке, намекая, увещевая и осаживая ее школьное любопытство, ее неприличный аппетит к ставшему столь близким миру эстрадных звезд. Но Жика все не унималась:

– А это кто, кто это с тобой поздоровался? – теребила она Петю.

Надо сказать, что Саша с Петей были тут далеко не новобранцами: их знали, они в этом кругу давно были своими, эстрадные тусовки для них дело привычное, отчасти даже место их работы, и сейчас с ними многие здоровались, кивали издали приветственно, махали руками, приглашая к своим столам.

– Ну кто это, кто, – все допытывалась Анжелика у Пети, – Вахлакова или Леда Шанс? Я их все время путаю.

– Да какая тебе разница, кто! – уже разозлился Петя. С тех пор как они пришли на корабль, его новая подружка обратилась к нему лишь дважды, да и то с двумя просьбами:

открыть шампанское и напомнить имя прошедшей мимо певицы, все остальное время он для нее не существовал, она его просто игнорировала. Петя даже обиделся. Хотя в профессиональном смысле обижаться было невыгодно: будешь, допустим, брать интервью, перепутаешь опять, как почти каждый журналист, свободу с развязностью и смелость с хамством, ну и тебя пошлют... Ты можешь, конечно, обидеться и уйти, но тогда так и останешься без интервью, без пикантных подробностей, а значит, и без гонорара. Поэтому Петя обижался редко, но сейчас на Анжелику обиделся. Он, зная предмет, что называется, изнутри, не считал, что наши поп-звезды достойны такого уж внимания. – Ну Вахлакова прошла, ну и что? Кто тебя еще интересуется? Бойцов? Давай, познакомлю.

– Нет, не хочу, – опомнилась Анжелика. – Не так уж и нужно. Просто я в первый раз в жизни их вижу так близко. А вообще-то они такую ерунду поют.

Она пыталась себя как-то реабилитировать перед Петей.

– Ну уж слишком ты строга, – заметила Вета. – Ведь весело всем.

– Да, но они же сами все вот это стихами называют, – Жика хотела казаться умнее, чем была.

– Это правда, – сказала Вета, – со стихами они на «вы». Но есть кое-кто... Как ты, Саша, сочинил: «Соединение в полете судеб и рук», – повторила она тихо, словно про себя, а Петя встрепенулся.

– Это Сашка сочинил?

– Да, – сказала Вета.

– Когда?

– Да только что. Мне...

– Это понятно. А как там дальше?

Саша прочел все.

– Ну гений и все, – всплеснул Петя руками. – Шурец, все вот эти, – он повел рукой вокруг, – по сравнению с тобой – косноязычные обезьяны. А ты можешь!.. Девочки, давайте за Сашку выпьем. За его талант, за его здоровье. А ты, – сказал он Вете, – гордись, что это тебе. Ты, считай, уже увековечена.

– Я горжусь, – сказала Вета.

Выпили.

– Я водки возьму, – распалился Петя, – Шурец, будешь? А вы, девочки?

Шурец был не против, девочки решили продолжать пить шампанское и попросили еще мороженого. Петя явился через пять минут и с тем, и с другим. После водки Петя продолжал развивать тему, которую можно было бы сформулировать вопросом: что есть подлинная ценность? Тему Петя развивал на ярком примере: мало кому известный, но гениальный Шурец в сравнении со всеми известными, но, по сути, чепуховыми поп-звездами, о которых забудут сразу после того, как исчезнут с телеэкранов их клипы. «Вечность и сиюминутный дешевый успех» – вот к такой глубокой теме прикоснулся Петя после водки, но, судя по всему, весь пафос темы был продиктован ему не тогда, когда Саша прочел стихи, а когда все внимание Анжелики было отдано знаменитостям, а он, Петя, которому она недавно чуть ли не отдавалась в кустах, оказался сейчас вовсе ненужным, всего лишь средством доставки Анжелики на орбиту тех самых поп-звезд. Ракета-носитель. Отброшенная третья ступень. Петя – умнее и интереснее их всех, но он, однако, всего лишь журналист из популярной, бульварной газетки (кстати, оттого и популярной, что бульварной), который вынужден растрчивать свой ум и, может быть, даже талант на освещение жизни всех этих никчемных, пустоголовых, самовлюбленных павлинов. И не только он вынужден, но и гениальный Шурец. Обидно, а как же! Злоба на весь отечественный шоу-бизнес оптом копилась у Пети давно, и ему было чем сейчас плюнуть в колодец, из которого он тем не менее продолжал регулярно пить воду. Продолжал, а куда деваться! И это его все более унижало, поэтому злоба росла, превращалась в ядовитые отходы,

в токсины, отравляющие Петин организм, которые необходимо было хоть изредка куда-нибудь сливать. А куда? Не на страницы же своей или даже любой другой газеты, тогда вообще кислород будет перекрыт и Петю не подпустят даже к самой захудалой начинающей старлетке. Слить яд можно было только в частных беседах, что Петя и делал иногда и, надо сказать, не без юмора.

– Когда твоим именем названа звезда, – начал Петя свою лекцию, – вот как в случае с Высоцким, например, это серьезно. А когда твоим именем не назван даже завалящий астероид, но ты сам называешь себя звездой, и все в твоём тусовочном бульоне называют друг друга звездами, это совсем несерьезно. Но мы все (тут Петя конкретно обратился к Анжелике) настолько к этому привыкли, что нам даже несмешно. У нас есть хорошие и популярные артисты, есть популярные и плохие, вторых – значительно больше. Но и те, и другие называются звездами, особенно популярные плохие, потому что первые, хорошие, еще как-то стесняются. У вторых какое-то особенное свое сообщество, со своими законами, своим вкусом, своей лексикой, слов эдак в 50, а из этих 50 30 – это новый русско-американский сленг, дикий такой коктейль из Брайтона, зоны, междометий и мата; свои шутки, от которых смешно только им самим; свои девушки, спутницы-фанатки, свои журналисты, короче – своя тусовка, за пределами которой им ничего не интересно. Такое ощущение, что они ничего не читают, кроме рецензий своих журналистов на самих себя. Хотя, впрочем, это ведь не рецензии, то, чем мы, журналисты, занимаемся, это скорее эпизодические жизнеописания, подсмотренные, как правило, через замочные скважины их спален. Эти наши звезды с их личными астрономами в их личном космосе!.. Они, бедные, даже не подозревают, что и они – не звезды, и мир их далеко не космос, а только мирок, аквариум, в котором они, рыбки наши золотые, гуппи и неоны, резвятся, искрятся, поблескивают, кокетничают и позируют. А за аквариумом все время следят их продюсеры. Именно они меняют там воду и сыплют им корм. Захотят – подсыплют, захотят – нет, а захотят – вообще рыбку выкинут и заменят новой...

Петя немного помолчал, потом сардонически засмеялся.

– Никому в голову ведь не взбредет назвать звездой Толстого или Чайковского, Шопена или Бальзака. Идиотски даже звучит: Достоевский – звезда. Я думаю, что и сам Христос сильно возражал бы против этой формулировки в свой адрес, которой его наградили в XX веке – «Иисус Христос – суперстар». А ты как думаешь, возражал бы? – агрессивно спросил он Анжелику.

– Наверное, да, – пожала она плечами. – Я об этом не думала...

– А думать надо. Думать надо всегда, – нравоучительно поднял палец Петя. – Вот мне друг рассказал, он на «Эхе Москвы» работает. В какую-то передачу, забыл, как называется, что-то там про любовь, приглашают гостя, звезду, так сказать. Заранее спрашивают: какую музыку вы хотели бы услышать? Ну в качестве такого аудиоподарка для себя? Так вот только один человек попросил не свою музыку, не свою песню. Для всех звезд речь не шла о том: моя или не моя. Без вопросов – моя! Вот только: сколько можно дать в эфир, одну или две? Один только искренне удивился и сказал: зачем я, когда есть, например, Моцарт. Настоящая звезда вон там, – Петя показал на звездное небо, – светит, и все.

И еще греет. А после того, как умирает, гаснет, – ее свет еще долго-долго доходит до дальних планет.

Это (он брезгливо скривился и повел рукой вокруг) всего лишь фейерверк на народном гулянье, который только и делает, что шумит, сверкает и трескает. Бенгальские огни! А народ это тешит. Но помнит он их только, пока они шумят и трескают. Только! А потом – только черные палочки и в мусорник! – закончил Петя категорически. – Давайте выпьем, – удовлетворенно сказал Петя, – за настоящих звезд. За больших.

Чем больше звезда, тем меньше от нее шуму, тем меньше она трещит. Чем крупнее, тем дольше светит. Вот как наш Шурец.

Выпьем за Шурца! Вот он себя звездой не считает, хотя имеет на это полное право. Мы все рядом с Шурцом – очистки картофельные, а те – просто помои, свиной корм.

– А я, стало быть, – клубень, сама картошка, – постарался перевести все в шутку сконфуженный от лобового комплимента Саша.

– Ты картошка, капуста, лук, редиска, все! Ты – витамины! – закричал Петя. – Витамины для нашей отупевшей, оболваненной публики. Она – ребенок, у которого уже диатез от того, что его все время кормят только сахарной пудрой, вареньем и повидлом. Ребенок, который вместо того, чтобы завтракать, обедать и ужинать, все время «сникерсняет». За витамины! – орал Петя. – За Шурца!

– Пойду, закусить чего-нибудь возьму, – сказал «витамин» Саша, чтобы хоть как-то приземлить только что спетую оду в свою честь.

– Да-а-а, – протянула Виолетта, уважительно глядя на Петю, – ты тоже сказать умеешь.

– Нехило у тебя получилось, – подхватила Анжелика. – Молодец! Да и друг ты, видимо, настоящий...

– Но у меня есть вопросы, – сказала Вета. – Что же, по-твоему, все так безнадежно? Все, что ли, сплошные бенгальские огни? Неужели нет никого, кто достоин уважения?

– Есть. Некоторые. Хотя, с другой стороны, их и не должно быть много. В то время, как основная масса наших свежеиспеченных «звезд», которых и вправду пекут, как пирожки, на «фабрике звезд», пробирается по, так сказать, эстраднему тракту – в то время, как они уже и не знают, что придумать, чтобы их заметили и чтобы о них говорили – что педераст, что ограблен или купил такую-то машину, а ее угнали, что спивается или, наоборот, завязал, – не имеет значения, лишь бы только не забывали, говорили, любой ценой, но на виду. – Петя еще выпил и продолжил важно и таинственно: – Так вот, в это же самое время рядом существуют редкие индивидуумы, которые сходят с этого эстрадного тракта и протаптывают свою тропу. Им толкаться и тусоваться противно, они ходят отдельно и живут не по правилам шоу-бизнеса. Они за эфир не платят и поэтому в телевизоре их гораздо меньше, чем других, тех, кто по правилам. И по радио – меньше. Их и знают меньше. Бывают исключения, когда мощный талант, как сорняк, пробивает себе дорогу сам: его выпальвают, с ним борются, а он все растет и растет...

– Ой! – неожиданно схватилась за сердце и вдруг осела на стуле Анжелика. – Ой, смотрите!..

Все обернулись. На палубе показалась та самая группа, в полном составе. Да, да, именно она – созревший плод авантюрного замысла наших подруг, голубая мечта всех студенток профтехучилищ, венец эстрадного творения их руководителя Гарри Абаева, который шел чуть впереди, отвечая на многочисленные приветствия и на ходу отшучиваясь. Но главным было даже не их появление, не то, что мечта наконец материализовалась, а то, что они шли в сопровождении четырех девушек, а двое из них – (о, ужас!) – были те самые Наташи, сопливые девчонки, с которыми Анжелика с Виолеттой познакомились накануне и с которыми сегодня к пароходу пришли вместе. Голенастые молокососки, обнимаемые сейчас за худенькие плечи именно Сёмкиным и Буфетовым, гордо поглядывая вокруг, шествовали по палубе к дальнему столу, пустому и, видимо, заранее заказанному. Мало того, одна из них углядела Анжелику с Виолеттой, толкнула в бок вторую, и они обе приветливо, но, как показалось нашим подругам, торжествующе помахали им своими худыми, как сломанные пополам спички, ручонками. А одна из Наташ еще и ликующе вскрикнула: «Привет!» О-о-о! Это было невыносимо!

Петя с Сашей сидели в явном недоумении: что же это девушек так потрясло? Ну неужели появление шоу-группы? Состояние Анжелики поддавалось описанию только средствами мелодраматических штампов, типа «смертельная бледность покрыла ее лицо», да и Вета, похоже, была не в себе. Реакция была такая, что ребята могли теряться в каких угодно догадках: ну, по меньшей мере, что кого-то из девушек соблазнил и бросил прошедший мимо негодяй-солист; что она ждет от него ребенка; или, наоборот, заразилась от него страшной венерической болез-

ню. Анжелика сидела в совершеннейшем трансе, почти в слезах, глядя в ту сторону, куда ушел ее несравненный Буфетов, ну а Вета, быстро поборов в себе досаду, была в некотором замешательстве. Надо было объясняться. Особенно после честной и именно поэтому – красивой – любовной игры с Сашей. Да к тому же очень даже взрослой любовной игры, после которой вся их затея радостного секса с шоу-группой, это слабоумное намерение двух школьниц-дурашлепок, представлялась сейчас особенно глупым и постыдным. Вете сейчас казалось, будто и не она все задумала и подбила Жику на это дело; будто все это происходило в другой жизни, давно, когда она была еще совсем ребенком, поэтому стыдно было и неловко и перед собой, и перед Сашей. Но признаваться надо было! Надо было открываться, может, удастся еще пошутить по этому поводу или свалить все на мечту одной только Анжелики. Вон она какая сидит, до сих пор опомниться не может. Но это и понятно: Вета все-таки и поумнее, и постарше чуть-чуть. По возрасту – само собой, но главное все же, что за истекшие два часа Вета повзрослела сильно, а Анжелика как была девчонкой, так девчонкой и осталась. А в данный момент – девчонкой травмированной: ну надо же, ее сокровище Буфетов с другой девчонкой, еще моложе! Вон сидит, вся обмерла, не дышит даже... Ну ничего, с ней я потом поговорю, придется ее убедить, что на ее кумире свет сошелся не клином, что Петя наверняка лучше, умнее и к тому же не так избалован женским вниманием, как этот нарцисс Буфетов, словом, она ей мозги вправит, а теперь надо с Сашей объясниться, Саша поймет, простит то, что мы их использовали для прохода на корабль, простит обязательно, он добрый и с юмором, и мы вместе посмеемся. Все это промелькнуло в голове Веты за считанные секунды, а вслух она сказала:

– Саша, пойдем, потанцуем. Я тебе заодно расскажу кое-что.

Танец, по счастью, был медленный. На эстрадке сейчас выступал певец голубых дорог Андрей Пеночкин. Отличный, надо сказать, певец и, если бы он не обращался всякий раз к залу до и после песни словами «цыпочки мои» и «курочки мои», было бы совсем хорошо. Сейчас он исполнял песню «Чувства», что давало возможность медленно двигаться и спокойно поговорить. Вета все Саше и выложила, пытаясь, однако, все представить, как шутку, как смешное заблуждение двух учениц 8-го класса, только что перешедших в девятый. Истинный возраст тоже пришлось раскрыть. Повзрослевшая девичья интуиция подсказала Виолетте, что надо продолжать честно, и если убеждать, то искренностью. При этом надо исхитриться так, чтобы Саша не терял к ней мужского интереса. То есть искренность не должна выглядеть как детская наивность. Вообще все детское надо оставить за бортом, все это – вчерашнее, сегодня она другая. Да, она совсем юная, но не девочка, а почти женщина, а совсем женщиной она станет этой ночью и именно с Сашей, если он не будет против, если не испугается ее возраста. Она очень молодая, но женщина, а не нимфетка какая-нибудь, не ребенок – предмет болезненной страсти педофила, а именно женщина, и все женское у нее уже есть, и получше, чем у женщин взрослых. Она настаивала на этом, вновь обольщая Сашу, искушая, совращая (да, только так! Не он ее совращал, а именно она его), прижимаясь к нему всем телом, приближая лицо к лицу, лаская его руками.

Песня «Fellings», исполняемая Пеночкиным по высшему классу, зазвучала на бис вторично, что было для Виолетты очень кстати. В первый раз она успела все рассказать, а теперь добивалась эрекции у Саши, но мягко, неназойливо, деликатно... А Саша, по мере рассказа, грустнел и ругал себя. Он пока ничего Вете не сказал и не только потому, что не знал, как оценить услышанное. Какая-то апатия овладела им, он не хотел ничего, чувствовал себя сейчас опустошенным, ни о каком возбуждении, несмотря на Ветино ненавязчивое усердие, и речи быть не могло. И не потому, что узнал о Ветиной девственности, которую она намеревалась потерять с обычным эстрадным обалдуюем (а то, что она из-за него намерение изменила, радовало не слишком), и не потому что испугался, узнав о ее настоящем возрасте (даже у пресловутой группы таких связей хватало бы на целую телефонную книгу); и даже не потому, что она вдруг перестала ему нравиться, что влюбленность испарилась, что желание исчезло

(тоже нет, все вроде было по-прежнему); тогда почему он чувствовал себя таким инертным, пустым, отчего настроение испортилось, и то, что Вета хотела представить с юмором, казалось ему вовсе не смешным, а печальным? Да оттого, вероятно, что деловитая цепкость их с Петей избранниц, их удивительная целенаправленность, умение добиться своего любыми средствами противоречило всему, что Саша хотел бы видеть в женщинах. Использовать свое тело, как инструмент или отмычку для проникновения на корабль – пожалуйста!; употребить их с Петей как средство доставки, – да без проблем!; покрутить любовь с другим только для того, чтобы лечь под Сёмкина – пустяки!; пустить в расход само понятие – любовь, угадать Сашино отношение к ней, вызвать в нем те самые стихи, и все для того, чтобы извлечь маленькую утилитарную пользу для себя – не слишком ли все это разумно и расчетливо для прекрасной половины человеческого рода? Оттого-то и грустно было поэту Саше, оттого-то он и невесел был... А как же ее стихи? – вдруг вспомнил он. – Ведь это была не имитация, не притворство! Как-то не совмещается в ней поведение и содержание. Он отстранил от себя Виолетту и спросил:

– А где ты была настоящая? В какое время?

Вета остановилась, посмотрела Саше прямо в глаза и твердо сказала:

– С тобой стараюсь все время. И везде. И там, – она показала в сторону лавочки, – и там, – она показала чуть подальше, где кусты, – и здесь. И даже вон там, – она подняла голову и посмотрела на звезды. – Но это я. А Анжелике надо помочь, пусть попытается, если так хочет.

– А ты? – спросил Саша. – Ты уже передумала?

– Я передумала еще там, на скамейке.

– И что теперь ты придумала? – спросил Саша, волнуясь.

– А ты не знаешь?

– Нет.

– Ну так догадайся, чего я хочу теперь, – сделала Вета ударение на слово «теперь», заставляя Сашу вновь поверить в то, что прошедшие три часа для нее – тоже не ерунда, не тривиальное приключение.

– Сашка, иди к нам! – крикнули с дальнего столика. Вета с Сашей посмотрели, кто зовет. Это был не кто иной, как сам Гарри Абаев, командир отряда специального сексуального назначения. «Спецназовцы» тоже улыбались и приглашающе махали руками.

– Сейчас подойду! – крикнул Саша в ответ. И тихо – Вете: – Ну что? Сейчас спрошу в первый и последний раз, потом будет поздно. Познакомить? С тем, с кем ты хотела? Это просто. И ты ему понравишься. Ну решай.

– Я решила, – ответила Вета. – Ты лучше Анжелику познакомь.

Саша повеселел. Они пошли к тому столику. Вета глянула в сторону подруги. Та уже видела все и теперь сидела, выпучив глаза и вцепившись в руку Пети, который еще ничего не знал ни об их намерениях, ни о том, что сейчас будет. Он все продолжал думать, что дело только в автографах. И, уж конечно, не мог знать Петя о необычном продолжении этой ночи и о финальном аккорде, которым она завершится.

Глава 8

С группой «Сладкий сон» и Гарри Абаевым

Тем временем Вета и Саша подошли к столику Гарри с командой. Гарри, в полном соответствии со своим именем, пил виски со льдом и, поскольку настоящие американцы виски не закусывают, Гарри после каждого глотка занюхивал цветком – розой, лежащей перед ним и уже съжившейся от частого употребления. Гарри в принципе был человеком эксцентричным и, если так можно сказать о человеке – изысканным. Роза – это вам не соленый огурец.

Дефиле оригинальных имен, стартовавших в самом начале повествования, продолжалось. Сам Гарри объяснял происхождение своего имени, не совсем типичного для средней полосы России, болезненным пристрастием своих родителей ко всему американскому. В первую очередь – к джинсам, кожаным поясам, которые мастерились из ремней офицеров Советской армии, и разным американским словечкам, бесконечно вставляемым в их простую, бесхитростную русскую речь. Вместо «ладно» или «хорошо» они всегда говорили «о'кей», а вместо «привет» – «хэллоу». Ну и к именам, конечно. Фильм «Великолепная семерка» в их время был прямо-таки учебником, по которому надо было осваивать манеру одеваться, ходить, стричься, курить и разговаривать, вернее даже, не разговаривать, а – ронять слова. Вот только со стрельбой в то время было туговато, но можно было зато отыграться на именах. Поэтому папа Гарри, носивший строгое имя Клим (в честь командарма Ворошилова), – просил называть себя Крис (в честь главного героя «Семерки»). Тоже, между прочим, лаконично, строго и вполне по-мужски. Оба имени звучали, как щелчок взводимого курка кольца 45-го калибра, но имя Крис все-таки было предпочтительнее. Разве можно сравнивать даже походку?! Коренастого увальня командарма с грацией ручного медведя при Сталине – и Криса из «Великолепной семерки», с пружинящей поступью уставшего побеждать леопарда. Что вы! Поэтому все и всюду звали отца – Крис. Вот только друзья Гарри временами бестактно шутили: Гарри, а отчество у тебя как будет? Крисыч, что ли? Гарри Крисыч, с ума сойти! Гарри не обижался, он был человеком покладистым и контактным. Железную волю и упрямый характер он проявлял только в делах, и его деловой хватке могли бы позавидовать многие акулы американского бизнеса. Своей шоу-группой он сумел распорядиться с поистине американским размахом. И в результате сколько бы ни морщились брезгливо снобы-интеллигенты, его группа стала суперпопулярной. Что ни песня – то хит, что ни журнал – портреты его мальчиков и его самого. Из абстрактной тяги своих родителей ко всему американскому, что не могло не отразиться на его воспитании, Гарри сумел извлечь самое рациональное и полезное – подход к делу, умение правильно распоряжаться деньгами, вкладывать в рекламу столько и так, чтобы она безотказно работала, и еще многое другое. Можно было сказать, что Гарри изучил и знал секреты успеха, хитро и эффективно адаптируя их к своей стране и вкусам публики.

Старинное «хэллоу» его родителей не так давно трансформировалось в слово «хай» в среде продвинутой молодежи, и поскольку Гарри всегда был с молодежью, он тоже сейчас поднял руку и сказал подошедшим Вете и Саше: «Хай!»

– Хайль Гарри! – скаламбурил Саша, не желая, особенно сегодня, при Виолетте, следовать по стопам продвинутой молодежи.

– Хайль! – радостно подхватили его мальчики, перед которыми обычно стояли только бокалы с полезным свежавыжатым соком грейпфрута или минералка. В группе была железная дисциплина и сухой закон на время выступлений для всех, кроме Гарри. Но сегодня было можно, концертная программа закончилась, и мальчики оттягивались кто чем любил.

Сёмкин пил «Мартини» с водкой, остальные – коньяк.

Наташи пили сок, Гарри им спиртное не позволил.

Безалкогольный режим для солистов во время работы был справедлив: песни у них часто сопровождалась такой яростной хореографией, такими неистовыми плясками и даже акробатикой, что в сочетании с пьянкой это могло стать опасным не только для качества шоу, но и для здоровья исполнителей. Но сегодня ребята, видимо, решили отдохнуть по полной программе. Саше все были рады и стали наперебой звать его присоединиться.

– Я не один, – так, для соблюдения формальной вежливости возразил Саша.

– Эт-то мы ви-и-дим, – протянул Гарри, одобрительно оглядев Виолетту с головы до ног. И добавил: – Сегодня ты оч-ч-чень удачно не один.

– А бывало не очень удачно? – спросила Вета, хлестнув взглядом по Сашиному лицу.

– О-о-о! – опять протянул Гарри с уважительным удивлением, которое означало лишь одно: мол, она с таким лицом и фигурой еще и разговаривает! Что ж, приятный сюрприз. И наставительно подняв руку с измученным цветком, Гарри продолжил:

– Девушка, никогда не ревнуйте к прошлому, это глупо и непродуктивно. Впрочем, не ревнуйте и к настоящему, особенно легкомысленных поэтов, ибо у вас всегда есть многообразие выбора, – и он обвел цветком своих питомцев.

И в этот момент именно Сёмкин приподнял бокал, кинув на Виолетту взгляд, которому никогда не было отказа. Еще одно испытание на прочность довелось выдержать сейчас Виолетте, и она с честью из него вышла. Взяв Сашу за руку, вздохнула и сожгла все мосты между собой и предлагающим себя Сёмкиным.

– Выбора, похоже, у меня нет, – сказала она, глядя на Сашу влюбленно, а потом, переведя взгляд на Гарри и, в свою очередь, нравоучительно подняв палец, будто пародируя его, медленно, так, чтобы дошло, произнесла: – Это только вы знаете его всего лишь легкомысленным. Это только с вами он такой. Но есть некоторые люди, – тут Вета обворожительно улыбнулась, показав всем собравшимся еще и масштабы своего обаяния, – есть люди, которым повезло видеть Сашу и другим.

– Bravo, – восхищенно сказал Гарри, – из вас выйдет классная жена.

– А вот это еще не факт, – возразила Вета. – Может, я только кажусь вам такой. Может, я сейчас только играю роль...

– Кого? – спросил Гарри.

– Ну как кого! Верной влюбленной девушки, готовой за любимого в огонь и в воду...

– Вы играете?

– А вы у Саши спросите. Саша, я играю или нет?

– Не знаю, – честно ответил Саша. И представил наконец Виолетту: – Девушку зовут не как-нибудь, а Виолетта. И я никогда не знаю, чего от нее ждать в следующую минуту. И, похоже, никогда не узнаю, когда она настоящая, а когда играет роль. Да, может, мне и не надо знать, – добавил он.

– Bravo! – опять сказал Гарри. – Это супер!

Во время всего этого разговора о Наташах будто забыли, все внимание было обращено на Вету, но и они сидели тихо, угадывая только, что им еще учиться и учиться, что до Ветиного уровня, до такого интереса к себе им еще надо долго добираться, и поэтому смотрели на нее без зависти и злобы, а с уважением: «Ишь, как мужиков-то размазывает, причем тех, на кого женщины сами кидаются!»

– Ну вы сядете наконец или нет, – вдруг возмутился Гарри, – мы выпьем или так и будем только глазки строить!

– Нет, мы правда не одни, – стал отказываться Саша.

– Как? У вас таких еще много? Таких, как Виолетта? Ну вы даете! – развел Гарри руками.

– Не совсем таких. С нами еще Петя, ну вы его знаете, Петя Кацнельсон и девушка Анжелика.

– Где они?

- Вон там, – Саша махнул рукой в сторону другого края танцпола.
- Ну так давай сюда всех, – радушно предложил Гарри, – места хватит.

Вета села рядом с ним, Сёмкин пошел еще за стульями, а Саша направился к временно осиротевшей паре, которая последние пять минут напряженно ждала: пригласят их или нет. Точнее, ждала только Анжелика, а Пете эта группа была так же интересна, как прошлогодний номер собственной газеты, в котором он сам делал материал об их сногосшибательном концертном турне по России. Но так или иначе, Петя был для приглашающей стороны вовсе не лишним, а, наоборот – своим и даже родным. Поэтому он был встречен тепло и приветливо настолько, что ему пришлось со всеми расцеловаться. Анжелика, вся трепеща от близкой встречи с мечтой, со всеми познакомилась и, увидев, как приветствуют Петю, быстро успокоилась. Они не напросились и будут тут не как бедные родственники, а на равных.

Петя, будучи устойчивым натуралом, целоваться с мужчинами не любил, поэтому и сейчас проделывал этот ритуал с пакостным ощущением неприятного долга, который он всякий раз должен почему-то исполнять. Впрочем, «почему-то» здесь неуместно. Известно – почему. Таковы были правила, обычаи в богемной среде. Откуда они взялись, черт их знает! Что друзья, давно не видевшие друг друга, при встрече обнимаются и целуются – это более или менее понятно. Но когда вы вовсе не друзья, а плохо знакомые друг с другом люди, да к тому же видевшиеся только вчера или даже сегодня утром, то с какой стати вечером опять поцелуй! Идиотский ритуал, да и только! А еще хуже было, когда к Пете на очередной тусовке, широко раскрыв объятия и с явным намерением нанести поцелуй шел какой-нибудь человек, чье имя Петя даже и припомнить-то не мог и мучительно соображал: кто это. И все равно Петя с покорным омерзением и к себе, и к нему тискался с ним в объятиях, а потом выходил из положения только в том случае, если с ним рядом кто-то был. «Познакомьтесь», – говорил Петя. Они вынуждены были друг другу представиться, – и вот тут Петя узнавал имя человека, только что освободившегося из братских объятий.

Противно, конечно, но так было принято. В конце концов Петя успокоился, привык и примирился с мыслью о том, что поцелуй – составная часть его журналистской деятельности. Вот и сейчас он поочередно обнял Гарри и его ребят, дружески похлопывая всех по спине, несмотря на то что утром виделись здесь же за завтраком. «Ничего, потерпишь, – говорил себе Петя, – Гарри с командой – еще не самые противные люди среди всех, с которыми тут приходится целоваться и выпивать». Да к тому же деньги почти кончились и блефовать перед девочками уже было нечем, а тут угостят. И в данном случае Петя даже халявщиком себя не чувствовал: они ему еще были должны за то, как он про них писал.

Время от времени он был чем-то вроде их пресс-атташе. Ему доверялась, так сказать, эксклюзивная информация, которой Петя пользовался грамотно и с выгодой для Гарри. Что-нибудь скандальное или интимно-личное Петя публиковал только по согласованию с Гарри, когда надо было добавить в так называемый имидж группы чего-нибудь остренького и пряного. Такую строго дозированную порцию острого соуса к основному блюду. И проколов у Пети не было, хотя он и мог бы порассказать о них такое, от чего остальная желтая пресса еще больше пожелтела бы от зависти. И заработал бы на этом много, но это было бы раз и навсегда. Это значило навсегда попрощаться с источником информации. А Пете выгоднее было понемногу, но долго, чтобы его ценили, ему доверяли и с ним дружили. Так и было.

Примерно такую же миссию пресс-секретаря он в свое время выполнял при почившей ныне вечным сном группе «Майская ласка». Ярчайшей кометой пронеслась она по нашему эстраднему небосклону и так же быстро исчезла, тем не менее не стершись в памяти многомиллионных фанатов. Феномен ее популярности объяснялся, как ни странно, их полным неумением петь, двигаться и столь же полным убожеством мелодий и аранжировок, а также простым происхождением и трудным детством. Всем своим существованием, вопиющей простотой своих песен они словно обнадеживали всех мальчиков и девочек: мы поем так же, как и вы на кухне;

вы тоже можете стать такими, ничего особенного в этом нет, видите, как просто, можно даже между нот – ничего страшного. И они стали своими для миллионов, это был какой-то массовый психоз, который прекратился так же внезапно, как и начался. Но свое они получили, и Петя частенько писал об их трудном детстве, ставшем уже легендой, о детских домах, в которых они якобы выросли, а затем о домах-особняках, которые они приобрели благодаря своему успеху и популярности. О песнях не писал, да и что о них было писать, их и так пело полстраны, размазывая на щекам «слезоточивые сопли». Такую «изысканную» метафору однажды употребил сам Петя для усиления мысли об их сердобольном желе под жестяной стук синтезатора. Не при них, конечно, выразился и не в репортаже, а в своей компании. Петя их ненавидел, но писал. Служил им некоторое время и тоже хорошо на них зарабатывал.

Особенно ненавидел Петя их попытки петь о любви. Когда один из них исполнял песню, в которой рассказывалось, как они, мол, с девушкой дружили еще со школьной скамьи, как в кино ходили, как за руки держались, как он любил ее, а потом она его бросила и ушла к другому, и таким образом предала все самое лучшее, что было в их жизни; когда он гнусавым голосом, которым спело бы, если бы могло, сдавленное анальное отверстие, горько сетовал в припеве «А я любил тебя сильнее мамы» – у Пети сводило судорогой горло от отвращения. Но, презирая и себя, и их, писал. А что делать?! Жить-то надо!

Нынешняя команда Гарри была по сравнению с теми – просто «Beatles», сейчас презрения к себе у Пети было меньше. И к тому же он не без гордости отметил, какое впечатление на Анжелику произвел горячий прием, оказанный ему группой. Он увидел в ней сначала приятное удивление, которого она не могла скрыть, а затем и уважение, с которым она на него посмотрела. И в очередной раз подумал, как мало надо, чтобы тебя зауважали: всего лишь быть близко знакомым с теми, кого постоянно показывают по телевизору.

А Анжелика, когда знакоилась со всеми, с Буфетовым, конечно, слегка задержалась. Буфетов поцеловал ей руку, и это ее потрясло в первую секунду, а во вторую она поступила, как записная кокетка. В тот момент, когда он коснулся губами ее руки, рука, и без того мягкая и теплая, стала еще мягче, а тонкие пальчики слегка задрожали, что можно было бы квалифицировать только как признак волнения от встречи с принцем отечественной эстрады. Буфетов так и квалифицировал. Он внимательнее посмотрел на Анжелику, и она ему понравилась. Потом опять перевел взгляд на ее руку, которую задерживал в своей дольше, чем требовали приличия, но имея на это право, так как не мог не осознать, что рука эта секунду назад ему отдавалась. Пока только рука, но ее владелица, видно, тоже была не против. И Буфетов, не отводя от Анжелики взгляда матерого сердцеда, снова плавно поднес к губам ее руку и поцеловал в ладонь. Это был знак особого расположения. Хотелось бы конечно (чего греха таить!) сказать, что этим поцелуем Жикину ладонь «будто обожгло», однако не станем врать и пользоваться языком бульварных романов, а скажем правду – не обожгло! И что же сделала Анжелика, вчерашняя девочка, знавшая о кокетстве примерно столько же, сколько о разработке медно-колчеданных руд открытым способом. Она осторожно освободила из руки Буфетова свою, отмеченную высочайшим поцелуем руку, посмотрела на него – и маняще, и покорно одновременно; затем, не спеша и наполняя паузу единственно возможным в этом жесте смыслом – поднесла свою руку к губам и поцеловала в то самое место, которого сейчас касались его губы. А?! Не слабо, да?! И кто научил ее этим приемам, этой придворной грации, этим ухищрениям, приущим разве что какой-нибудь мадам Помпадур, а не ученице 8-го класса средней школы без всякого французского уклона?! Кто? Да никто! Врожденная способность к призыву будущей женщины. Позвать вполне определенно, но красиво. Когда флиртуют бездарно, то это жалкая картина, становится даже неудобно за флиртующих. А наши барышни и впрямь выросли стремительно, что и говорить! И талантом в этом смысле оказались не обижены. Хорошо еще Петя, занятый приветственными репликами с остальными, ничего не заметил. Проморгал Петя

проклюнувшийся росток «нежной дружбы» между Анжеликой и тем, с кем «дружба» была вообще исключена, с кем – только в постель, и немедленно.

Одна из Наташ, сидевшая рядом с Буфетовым, однако, не проморгала и, когда все расселись, тихонько показала Анжелике костлявый кулачок, давая понять тем самым, что певица, которого она уже считала своим, без боя не отдаст.

Следующие полчаса заполнили тосты, взаимные шпильки, сплетни об участниках фестиваля (и присутствующих, и отсутствующих сейчас на палубе), многозначительные взгляды и танцы заинтересованных сторон. Быстро хмелевший Сёмкин, чья неотразимость была недавно поставлена Ветой под сомнение, пригласил ее танцевать. Мастера эстрады выступить уже закончили, и теперь музыка звучала только в записи. И Сёмкин пригласил Вету как раз в тот момент, когда пошла фонограмма их же шлягера прошлогоднего сезона, чумового хита, вышибавшего слезу у всех поклонниц. Грустная сага об улетевшей панаме и воздушном шарике. Шарик, впрочем, не улетал. Там были слова: «Мой шарик, сдувшийся у ног, он тоже очень одинок». И, поскольку вещь исполнялась уже вполне оформившимся баритональным тенором Сёмкина, слова приобретали оттенок почти медицинский. Любой девушке чрезвычайно лестно было бы потанцевать с исполнителем под его же запись. Ну представьте: голос Сёмкина разносится над акваторией Севастопольской бухты, а в это время она с ним самим танцует! Но Вета свою линию поведения не ломала, поэтому ответила Сёмкину строго: «Пожалуйста, только если разрешит Саша...» – и скромно потупила глазки. Ну одалиска, наложница, рабыня, всецело принадлежащая своему господину, причем не по принуждению, а по любви! Так что у вас, Сёмкин, ни одного шанса! Потанцевать вы, конечно, можете, да и то сохраняя бальную дистанцию, и только в том случае, если позволит мой властелин.

Сёмкина это не обескуражило, он вообще считал, что в природе нет женщин, даже самых-самых верных и любящих, которых невозможно склонить хотя бы к одноразовому сношению. Во всяком случае, в его практике таких не было. А практика у него была обширной, тем более что обычно не он добивался, а его добивались. А ему стоило лишь благосклонно посмотреть, ну в крайнем случае взять гитару и спеть. Сейчас же, он полагал, и фонограммы достаточно. Ошибался Сёмкин! Будет в его практике и отказ, но он пока об этом не знает и, церемонно поклонившись в сторону Саши, произносит:

– Не позволите ли вы пригласить вашу даму?

«Позволите ли вы» – трудновято произнести даже трезвому человеку, а Сёмкин был уже сильно выпимши, поэтому у него получается: «Не позволите ли-ли... вы?»

– Позволю, – согласился Саша, – почему бы и нет.

Он все более удивлялся Виолетте. Зачем она так явно демонстрирует всем, что принадлежит только ему, Саше. В это и хотелось верить, и все больше не верилось, потому что, если действительно так, то это в показе, в декларации не нуждается. Себе она, что ли, доказывает, что ей больше никто не нужен и что она устоит перед могучими чарами Сёмкина? Или ему доказывает, что не врала тогда, на скамейке? Об этом думает Саша, пока звучит сага о шарике и они танцуют. Но думает недолго, потому что его тоже приглашают танцевать. И разумеется, вторая Наташа – в отместку Виолетте, на которую положил глаз ее обожаемый предмет. Саша видел, что творилось с девчонкой, когда Сёмкин приглашал Вету. Ему смешно, но он идет. Вопреки быстрому ритму, Наташа танцует нарочно медленно, прижимаясь к Саше всем своим худеньким тельцем и грудью, которую даже при самом богатом воображении нельзя назвать бюстом. Она, как ей кажется, незаметно – подталкивает Сашу к тому месту, где танцуют Сёмкин и Виолетта, так, чтобы они оба увидели, что на освободившееся место найдутся и претенденты. Саша видит, что Сёмкин тоже норовит перейти с Виолеттой в режим медленного танца, что-то курлычет ей на ухо, но Виолетта сопротивляется и держит дистанцию.

Песня закончилась, все вернулись к столу. Еще выпили. Кто здесь чей – понять было уже решительно невозможно. Анжелика с Буфетовым пребывали в общении, крепнущем с каждой

минутой. Брошенный Петя вяло и без интереса разговаривал с другой Наташей. Трое остальных солистов и примкнувший к ним Сёмкин раздавали автографы подошедшим девушкам, тоже, кстати, хорошеньким. Видно было: еще чуть-чуть и они присядут к певцам на колени. Один Гарри, вальяжно откинувшись на стуле с сигарой во рту, барственно наблюдал за тем, как резвятся его питомцы. Будучи человеком умным и наблюдательным, он заметил, как сейчас кинули Петю. А Петю он любил, да к тому же и сотрудничал с ним. И именно Гарри, а не кто-нибудь еще, был тут подлинным хозяином – и стола, и группы, и всей ситуации. Поэтому Гарри встал, предложил всем налить, а сидевшим возле него налил сам, и провозгласил: «Внимание!» Все тут же притихли, ожидая от Гарри чего-то важного и значительного.

– Я хочу, – сказал Гарри, – чтобы все выпили за Петю. Вот это – Петя, – сказал он значительно и положил Пете руку на плечо. – И чтоб вы все знали (тут он обвел взглядом поочередно всех присутствующих девушек), он, Петя, – самый главный в стране по нашей группе. Самый главный! – подчеркнул он, чтобы до всех девушек дошло. – Он завтра мне доложит, как вы себя вели. И если он скажет, что хорошо, тогда каждая из вас получит приз. А приз будет такой: право на личный контакт с солистами группы. Вы понимаете, о каком контакте идет речь. А до тех пор – все только на уровне автографов, танцев, выпивки и трепа, поняли? Все будет на конкурсной основе. Петя доложит: кто как себя вел. И не абстрактно, а именно с ним, с Петей! Те пятеро, которые лучше всех сделают то, что он попросит, и получат главный приз, о котором я сказал. Ясно? А теперь выпьем за него, за его здоровье, чтобы оно сегодня его не подвело!

Все добры молодцы Гарри Крисыча тут же попрытали лица: кто нагнулся под стол за упавшей якобы зажигалкой, кто отвернулся в сторону эстрады, а кто стал быстро пить за Петино здоровье, стараясь не поперхнуться от смеха. Гарри же сохранял полную серьезность и важность. Он выпил, расцеловал Петю и сел. Петя обалдело смотрел на него, не зная, как правильно расценить услышанное. Саша, тоже сохранявший серьез из последних сил, похлопал его по колену и сказал:

– Ничего старик, придется побыть экзаменатором.

Но удивительнее всего было то, что все девушки, видимо, отнеслись к сказанному без дураков, что как раз и говорило об уме слабом и неразвитом. На их лицах (и у тех, кто был раньше, и у новеньких) застыла вдумчивая сосредоточенность, напряженная работа мысли: как бы получше выполнить задание Гарри и угодить Пете. Они озабоченно и почтительно глядели теперь на Петю, который уже не знал, куда деваться. Гарри, взглянув на Сашу, качнул головой в сторону девушек: – М-м-м? мол, видал? – и легонько подмигнул ему. Саша посмотрел на озадаченные и серьезные лица соискательниц главного приза и тут не выдержал – завыл, закрыл рот руками и, сделав вид, что его тошнит, выбежал из-за стола. В туалете (или, коли уж дело происходит на корабле – в галюне) Саша еще минут пять хохотал. Только он успокаивался и переставал смеяться, как тут же перед глазами вставало лицо Пети во время тоста и лица девушек после него, – и новый приступ хохота сотрясал Сашу посреди корабельного санузла. Наконец он почувствовал, что в силах теперь сдерживаться, и вернулся. Но когда, подходя, вновь увидел Петю, с растерянной и несчастной физиономией сидящего среди четырех еще подошедших девчушек, – его скрутил новый спазм хохота, и он подумал, что товарища надо выручать. Такого успеха у прекрасного пола Петя за всю жизнь не имел, для него это был стресс, и эту комедию надо было прекращать, хотя бы временно. Он незаметно подошел сзади к Гарри и попросил его что-нибудь предпринять. Тот опять поднял свою емкость с шотландским скотчем и громко сказал:

– А теперь давайте выпьем за Анжелику, подругу Пети, и в ее лице за женскую красоту, обаяние, а главное – верность. Правда, Анжелика? – он наклонился к Жике, не сводившей взгляда с бесподобного Буфетова, и тихо добавил: – То, что я сказал прежде, насчет права на личный контакт с солистами группы (тут он строго посмотрел на Буфетова) – это и вас касается.

Личный контакт надо заслужить. И как раз через Петю. «Гулянье по буфету», – скаламбурил он, – придется заработать.

Буфетов, уже заинтересовавшийся Анжеликой, попробовал было возразить, но вовремя вспомнил, что возражать Гарри Абаеву то же самое, что возражать, например, наводнению. «Ничего, я с ней завтра разберусь», – подумал он и смолчал. Глазам Анжелики пришлось отлипнуть от светлого образа, а ей самой – вникнуть в смысл того, на что намекал сейчас Гарри. Поэтому она сказала «спасибо» за тост и, поспешно прибавив, «ага, за верность», вспомнила о Пете и улыбнулась ему самой обаятельной улыбкой, бывшей в ее скромном арсенале. Петя не простил. Он отвернулся от Анжелики, попытавшейся с ним чокнуться, и продолжал разговаривать с одной из девушек, которая на условие Гарри реагировала быстрее его неверной возлюбленной и потому имела теперь гораздо большие шансы попасть в призеры объявленного чемпионата. Что ему Анжелика теперь, когда он может разложить перед собой целый пасьянс уникальной колодой карт, в которой нет ни тузов, ни королей, а сплошь одни дамы, червовые, пиковые, трефовые – какие хочешь! Целая колода одних только дам, и все – ему! А коварная, ветреная и недалёковидная Анжелика пусть теперь кусает себе локти и пишет письма своему Буфетову по адресу: «Москва, до востребования», а личный контакт с ним хрен она теперь получит. Петя тоже, как ни странно, серьезно втянулся в затеянный аттракцион, стремительно вживаясь в роль главного пропускного пункта к заветным телам героев нашего песенного олимпа. Должна же быть хоть раз в жизни у человека компенсация за то, что его всегда недооценивали, недолюбливали и недоуважали женщины! Хоть раз в жизни, хоть на одну ночь, но почувствовать себя тем, который может все... и всех!..

Итак, банкет постепенно перерос в конкурс красавиц, и гарем председателя жюри Пети Кацнельсона ширился с каждой минутой. Слух о том, что Петя – именно та таможня, которая «дает добро», быстро распространился по палубе, и его все время приглашали танцевать неизвестные красотки. Саша стал записывать фамилии и каждой давать конкурсный номер.

– Ваш номер восьмой, – говорил он очередной подошедшей кандидатке, – поэтому 8-й танец начиная с этого ваш. Ждите. А если Петр Леонидович устанет, вы сможете с ним просто поговорить. Вам дается три минуты. Следующая!

Шутка стала принимать угрожающий облик правды. Петя подустал и растерялся. Действительно, когда всего много, не знаешь, что выбрать и с кем, наконец, пойти в каюту, чтобы уже начать пользоваться преимуществами своей власти. И эта красивая, и та не хуже; у той фигурка, правда, получше, но зато у этой – лицо, глаза. А с другой стороны – к чему лицо? Оно не пригодится в намеченном предприятии. Вон у той, какой у нее номер? Ага, пятый. Вот у нее ноги такие, что будут сниться потом. А что ноги в конце-то концов! Ими же ходят... бегают... А вот у той губы – и т. д. и т. д. Петя потел от количества танцев и переживаемого волнения. Надо отложить на завтра!.. Ой, а завтра ведь не будет... Надо сегодня. Со всеми! А как?!. Может, Сашка поможет? Да ну, он от своей Веты ни за что не отойдет.

В конце концов (как часто и бывает в таких случаях) Петя решил начать с самого первого, уже проверенного варианта – Анжелики. Пусть она его обидела, пренебрегла и оказалась такой же дешевкой, как и все, но он ее попробует первую, а потом отомстит и скажет, что на 2-й тур не пропускает, выгонит из каюты, и не получит она своего Буфетова, да к тому же увидит, что и Петю потеряла, не понравилась ему. Вот такое простое, мелкое, злорадное решение проблемы выбора пришло в голову мстительному Пете. Но не только уязвленное самолюбие толкнуло его на это решение. Несмотря на разнообразие предложенного меню, Петя одно блюдо уже продегустировал, и оно ему пришлось по вкусу. Там, на скамейке и в кустах, Анжелика все равно продолжала ему нравиться больше всех порхающих вокруг хорошеньких дур-поклонниц, готовых на все, лишь бы только добиться близости с мальчиками из группы. Она, гадина такая, вызывала в нем то, о чем он прежде только слышал или читал – переживания! Ну что поэта Сашу любовь шарахнула внезапно – с этим еще можно согласиться, на то они и поэты, чтобы

наступать на одни и те же грабли не дважды, а всю жизнь. Но Петя! Журналист, который «для красного словца не пожалеет и отца». Махровый циник, способный только поливать нечистотами весенние побеги нежных чувств, скабрёзно шутить над «большим и чистым» и вообще – подвергать сомнению само существование любви – с ним-то что стало?! Возможно ли это?

Как видите, возможно, если даже такой, как Петя, окажется в нужном месте в нужное время. В тот вечер небо над нашими героями представляло собою не просто роскошный звездный пейзаж, оно чертило фатальную линию судьбы для каждого из них, оно было открытой книгой только для астролога, а для них – зашифрованной криптограммой их жизнью, встреч и связанных с ними внезапных открытий. Все совпало в тот вечер: руки, звезды, губы, имена, но главное – предпраздничная готовность к неожиданности, приключению, интриге, к тому, что вот-вот и что-то в жизни произойдет, случится...

Каждому – свое, поэтому если бы наши герои обратились к хорошему астрологу, он составил бы им гороскоп, согласно которому Вете суждена была неожиданная, знаменательная и радостная встреча с поэтом, а значит, и поэтичная сердечная история; Сашу ждал – не первый и не последний, но, может быть, самый значимый и драматичный эпизод в любовной части его биографии; Пете предстояло пережить первую в его жизни сердечную муку, а Анжелике не предстояло ничего, так как в ее гороскопе ничто бы не указывало на то, что ее вояж в город Севастополь станет для нее чем-то важным. Ничего не случится с Анжеликой в этом городе, даже девственность останется при ней, она потеряет ее в свой срок, как и положено «порядочной» девушке из хорошей семьи, когда выйдет замуж сразу после школы за нормального руководителя нормального малого предприятия и будет жить с ним долго и спокойно, лишь изредка пошаливая и погуливая в разумных пределах; не давая ни одному увлечению развиться до размеров опасных, угрожающих семейному благополучию. И Анжелика всю жизнь будет уверена, что никогда не изменяла своему мужу. Погуливать – да, было! Но изменять – боже упаси! «Изменить, – думала Анжелика, – это значит влюбиться в кого-то», – а вот этого она себе никогда не позволяла. А плановое совокупление пару раз в неделю с новым знакомым, в строго отведенные часы, днем, в его квартире, с обязательным соблюдением правил безопасного секса – разве это измена? Так, баловство, не более того. Если бы сегодня, в эту звездную шальную ночь случайный звездочет предсказал бы Анжелике такое скучное, планомерное будущее, она бы расхохоталась ему в лицо. Эта ночь, это магическое полнолуние сводило с ума и заставляло быть безрассудной. Анжелика и собиралась совершать безрассудства, но звезды ей предсказывали другое, и карты Таро ложились иначе, чем ей бы хотелось. Пока она должна только быть первой, кто посетит Петину каюту и постарается удовлетворить его сладострастные мужские капризы. Но даже этого не произойдет, и она еще об этом не знает, сидит за столом, пьет шампанское, чтобы заглушить тоску по отошедшему куда-то Буфетову, который куда-то отошел и пытается помириться с Наташами, обиженными на то, что у них почти отбили их идолов в то время, как они их выстрадали и заслужили.

Наташам – хуже всех. На этом параде женской грации и вызывающей сексуальности они даже не практикантки. Они здесь ученицы мойщиц посуды в начальной школе обольщения младших официантов при шашлычной «Парус», располагающейся неподалеку от набережной. Они проникли на корабль чудом; их подобрали, как бездомных собачек, жавшихся к трапу и ждущих всего лишь автографа. К тому времени они на большее уже и не рассчитывали. Они уже отчаялись ждать, замерзли, а тут вышел (видимо, кого-то встретить) Володя Буфетов, посмотрел с трапа вокруг, потом на часы, потом, наверное, решил не ждать и уже повернулся, собираясь уходить, как вдруг его остановил крик подстреленной чайки, одной из Наташ.

– А-а-а! – вскрикнула девочка. – Это он!

И только тут Буфетов обратил внимание на двух девочек, дрожавших от холода, волнения и беспредельного счастья видеть его – воочию, а не на экране.

– Это... вы? – потрясенно спросила одна из них.

– Я, – подтвердил Буфетов, купаясь в лучах собственной славы.

– Живой... – на грани обморока произнесла другая.

– А что, я должен был умереть? – ввязался Володя в разговор, чего делать не следовало.

Все ведь знают, что если уличную собачку погладить или даже просто посмотреть на нее чуть дольше, а не скользнуть взглядом, как всякий случайный прохожий, то собачка сочтет это за знак внимания и будет долго идти за вами в надежде, что ей что-нибудь дадут поесть или даже возьмут домой. Так и здесь: Володя задержался с ними на несколько секунд дольше положенного, и теперь резко отвалить было все равно, что плюнуть в ладонь, протянутую для подаяния.

– Ну ладно, где у вас расписаться-то? – Охваченный приступом великодушия Буфетов полагал, что ограничится автографом и спокойно уйдет, но не тут-то было.

Права пословица: «Коготок увяз – всей птичке пропасть». Естественно, он тут же услышал, что девочки всю сознательную жизнь мечтали с ним встретиться и получить от него автограф, что он – кумир, тыр-пыр, тыр-пыр, но хотелось бы все-таки получить автографы и остальных членов группы, но как это сделать, они не знают, и что такой счастливый случай представляется раз в жизни, и что больше никогда, никогда... и как же им теперь быть. Они стали уже всхлипывать, вытирая беспризорные носы слабыми ручонками. Что оставалось Буфетову, как не сжалиться. Он провел девчушек на лайнер и осчастливил их еще больше, познакомив в баре с остальными и с самим Гарри Абаевым. И все дали автографы и, что уж совсем превосходило их самые смелые надежды, пригласили посидеть с ними в баре, а затем повели и на танцевальную палубу. Пригрели собачек, что называется, и тут же о них забыли, едва появились новые девушки и новые знакомства.

Ну а Вета – королева стола, палубы, – да, чего мелочиться – всего лайнера, – рассказала между тем Саше о знакомстве с Наташами и все о той же девичьей мечте, влекущей девочек к освоению корабельного пространства, мечте – отдаться героям. Сама же она была вне конкурса, она здесь и так, без борьбы, была негласно титулована званием «Мисс Теплоход». Остальные пусть там внизу копошатся у трона, толкаясь и выцарапывая себе 2-е и 3-е места и право называться «вице-мисс», а она будет поглядывать на них сверху с монаршей снисходительностью. И с монаршей же милостью – утешать покинутых девочек, призвав себе в помощники еще и Сашу. Саша утешал Наташ всеми возможными способами, говорил, что они красавицы, только еще маленькие и через годик-второй у них отбоя от поклонников не будет, и что Сёмкин с Буфетовым – просто избалованные дураки, недостойные такого обожания. Девочки кивали головами, но все равно роняли слезы в свои бокалы.

А Сёмкин тем временем напивался с пугающей скоростью, и чем пьянее он становился, тем церемоннее. Он старался говорить витиевато и красиво и был светским до безобразия. Находясь внутри черной майки, только что заляпанной мороженым, он странным образом ощущал себя во фраке, на званом ужине у короля Испании, с которым он постоянно играет в гольф на одном поле и всегда обыгрывает. А в действительности был похож на лакея Яшку из чеховского «Вишневого сада», который вкусил парижской жизни и теперь вернулся, мол, ненадолго на русскую помойку. В очередной раз, с усилием встав, он попытался еще раз пригласить Вету танцевать.

– Графиня, – сказал он (у него получилось сокращенно – «графин», после чего он разозлился, набычился и слово с разбегу все же преодолел). – Гра-фи-ня! – Сёмкин победно зарегистрировал взятую высоту, немного передохнул и пошел на штурм следующей. – Окажите мне честь... – тут он движением головы попытался белую крашеную прядь волос откинуть назад, потерял равновесие и чуть не упал, но гордо выпрямился и откинул непокорную прядь рукой, так было надежнее.

– Имею честь, – продолжал он, будто вызывая Вету на дуэль, – пригласить вас на кур... – тут он споткнулся, соображая, что произнес, а Гарри, брезгливо посмотрев на него, сказал:

– На каких кур, Леша? Совсем охренел? На окорочка приглашаешь или на танец?.. Сядь лучше и кончай пить, тебе уже хватит.

– Нет, я могу, – упрямылся Сёмкин. – Я могу и хочу пригласить ее, – он ткнул пальцем в Виолетту, – на тур! Вот на что! На «тур де франс» в Париж или на тур вальса сейчас.

– Где ты слышишь вальс, парень? – уже строже спросил Гарри.

Действительно, звучал вовсе не вальс, а песенка с устрашающим припевом: «Милая киска, пришли свои глазки».

– Все равно хочу, – Сёмкин капризно нахмурил брови над своими знаменитыми глазками цвета застиранной джинсы, эдакими – блекло-голубенькими. – Хочу и все! Вы же не откаже... сесь, – игриво поклонился он в сторону Веты и... – вот этого делать не следовало, потому что тут Сёмкин, уже непоправимо потеряв равновесие, рухнул на стол и тем самым прекратил свое присутствие на светском приеме у испанского короля.

– Все! – сказал Гарри. – Повеселился.

Он посмотрел куда-то в сторону и шелкнул пальцами. Тут же появились двое крепких бритоголовых ребят, надо полагать – телохранителей.

– Уведите его, – приказал Гарри, – в каюту. И спать!..

– Запереть? – спросил один из ребят.

– Нет, запирать не надо. Он теперь не встанет до утра, давайте.

Ребята, видимо, не в первый раз проделывали эту процедуру, поэтому привычным жестом подхватив Сёмкина под руки, повлекли его к выходу.

– Не обращайтесь внимания, – равнодушно процедил Гарри, – продолжаем фестиваль. «Show must go on», – процитировал он всемирно известную песню Фредди Мэркьюри.

Шоу продолжалось, приближаясь тем не менее к своей финальной фазе. Петя совсем утомился от женского внимания, он уже несколько раз уходил с палубы с разными девушками, что он там с ними делал – было непонятно, потому что скоро возвращался. Может, берег силы для интимного свидания с коварной Анжеликой, свидания, которое станет одновременно и мстью. Поскольку Анжелику с Буфетовым Гарри практически разлучил и Буфетов исчез в поисках лучшей судьбы, Жика сидела одна, досадуя на Петины выкрутасы и изредка вступая в разговор Саша и Веты с огорченными Наташами.

Саша сколько ни пытался развеселить девочек, которым кроме полученных автографов уже ничего не светило, – успеха не достиг и пошел по малой нужде. Не столько потому, что хотелось, сколько потому, что уже все надоело и надо было немного проветриться. В коридоре, недалеко от туалета, он увидел лежавшего на полу «певца своей печали» Сёмкина, который все-таки вышел из каюты, наверное сразу по нескольким нуждам. Сёмкин лежал в двух своих лужах: мочи – с одной стороны и блевотины – с другой. Истерзанный количеством «Маргини» с водкой, организм Сёмкина изверг все лишнее, не дожидаясь, пока хозяин дойдет до туалета. Сёмкину не хватило буквально пяти метров до галюна, когда организм решил послать все к свиньям и взорваться прямо здесь в коридоре.

Саша решил было сразу вернуться к Гарри и сообщить о постигшей Сёмкина неприятности, но потом подумал, что вначале все-таки следует показать нетленный образ кумира той самой Наташе, которая по нему убивалась. Показать в качестве решающего аргумента в пользу своей правоты. Саша быстро вернулся на палубу и, не доходя нескольких метров до стола, энергичным жестом подозвал Наташу, которая очень кстати посмотрела в этот момент в его сторону. Наташа безмолвно показала на себя обеими руками, словно спрашивая – «Я?». «Да-да!! – закивал Саша. – Иди сюда! И побыстрее!» И тут же прижал к губам палец, мол, – не говори никому ничего, спокойно встань и выйди из-за стола! Наташа подошла.

– Что? – испуганно спросила она. – Случилось что-то?

– Ничего, сейчас увидишь, пойдём. Я хочу тебе кое-что показать.

Они осторожно приблизились к месту лежки центральной персоны Наташиных снов. Сёмкин лежал все так же, никто не успел прибрать ни его, ни за ним. Изменилось только выражение лица. Сейчас он улыбался во сне, и изо рта у него стекала слюна.

– Смотри, смотри, – поучительно изрек Саша. – Ну что? Нравится? Вот с этим ты хотела?! Ты вот так хотела лишиться невинности, да?! Гляди, гляди-и!! – все тыкал Саша ее носом в этот распластанный кошмар, потом посмотрел на нее, увидел результат и с педагогической гордостью подумал, что хоть одну заблудшую девичью душу спас.

Наташа стояла, прижав руки к губам, из глаз текли слезы, она неотрывно глядела на тело Сёмкина, лежащее у ее ног. Потом медленно повернула к Саше мокрое от слез, счастливое лицо, молитвенно сложила руки на груди и с неколебимым восторгом прошептала:

– Господи! Какой же он все-таки красивый!

– Фу-у... твою мать! – только и смог выдохнуть наш обломанный Песталоцци, безнадежно махнул рукой и, оставив Наташу в немом упоении наслаждаться видом любимого существа, пошел сказать Гарри, что его телохранителям предстоит сейчас грязная работа: все убирать и защищать не только самого Сёмкина, но и его репутацию, для чего их, собственно, не нанимали.

Поручение было воспринято ребятами тяжело, без радости, но Гарри тут же подкрепил его купюрой в 100 долларов, отчего оно перестало казаться таким уж противным. К тому же можно было сунуть кому-нибудь из obsługi рублей 500, чтобы они там все вытерли, а оттащить Сёмкина обратно в каюту, раздеть и бросить в постель – дело плевое.

– Посторонись, – сказали хранители тела Сёмкина Наташе, так и продолжавшей стоять в столбняке и глядеть на это тело с неоправданным обожанием.

Морщась от смешанного запаха не совместимых друг с другом ингредиентов – любимого одеколona артиста «Хьюго Босс» и того, что он из себя изверг, ребята поволокли его в каюту. Они были сейчас санитарями имиджа, охранниками образа веселого и нежного паренька, сантехниками засранного дворца девичьих грез, дворниками глухих переулков нашего праздничного шоу-бизнеса – никак не менее!

Наташа проводила их до каюты, и так, чтобы санитары не заметили, сквозь полуоткрытую дверь стала наблюдать, как они бросили его на койку, небрежно и грубо, будто какой-нибудь мешок, а затем, сопя и тихо матерясь, начали раздевать. Не без вожделения наблюдала девочка за этим процессом, хотя эротика в нем было, честно сказать, столько же, сколько в полостной операции кишечника. Джинсы в облипку, да к тому же еще и мокрые, никак не снимались. Один из ребят, расстегнув пояс, остервенело сдергивал эти джинсы с бедер артиста, но было видно, что профессиональных навыков работников вытрезвителя у него нет. Ничего не получалось, и он зверел все больше. Наконец он перевернул тело Сёмкина в азарте погони за решением проблемы, продолжая воевать с непокорными штанами. Этого делать не следовало, потому что Сёмкин тут же блеванул еще раз. Второй все это время просто стоял, хамски ухмыляясь и не помогая товарищу. Товарищ, потерпевший поражение в неравной схватке с телом Сёмкина и его штанами, обрушил остатки ярости на коллегу: «Хуля ты стоишь, ржешь?! Чупа-чупс ты обсосанный! Мог бы и помочь!» Коллега действительно сосал в это время леденец. Но он не обиделся: «Да брось ты его так, козла вонючего. Чего ты возишься с этими несчастными штанами? Тебе такого задания не было, ну и успокойся».

Наташе хотелось вскричать: «Да как вы смеете! Ведь это же Сёмкин!» Но она вовремя сообразила, что, во-первых, ей обнаруживать свое присутствие сейчас никак нельзя, а во-вторых, они все-таки наверное смеют, и камердинерами певца выступают не в первый раз. Поэтому Наташа промолчала и попыталась спрятаться подальше в боковой коридорчик. Ждать оставалось недолго, терпение телохранителей было истощено, и уже минуты через две они плюнули и ушли, продолжая тихо переругиваться и позабыв даже притворить дверь в заблеванную каюту обожяемого артиста.

Наташа выждала еще несколько секунд, потом осторожно выглянула из своего закутка. Магистральный коридор был пуст. Ни одной живой души. Путь свободен, и ничто, казалось бы, уже не мешало вплотную приблизиться к милому сердцу предмету. Наташа на цыпочках преодолела несколько метров, отделяющих ее от мечты, боком протиснулась в полуоткрытую дверь и плотно прикрыла ее за собой. Все! Они были наедине! Она и он, ее герой, ее любимый певец, ее божество!! Не имело никакого значения, в каком виде он тут лежал, какой запах тут стоял, – все это мелочи, главное – он здесь, миленький, родненький, славненький, такой знаменитенький, золотце, зайка такая... такой... И она, вот, рядом, руку можно протянуть и коснуться – лица, груди его обнаженной и даже... А что, если посмотреть... У Наташи вспыхнули щеки и задрожали пальцы, но адская мысль – посмотреть, что у Сёмкина там, внизу, – не уходила, а, наоборот, все настойчивее билась в пламенеющем девичьем мозгу.

Наташа погладила трепещущими пальчиками дорогое лицо и, подчиняясь приступу нежности, накрывшим ее, как лавина, парализующим, отнимающим остатки разума, стала целовать его щеку, лоб, шею. До губ добраться было трудно, так как Сёмкин лежал на боку, и искомая часть физиономии была утоплена в подушке. Хотя... остатки разума или хоть какой-нибудь логики – все же были: Наташа понимала, что все это, быть может, первый и последний шанс, и скорее всего такого случая больше не представится никогда. Поэтому только сейчас, больше она его так близко никогда не увидит и тем более не почувствует. Так что моментом надо было пользоваться. И быстро! Пока его не пришли проверять. Эта тревожная мысль стимулировала и оправдывала крепнущую с каждой минутой тягу к объекту. Ну а кроме того, этот объект вобрал в себя всю любовь девочки к отечественной популярной музыке. И теперь эта застывшая музыка неподвижно распласталась на запачканной, смятой постели.

Наташа все-таки тщетно пыталась повернуть голову Сёмкина, чтобы наконец добраться до его губ, но ей это не удавалось. Однако ее упорство и целеустремленность были вознаграждены. Сёмкин повернулся сам, внятно сказал: «во блядь» и почмокал слипшимися губами в непробудном сне. Сон и впрямь был непробудным. Сказка о мертвой царевне, в которой царевной был Сёмкин, разыгрывалась сейчас в каюте, и никакие хоть семь, хоть десять богатырей не могли бы его теперь пробудить. Сон, что и говорить, был глубоким, можно сказать, человек не заснул, а потерял сознание, и заезжий витязь (в лице Наташи) с его робкими и неумелыми поцелуями на будильник никак не тянул. Губы «царевны», сомкнутые в жесткую, непримиримую по отношению ко всем витязям, мешающим спать, складку – не размыкались никак, но Наташа не отчаивалась. Она решила оставить на время его губы в покое и заняться тем, что с самого начала занимало ее воображение значительно больше, чем губы. Губы ведь у всех на виду, ведь не все ходят в масках или противогазах, а вот посмотреть на то, чего не видно и о чем можно было бы потом рассказать подругам, как величайшую тайну всех времен и народов! – Вот это да! Этим стоило немедленно заняться. И Наташа принялась доделывать то, что не удалось здоровому амбалу-телохранителю: она предприняла попытку стащить с Сёмкина прилипшие к его берцовым костям джинсы.

Вот за этим занятием ее и застукали. Занятием, прямо скажем, почти криминальным, которое можно было бы расценить как физическое домогательство или попытку изнасилования. Наташа так была увлечена близостью с любимым и внезапно открывшейся ей возможностью потрогать его где захочется, что и не заметила, не услышала даже, как к двери каюты подошел – о ужас! – сам Гарри. Не услышала, не обернулась даже, когда Гарри открыл двери и встал на пороге каюты, возмущенно глядя на юное существо, восторженно сопящее над тем, что по праву принадлежало одному только Гарри, и квоту на которое он мог раздавать исключительно сам. За спиной Гарри стоял Саша, с деланой укоризной глядя на несчастную Наташу.

– Та-ак! – сказал Гарри, будто зачитывая приговор осужденной за тяжкое преступление и хороня ее последние надежды на помилование, а уж тем более на соитие с невменяемым

кумиром. – Надо же, во сне хотела! – сказал Гарри, обращаясь к Саше, как к свидетелю преступления и понятному.

Эти слова он произнес, когда Наташа обернулась, когда ужас, сформировавшийся у нее внутри, дополз до глаз и застыл в них, распялив веки и наполняя глаза влагой стыда и отчаяния. Она закрыла ладонью беззвучно кричащий рот, сползла с постели на пол и села, некрасиво расставив ноги.

– Та-ак! – повторил Гарри, зловеще усмехаясь. – Что делать-то с тобой будем, а? Ты что же это, так, на халяву хотела проскочить? Без очереди, да? И не стыдно?

Наташа, сознавая всю глубину своего падения, уткнулась лицом в колени и обхватила голову руками, будто ожидая, что ее сейчас будут бить. Плечи ее мелко тряслись в ознобе шока и унижения. Вдруг странные звуки вырвались из того места, куда Наташа спрятала лицо. Сначала тихо, как тоскливое жалобное мяуканье, а потом все громче и громче. Саше, который стоял уже переполненный жалостью к девчонке и даже краснел, будто его самого застали за неприличным делом, эти звуки стали напоминать что-то совсем близкое, родное, но что именно – он никак не мог вспомнить. Наконец его осенило: такие звуки издавал его кот, когда его выкидывали за дверь.

Сашин кот был бродячей одноглазой дворнягой, которую он подобрал в подъезде. Глаз кот потерял скорее всего во время мартовских любовных войн за право обладания какой-нибудь такой же драной кошкой. Кот так умоляюще смотрел на него своим одним глазом, так кротко и без надежды на результат мяукал, что Саша его пожалел, потому что по сути был человеком добрым, а в тот вечер был добр особенно. Добродушен и пьян был Саша тем вечером, и кота взял. Поскольку кот был дворнягой и поскольку Саше претили банальности, он еще с порога отмел варианты типа «Мурзик», «Васька» и назвал кота Полканом. Буквально на следующее похмельное утро он удивился, обнаружив на постели у себя в ногах нагло расположившееся антисанитарное существо, которое уже без всякой робости или кротости смотрело на него своим единственным глазом и, мяукая теперь совсем по-другому, явно просило жрать. По той же причине врожденной доброты Саша Полкана оставил у себя, хотя ему в тот же день пришлось об этом пожалеть. Стригущий лишай Сашу миновал, но постель пришлось сменить, а кота – выстирать, получив при этом несколько долго незаживающих царапин и оглохнув от истеричного визга Полкана, который не мылся никогда. Мерзкими привычками бомжа Полкан дорожил и поэтому справлял нужду где хотел. То, что называется у зоологов мягким термином «метить углы», Сашу утешить не могло, так как вонь стояла такая, что уже никакую девушку в дом пригласить было нельзя. Поэтому именно такую привычку Саша решил искоренить. Как только обнаруживал содеянное, чаще всего по запаху, он ловил кота, тыкал его носом в источник аромата и затем выкидывал за дверь минут на пять, шантажируя его тем, что он выкинут из дома навсегда. Кот был смывленный, он всякий раз знал, что его накажут, поэтому прятался в самых труднодоступных местах: на шкаф, под кровать, в узкий простенок между шкафами и т. д. И ловить его было тяжелой работой. Потом его надо было ухватить за шиворот, невзирая на зловещее шипение, причем избежать при этом царапин, далее, держа на весу за шиворот одной рукой, оттащить к двери туалета и там внушить ему, что это надо делать здесь, и только! Затем выбросить кота подальше за порог и быстро захлопнуть дверь, чтобы он не успел проскочить обратно, потому что ему удавалось делать это иногда с необыкновенным проворством. Сами понимаете, процесс был крайне утомительным и неприятным, но всякий раз повторялся Сашей с редким мужеством и упорством, потому что он твердо решил в этом именно вопросе Полкану не уступать ни пяди своей жилищной площади. Полкан был действительно смывленным котом (выжить в их дворе мог далеко не всякий, надо было развивать не только силу, но и сообразительность), однако никак не мог постичь одного: почему то, чем он метит углы, хозяину не нравится, почему это плохо, что в этом такого?

И вот, когда кот в очередной раз оказывался на лестничной клетке, он начинал даже не мяукать, нет! Он рыдал! В прямом смысле этого слова! Абсолютно человеческим голосом, басом, рыдал, не отходя от двери. Он выл так, что из других дверей выглядывали соседи, уверенные в том, что в подъезде кого-то убивают, потом замечали кота и спрашивали – чей? Рыдающий кот прошибал всех, и когда Саша открывал дверь, а кот со скоростью света бросался обратно в квартиру, ища в ней угол, где, по его мнению, можно спрятаться, соседи смотрели на Сашу, как на законченного садиста и мучителя домашнего животного, и Саше приходилось объяснять, что он таким образом кота воспитывает, но выкидывать насовсем – не собирается.

– И за что вы его так? – укоризненно спрашивали соседи.

Саша объяснял. И тогда соседи, тут же забыв про свой гуманизм, советовали кота кастрировать, тогда он, мол, перестанет испражняться в углах. Саша этого не хотел, и почти каждый день повторялось одно и то же – преступление, поимка, наказание и душераздирающие рыдания за дверью. Война эта продолжалась с переменным успехом, но постепенно перевес стал склоняться в Сашину сторону. Полкан стал писать в углах все реже, а в туалете – все чаще. Но все же хоть раз в две недели горькие стенания Полкана, его спекулятивный вой (ибо он знал, сволочь, что его все равно пустят обратно) – нарушали патриархальную тишину их старого дома.

Вот точно так, один в один, выла сейчас раздавленная Наташа, понимая, что ее сейчас попросту выкинут за борт, и никогда она больше не увидит и тем более не потрогает своего Сёмкина. И опять – в свою школу, к своим убогим подругам, дешевым сережкам, скучным урокам, бедным, считающим каждый рубль родителям, а этот блестящий, праздничный мир, в котором она оказалась только случайной и неблагодарной гостьей, вновь станет чужим и далеким. Наташе было так больно, так горько, как никогда до этого в ее короткой жизни. И вот она рыдала так, что артист Полкан, всякий раз играющий за дверью на струнах Сашиного сострадания, мог бы ей по-настоящему позавидовать. Наташа, в отличие от кота, твердо знала, что ее не пожалеют и что она сейчас, в этот момент, лишится всего, о чем мечтала.

Однако она была права, ее все-таки пожалели...

– Ну мы ж не звери какие, – сказал Саша, обращаясь к Гарри.

Гарри был не зверь, он был воспитатель. Впрочем, как и Саша по отношению к коту. Строгий и справедливый. Если отец и мать не в состоянии были воспитать девочку, то эти функции взял на себя он. Он видел, что девочка уже сама себя наказала, видел, как ей было стыдно. Ее дикий кошачий вой был проявлением настоящей боли, он был таким страшным, таким отчаянным, что Гарри с Сашей даже испугались поначалу. Да и на пароходе, услышав его, могли подумать, что действительно где-нибудь в трюме какой-нибудь маньяк потрошит свою несчастную жертву.

– Ну все, все... – сказал Гарри, подойдя к бьющейся в истерике Наташе, и положил ей руку на плечо. – Все, я сказал! Хватит! Ну!

Наташа постепенно стала затихать, почувствовав на остренькой ключице стальной палец воспитателя. А с другой стороны, поняв, что ее за борт не выкинут.

– Ну-ка, посмотри на меня, – велел Гарри, – ну! Ты слышала, что я сказал? Посмотри на меня! Сейчас же!

Наташа осторожно подняла вверх зареванную грязную мордочку, всю в подтеках черной туши, снесенной с век и ресниц штормом её истерика. Она все так же дрожала, иногда всхлипывала, а в промежутках тихо скулила. Живопись пьяного авангардиста на ее лице продолжала совершенствоваться, так как Наташа все пыталась вытереть лицо то ладонями, то пальцами. Гарри протянул ей свой платок.

– Сп-сп-аси-ибо, – опять попыталась завывать Наташа, но Гарри не дал.

– Все, все, успокоились, – сказал он. – Теперь встали с колен... Ну! Теперь нормально сели. Не туда! – повысил он голос, когда Наташа решила примоститься опять на краешек кровати Сёмкина.

– А куда? – робко спросила Наташа, готовая повиноваться безоговорочно.

– Вот сюда садись, на стул. Вернее, нет! Встань-ка в угол. Тебя в детстве в угол ставили? Наказывали тебя так?

– Нет, – опустила голову Наташа, покорно встав с постели Сёмкина.

– А как наказывали? – любопытствовал Гарри.

Наташа молчала.

– Говори, как? – повторил Гарри строже.

– Меня... пороли...

– Пороли? – изумился Гарри.

– Да... – еле слышно прошептала она и сквозь грязные разводы на ее щеках проступил розовый цвет смущения.

Никогда, ни за что и никому не призналась бы в этом взрослеющая девочка, но сейчас и ситуация была экстремальной, и воля ослабла после истерики, и в уголке души тихо тлела надежда, что Гарри ее пожалеет.

– Значит, пороли... – задумчиво повторил Гарри, абсолютно не зная, как на это реагировать.

Наташа только кивнула, опять опустив голову, и у нее опять полились слезы.

– Меня и сейчас, – прошептала она совсем по-детски, – иногда...

– Ну ладно, – решил что-то Гарри, – мы тебя пороть не будем. Сегодня... да, Саш?

Саша стоял до этого тихо и испытывал примерно те же чувства, что и к выброшенному за дверь Полкану. Хотя – нет, не совсем те же. Помимо жалости тут было еще и острое сознание невозможности хоть чем-то помочь, хоть как-то исправить ее несуразную жизнь, изменить ее уродливые, хромые идеалы, искалеченные этой самой жизнью, ее психику, которая в самом раннем детстве была нетронутой целиной, куда можно было посеять какие угодно зерна, но вскоре, уже с трех лет, тронутую-таки, причем раз и навсегда, легкой и всепроникающей проказой телевидения. И проказа эта была настолько безболезненна и даже завлекательна, что протекала абсолютно незаметно. И вот первое крушение: поезд-экспресс «ТВ-Голливуд» лоб в лоб столкнулся с другим экспрессом, у которого пункты отправления и прибытия обозначены цифрами на надгробном камне через тире, а это тире и есть жизнь. Скорый поезд «Жизнь» поехал дальше и даже не затормозил, а лязгая и громокая, помчался дальше, потому что тот – «ТВ-Голливуд» был только сном, видением, воображением. Но хромые Наташины идеалы, припадая на обе ноги, стремились изо всех сил к железнодорожному полотну, чтобы хоть только посмотреть, как промчится заманчивый состав, набитый успехом, славой и богатством. Слишком близко она подошла и была раздавлена встречным, реальным, но, к счастью, – не насмерть. Хотя кто бы поручился, что она не повторит попытки и не погибнет. И чем ей можно было теперь помочь? А ничем! Единственное, что ты можешь, неся домой колбасу и проходя мимо бездомной собаки или кошки, – это оторвать ей кусок и дать. Домой можно взять одну, ну, две, но всех ведь не возьмешь. Да и колбаса поможет не надолго, только продлит агонию бессмысленной жизни.

Однако Саша придерживался такого мнения, что если нельзя вылечить причину головной боли, то анальгин можно все-таки дать. Поэтому Саша, улыбаясь, сказал:

– Нет, пороть не будем. Но в угол поставим. Ты же в угол хотел? – обратился он к Гарри. Гарри вспомнил.

– Да. Давай встань в угол. Лицом. Не бойся, ненадолго.

Наташа послушно отправилась в угол.

– Теперь слушай внимательно. Я уже говорил и повторю тебе в последний раз. Ты сможешь провести пару часов, нет, только час, с этим, – Гарри кивнул в сторону постели с распростертым на ней Сёмкиным, – только через Петю, который, я тебе напоминаю, – сидит сейчас на палубе. Если Петя, и только Петя, скажет мне, что тебя можно допустить, я позволю. Только легитимно, поняла?

Наташа не поняла, поэтому отрицательно покачала головой в углу и взглянула через плечо на Гарри с кроткой мольбой в глазах: объяснить, что такое «легитимно»?

Гарри и сам толком не знал, но чужие красивые слова обожал, поэтому, быстро метнув взгляд на Сашу – не смеется ли он, продолжил:

– Легитимно – это... короче так! Законно все должно быть. По установленному регламенту... порядку то есть.

Он практически угадал значение слова, поэтому Саша не засмеялся. Да и в другом случае не засмеялся бы, так как Гарри мог легко разозлиться и тогда бы Наташе не поздоровилось. Да и Саше он рано или поздно припомнил бы такое сомнение в его образованности.

– Вот так! – гордо закончил Гарри, одержав решительную победу над лингвистикой. – А теперь выходи из угла. Иди умойся! Не крася больше, так тебе лучше, – отечески посоветовал он. – И иди к Пете, добывай себе право снять штаны с этого тенора. Не украдкой, как ты попыталась, а... – Гарри избежал подозрительного слова, – а честно! Поняла? Давай! Желаю успеха.

Он подтолкнул девушку к двери. Она проскользнула мимо, больше, чем с благодарностью взглянув на всемогущего Гарри, который мог бы ее уничтожить, но не сделал этого, а дал ей еще один шанс. Взгляд «больше чем с благодарностью» можно было расценить, как «я твоя, делай со мной что хочешь», но Гарри был, что называется, не по этому делу. Предложение в данном случае настолько превышало спрос, что даже попытку делать не стоило. Наташа намерена была свой шанс отработать. Для того хотя бы, чтобы Гарри увидел, что она все поняла и как теперь слушается. А Гарри шлепнул выходящую Наташу по костлявой попке – и крикнул в коридор ей вслед:

– Пойди сначала в туалет, умой верещалку свою! – Потом обернулся к Саше: – Видал, что делается! И так в каждом городе, в каждой гостинице. Совсем стыда нет у этих сырих! Ну ладно, пойдем, что ли. А то и остальных растащат, да? Без Пети. Пойдем, глянем, как там Петя управляется с контингентом, – предложил Гарри, не без нежности приобняв Сашу за плечи.

– Пошли, – сказал Саша, – а твоего, – он кивнул на тело солиста, – так оставим?

– Да ну его на х... – отмахнулся Гарри, – осточертел уже со своей пьянкой. Менять его буду. Есть у меня на примете паренек. Поет так себе, но танцует классно. А петь – чего? Поправим. Фанера на что? Правильно?

– Правильно, – согласился Саша, и они пошли.

Глава 9, *в которой вечеринка на теплоходе продолжается*

На палубе стало еще оживленнее. Петя напоминал сейчас измученного израильского таможенника 70-х, когда стали выпускать желающих выехать на историческую родину и они огромной ордой ринулись сначала на этот пропускной пункт, а потом рассеялись и по всему миру. Потный, красный, забывший даже об Анжелике, обессиленный от танцев, Петя уже сидел, безвольно сгорбив спину, и только вяло отмахивался от новых кандидаток. Он обрадовался Саше и Гарри, как тонущий человек – подходящей к нему спасательной шлюпке.

– Ребята! – чуть не плача встал Петя навстречу им. – Что ж вы меня одного-то оставили. Что ж мне делать-то?

– Что де-е-елать, – передразнил Гарри скулящие ноты в Петинем голосе, – что делать! Выбирать, как уже было сказано. «Каравай, каравай, кого хочешь выбирай». Не видишь, что ли? Выбирай, веди в каюту, пробуй, суди объективно, кто лучше.

– Но ведь я один, – заныл Петя, – и он у меня один, – показал Петя головой вниз, чтобы не было сомнений: кто у него там одиноко расположился.

– Твои проблемы, – отрезал Гарри. – Вот люди! Мало – им плохо, много – тоже плохо! Ладно, Сашку возьми, вторым экспертом. Пойдешь, Саш?

– Так Виолетта же, – неуверенно возразил Саша. Вета как раз в это время в упор глядела на Сашу и совещающуюся троицу.

– Виолетту я сам займу, не беспокойся. Я ее развлеку, будь уверен. Мне-то ты доверяешь, надеюсь, – спросил Гарри, с полуулыбкой глядя на Сашу.

– Тебе – да, – тоже с полуулыбкой ответил Саша. Они друг друга поняли.

– Еще посидим минут 20, выпьем, потом продолжайте, – сказал Гарри. – А я за это время придумаю, куда и как ее увести.

Опять сели за стол.

– О чем вы? – поинтересовалась Вета. – И чего тебя так долго не было?

– С пьяным Сёмкиным разбирались. А сейчас обсуждали, как Петю вытаскивать.

– Ну и как?

– Не знаем пока. Гарри что-нибудь придумает.

– А тебя случайно помогать не звали? – прозорливо предположила Вета.

– Звали, – честно ответил Шурец, – но ты же понимаешь, что я с тобой и никто больше меня не интересуется. Не хочу я сейчас больше ни с кем...

– Нет?

– Нет! – твердо ответил он.

– Тогда, – сказала Вета, – тогда делай что хочешь... А потом... потом мы останемся вдвоем, ладно.

– Конечно! – возликовал Саша, обрадовавшись и тому, что врать не придется, и тому, что она решения своего менять не намерена.

* * *

За столом появилось несколько новых людей. Вета с большим интересом наблюдала за внутренней жизнью блестящего фасада. Тут уже минут 30 сидел Марк Амстиславский, бывший администратор Тульской филармонии, ныне именуемый себя, как, впрочем, и многие другие его коллеги, директором концертных программ. О нем, как об одном из рулевых отечественного шоу-бизнеса, следует рассказать особо. Прежде, в советское время, он устраивал

гастроли знаменитых артистов и платил по тем временам очень щедро: например, артист мог получить за концерт 400 рублей. И если учесть, что месячная зарплата в театре у него была 150–200, а за съемочный день в кино он получал максимум 50, то артист был более чем удовлетворен. Однако продавал он артиста за тысячу, и таким образом выходило, что себе – 600, только за посредничество. Артисты про это знали, но помалкивали, их это устраивало. К тому же навар администратора можно было считать платой за риск: все такие концерты считались левыми, то есть нелегальными, и в случае чего отвечать пришлось бы в первую очередь именно администратору. Он одним из первых начал делать концерты на стадионах. Если вдруг начался дождь, артист пел под зонтом, но даже и не пел, а открывал рот под фанеру, то есть – фонограмму, на стадионах это запросто проходило: трибуны далеко и что там делает артист, не очень-то и видно. А задаваться вопросом, как работает ансамбль и почему электрогитары ни к чему не подключены – никому и в голову не приходило. Публика могла увидеть артиста поближе только в конце выступления: он совершал своеобразный круг почета по стадиону, стоя в открытом «газике», и на дорожку летели цветы, и артист мог близко улыбнуться приветствовавшим его трибунам. Что и говорить, масштабным было мероприятие и прибыль с него была огромной.

Большие деньги создавали иллюзию вседозволенности, но на каком-то этапе своей удачливой деятельности Марк потерял бдительность и сел на несколько лет. Но и в местах исправительно-трудовой деятельности он не пропал. В лагере организовал художественную самодеятельность и даже сам начал петь. Кроме того, начальство лагеря очень быстро узнало, какими обширными связями обладает заключенный Амстиславский, и время от времени в лагерь стали наведываться известные артисты с шефскими концертами, что, понятное дело, облегчало Марку отбывание срока. Ну а разворот страны на 180° от светлого пути социализма в сторону грязного мира наживы – капитализма вообще был для Марка подарком. Оказалось, что он сидел ни за что, несправедливо, за простое свободное предпринимательство он сидел, за то, что теперь только поощряется, только не забывай отстегивать кому надо. Вот тут-то можно было развернуться во всю ширь, но, оказалось, что в мутных водах свободного предпринимательства таких умельцев, как он, чертова туча. В нелегальном концертном бизнесе Марк был одним из первых, лавировать и прятать деньги, находясь в чугунных рамках государственной экономики, он умел виртуозно (ну, за исключением одного прокола), но теперь его навык, его методы оказались просто не нужны, теперь лавировать надо было по-другому, и прятать деньги надо было от других, от налоговиков, например. Пока он сидел, конкуренты не спали. На первых порах ему еще удавались кое-какие комбинации с кредитами в банках, и он даже успел организовать несколько фестивалей – эстрада вперемежку с модой и прочим.

Гала-концерт одного из фестивалей проходил в цирке, и там Марк воплотил в жизнь свою давнишнюю мечту – самому что-нибудь спеть. Он всегда полагал, что умеет делать это не хуже многих так называемых звезд, тщеславие было тайным, но огромным, его просто пожирало желание хоть когда-нибудь показаться, засветиться на голубом экране. Просто быть накоротке со всеми звездами, греться только в лучах их славы – его не устраивало, он хотел, чтобы и его имя тоже знали все, он сам хотел быть знаменитым и любимым. Чтобы любили не из-за денег, а за личные достоинства. Но вот с этим-то как раз у Марка было слабовато: таланта, даже по сравнению с известными персонажами нашего шоу-бизнеса, у него не было. Это в смысле пения. Ну а в человеческом плане он тем более на уважение и любовь претендовать не мог. В лучшем случае о нем можно было сказать, что он не подлец, да и то не всегда.

Он как-то стал продюсером очень интересной молодой певицы, сделал ей клип, она сразу обратила на себя внимание, но когда Марка спросили через несколько месяцев, где она и почему ее долго не видно, он, злобно усмехнувшись, ответил: «Да она замуж вышла, сука! Сама виновата: или слава, или любовь. Выбрала любовь – ну и скатертью дорога!» Из этого следо-

вало, по-видимому, что неосмотрительно покидая продюсерскую постель, певица рассчитывать на продюсерскую же помощь не может. Исключено!

Зато он потом сам себе сделал клип, в котором пел какую-то варварскую смесь эротики, блатняка и забубенного ресторана: «Эти ножки, как с обложки, смотрят на меня», – пелось в этой не слишком оригинальной композиции, хотя «смотрящие ножки», наверное, так же страшно, как и говорящие уши. В клипе вокруг него крутилась уйма стандартных красавиц, с неоправданным обожанием глядящих на низенького, толстенького, совершенно лысого человечка с рябым лицом, аккуратными, пошлыми усиками трактирного лакея конца XIX века и при всем этом с манерами вальяжного красавца, которому приставучие бабы до смерти надоели. Вот уж действительно – короля делает окружение!

Вот с этой песней он на фестивале выехал на арену цирка почему-то на верблюде и все в том же окружении девушек. Кому пришла в голову непродуктивная идея посадить Марка на верблюда, не учитывая при этом рост исполнителя! Передний горб верблюда постоянно заслонял лицо импресарио. Таким образом, впечатление от песни, и без того бывшей не шедевром, – было скомкано. А для ТВ – почти брак. Но все равно показали, ибо чттили его как хозяина фестиваля. И публика по той же причине тоже хлопала. Мечта исполнилась!

Но постепенно Марку перестали верить, и кредитов больше не стало. Он превратился в средней руки бизнесвина, которому до Гарри и нескольких других воротил в той же области было очень далеко. И сейчас он сидел за этим столом только на правах старого знакомого, не больше.

– Во, бездари скопились, – с чувством сказал Марк, обращаясь к Гарри и имея в виду эстрадную элиту на палубе. – Эх, Володьку бы сейчас поднять! Мы бы с ним таких дел наворочили, – продолжил он, наливая себе виски из Гарриевой бутылки.

– Высоцкого? – небрежно обронил Гарри, глядя куда-то в сторону.

– А кого ж еще! Мы бы с ним...

– Да он бы и без тебя, – с брезгливой злостью оборвал его Гарри. – Если бы его «поднять сейчас», как ты выразился, он бы и без тебя обошелся, и без меня, и без любого. Ему бы сейчас просто так, без выступлений мешки денег носили бы.

– Ну ладно, ладно, чего ты завелся, – Марк примирительно поднял стакан чокнуться с Гарри. – Я же так, помечтать...

– Так чего ты хочешь в Нижнем Новгороде? Как ты себе представляешь такой концерт. На открытой площадке, почти в лесу, вернее лес, ты сказал, сзади, впереди поле, на нем несколько тысяч публики. Понятно. Тебе все твои стадионы покоя не дают. А где эстрада? Где при этом артисты помещаются? Как с аппаратурой? Ты хочешь, чтобы мы у тебя выступили в сборном концерте. Хорошо. Ты платишь хорошие деньги. Ладно. Где живут, я спрашиваю, артисты? Как попадают на площадку, кто привозит?

– Значит, так. Мы поселяемся в гостинице. Она недалеко от места выступления. Мы все время там. Все артисты будут в гостинице. По мере выступления мы их выплевываем из гостиницы.

– Не понял, – ледяным тоном произнес Гарри, глядя на кончик носа своего собеседника.

– Ну я не так выразился, это у нас сленг такой. Выплывываем – значит, машина из гостиницы подвозит к площадке, ждет, пока выступят, потом забирает и везет обратно в гостиницу. Переодеваться в самой гостинице, понял?

– Я-то понял, – сказал Гарри, – а вот ты-то понял, что ты мудака в нашем деле только потому, что ты артистов выплевываешь? И поэтому им самим на тебя плевать.

– Ничего. Я хоть по сравнению с тобой человек маленький, но пока у нас в стране дискотечный период, не пропаду. Мне хватит на хлеб, и даже с икрой, причем что с тобой, что без тебя, – в голосе Марка вдруг появилась жесткость и агрессия.

Его уголовное прошлое напомнило о себе и предупредило, что слишком давить не стоит. Гарри не испугался, но спорить или перевоспитывать этого крокодила ему было лень и портить себе настроение тоже не хотелось. Поэтому он перевел стрелку на деловые рельсы, и они стали дальше обсуждать детали предстоящих гастролей.

– Ну допустим, – сказал Гарри, – мы участвуем. Какие числа, говоришь?

Марк назвал и, обнаглев, спросил:

– А сольник встык, там же, на следующий день?

– Сколько? – без интереса спросил Гарри.

Марк озвучил сумму, стандартную для выступления группы «Сладкий сон».

– За десять дней перед Нижним я тебе дам ответ, – поставил Гарри коллегу в сложное положение, поскольку не имел ни малейшего желания с ним сотрудничать.

– Да ты что? – возмутился Марк. – За десять дней даже второе пришествие Христа не раскрутить! Билеты проданы не будут!

– А ты попробуй, – Гарри брезгливо глянул в рябое лицо коллеги. – Не выйдет, что ж, значит, не судьба.

Вета переключила внимание на другую пару.

Две звезды средней величины за соседним столиком вели профессиональный разговор о репертуаре и о том, как трудно сейчас со стихами для песен. Все, мол, халтурят и маломальски приличный текст подобрать трудно. А хочется спеть что-то душевное, лирическое. И вот, сезон прошел, а хита, типа «Позови меня с собой», как у Аллы, – все нет и нет.

– А ты старенькое возьми, – посоветовала подруга, – сделай в новом саунде, в новой обработочке, будет клево. Seriously, я же один раз по телику видела зимой, ты спела эту, ну, как ее, ну, ее еще Майя Кристаллинская спела, ну, эту... про Экзюпери. И когда летал Экзю-у-пери, помнишь? И Доронина пела в кино.

– Ну и что? – насторожилась певица, ожидая дальше услышать гадость. И не ошиблась...

– Ничего. Клево... Только когда ты наверх забиралась, верхние ноты не тянула. В общем, с верхами лажа была, а так ничего. В жилу. И приняли хорошо. Даже скандеж был. Так что поищи в старом еще...

– А что верхние ноты! – обиделась первая. – Ты же знаешь, я зимой вообще высокие ноты не пою.

– А надо! И потом... Имидж тебе менять пора.

Собеседница помоложе как раз сейчас набирала силу и пользовалась спросом большим, чем подруга, и поэтому позволяла себе ее учить.

– Что ты ходишь уже целых три года с одним и тем же имиджем, – продолжала она напористо. – Прическу смени, костюм... Похудела вон килограмм на 10, морда вся обвисла. Подтяжку сделай, даже мужики эстрадные делают, а ты...

– Они не мужики, – попробовала возразить та, что постарше.

– Неважно! Надо за внешностью следить! Уж если они это делают, то тебе-то сам бог велел.

– А тебе не надо, что ли? – перешла в контратаку старшая.

– Мне пока нет! – отрезала та.

– Как же! – Голос старшей наполнился обидным сарказмом. – Макияжа на фейсе с кило, что я, не вижу? И все равно мешки под глазами заштукатурить не можешь, все видно. Все от образа жизни зависит. Киряешь много и трахаешься с кем попало.

– Я! С кем попало?!

– Конечно, – отвернулась старшая и, не желая ссориться, сказала: – Ну ладно, согласись, что ты сегодня выглядишь неважно.

– А ты все равно раньше умрешь, – злобно глядя на собеседницу и тем не менее улыбаясь, промолвила вторая. После такого заявления ссора стала неизбежной.

– Ну и сволочь же ты, – ласково сказала старшая, промокнула губы салфеткой и, бросив ее в сторону теперь уже бывшей подруги, удалилась от стола.

Младшая посидела еще немного, гордо огляделась по сторонам и, поймав Виолеттин взгляд, поняла, что та разговор слышала.

– А тебе чего, сыриха? – попробовала она выплеснуть на Вету остатки агрессии.

– Мне?.. Ничего, – пожалала Вета плечами.

– Ну и сиди тихо... – Она презрительно фыркнула и ушла, покачивая бедрами и независимо поглядывая по сторонам.

«Пожалуй, слишком независимо», – подумала Виолетта, глядя ей вслед.

Тут можно, конечно, заподозрить, что Виолетта своим 15 годам в этом рассказе не соответствует. Так думать и рассуждать могла бы по крайней мере девушка или молодая женщина лет 25. Однако еще раз подчеркнем, что наша героиня – девушка особенная. Она и в 25 лет будет думать и говорить, как другие в 40, а в сорок – как в 60. Когда же ей стукнет 50, о ней уже нельзя будет сказать, что она хорошо сохранилась. У всякой, знаете ли, Бабы-яги путь особый. Стареют они обычно быстро, но и жизнь проживают бурно. Каждая биография любой стандартной Бабы-яги может вместить десяток биографий незаурядных женщин, со всеми их романами и авантюрными приключениями. Только после 50 стабилизируется их внешний вид, и далее (уже до ста и более) они приобретают образцовую внешность Бабы-яги, известную всем по сказкам кинорежиссера Роу, в которых бессменной и эталонной для многих поколений Ягой – был артист Георгий Милляр.

Но зачем заглядывать так далеко? Сейчас юная красавица Виолетта сидит в центре звездной карты российской эстрады и с глубоким разочарованием смотрит вслед уходящей певице, которую видела по телевизору и успела уже полюбить, а теперь, конечно, разлюбит, и навсегда, потому что, может быть, Бабы-яги и злые, но все же не до такой степени, как покидающая палубу «звезда».

Тем временем Гарри с большим интересом за этой сценкой наблюдал. Он удивлялся и почти восхищался этой девчонкой, мало того что красивой, но и умной. Умной – ну совсем не по годам. Он ведь обещал ее чем-нибудь занять, пока там Саша с Петей будут расхлебывать то, что он сам и заварил, поэтому подошел к ней и предложил пойти к нему, в его каюту люкс, отдохнуть от слишком шумной и глупой тусовки, выпить там чего-нибудь изысканного в мягких креслах и послушать последние, еще нигде не изданные записи своей группы. Не правда ли, предложение, от которого трудно отказаться, тем более 15-летней девушке. Но тут был один нюанс, который Вету смущал: оказаться в каюте один на один с незнакомым мужчиной – это все же опасно, думала Виолетта. Она была умна, это так, но ее скромный опыт не простирался настолько далеко, чтобы предположить, что бывают на свете мужчины, которым женщины абсолютно до жопы (можно было бы выразиться «до фени» или, допустим, «до лампочки», но «до жопы» все-таки в данном случае – точнее). Поэтому она с понятной настроенностью посмотрела на Гарри, давая понять, что я, мол, очень хотела бы, и уважаю вас сильно, но как там будет дальше? Не будет ли там сексуальных притязаний и грязных предложений? Гарри понял и улыбнулся.

– Не бойся, – сказал он с лирической грустью. – Я даже к твоей руке не прикоснусь.

– Да? – заинтересовалась Вета. Ей стало даже немного обидно. – А почему?

– Потому... – вздохнул Гарри.

Вета тактично не стала продолжать расспросы, наивно предположив, что Гарри, наверное, в кого-то сильно влюблен. Тут она была отчасти права. Гарри сейчас был сильно влюблен в того мальчика, которого прочил на место Сёмкина. Они пошли в его каюту. По дороге Вета солидно расспрашивала о секрете такой невероятной популярности его подопечных, об этих наглых фанатках, которые подчас выглядят просто помешанными. Гарри почему-то решил с ней пооткровенничать. Потому, вероятно, что ощущал к ней совершенно нетипичное для

него уважение. Эти толпы безумных девчонок в диапазоне от 12 до 18 он презирал, а временами даже ненавидел: они совершенно развращали его ребят и заставляли их чувствовать себя суперзвездами. Ребята теряли правильную ориентацию, переставали понимать, что они звезды только до тех пор, пока Гарри этого хочет. Когда кто-то из них пытался начать сольную карьеру, он терпел неизбежный крах, и о нем через полгода-год забывали напрочь. Поэтому девочки были ему омерзительны в любом смысле. И откровенность его перед Ветой выразилась в совершенно неожиданном для нее и циничном пассаже:

– Да, их много и все идиотки. Но когда я хочу показать их фанатизм по ТВ и поддержать версию о том, что они от ребят просто умирают, я заказываю 2–3 автобуса с заплаченными (хотя они готовы и за так) поклонницами, которые заведут своим поведением остальную толпу. Психоз, к твоему сведению, можно и срежиссировать, – поведал Гарри секрет пораженной Виолетте, открывая дверь своей шикарной каюты.

Однако оставим их на время, потому что совершенно понятно, как они поведут себя в каюте и что там будет. Оставим, чтобы вернуться к Саше и Пете, ибо у них в этот час гораздо интереснее.

Глава 10

Покидая теплоход, но перед этим...

Истерзанный женским вниманием Петр уже только пил и вздрагивал при приближении любой девушки. Саша отшивал новых кандидаток, для утешения внося их в список и ставя порядковый номер. Подведя черту под юбилейным, 30-м номером, Саша обернулся к стоящим рядом Наташам. Наташи уже порядочно давно стояли на посту, в одинаковых позах, голодно и требовательно глядя на Петра, который в это время пытался доесть давно остывший бифштекс.

– Вам-то чего? – грубовато спросил Саша как председатель экзаменационной комиссии.

– Ничего, – почти хором прошептали девочки и синхронно опустили головы.

– Ну так и идите спать, уже утро скоро, – сказал Саша. – Вас тут только не хватало.

– Не хватало, – упрямо прошептала, глядя в пол, та, которую Гарри при Саше помиловал в каюте Сёмкина.

– А-а-а, – догадался Саша, – значит, вы тоже...

– Тоже.

– Обе?

– Обе, – сказали девочки и подняли головы, посмотрев на Сашу с отчаянной решимостью.

– И что вы сейчас хотите? – задал Саша праздный вопрос, потому что все поголовно дуры хотели здесь только одного: чтобы Петя их опробовал и дал добро на физический контакт с солистами группы.

– Угу, – сказали девочки. – Того самого...

– Ну пошли, – сказал Саша, и тихо Пете. – Пошли, вставай.

Петя оторвал забубенную башку от тарелки, посмотрел на Наташ и, развращенный богатым выбором, промычал:

– Не-е-е! С этими? Да ты что!

Наташи сразу внезапно заплакали.

– Тихо! – прикрикнул на них сердобольный Шурец и яростно зашептал Пете: – Да пожалей ты девчонок, мудака, все равно же с ними ничего не будем. Так хоть посмеемся. А трахаться пойдешь с кем-нибудь еще!

Насчет «посмеемся» Пете понравилось, к этому он был готов всегда – с кем угодно, над кем угодно и над чем хотите.

– Ла-адно, ла-ан... – устало простонал пресыщенный бонвиван, – пошли.

Он барственно потрепал девочек по впалым щечкам и, тая от собственной щедрости, вяло промолвил:

– Ну что, писюхи, пошли, так и быть. – И, увидев два лица, озаренных светом надежды на свое никчемное счастье, добавил для профилактики, чтобы им жизнь совсем уж медом не казалась: – Только смотрите там у меня! Чтобы все было, как я скажу, а то...

– Да-да-да, – мелко залепетали и закивали девчонки, и четверка совершенно разных людей, собранных смешливой судьбой в одну компанию, отправилась в свой inferнальный путь к Петинной каюте.

Ребята шли чуть сзади, Наташи, крутя угловатыми тазиками, семенили впереди. Они о чем-то шептались, Петя же в полутора метрах сзади, глядя на их фигуры, все пытался вызвать в себе хоть тень желания, отыскать хотя бы вялые признаки похоти и все никак не находил. В самом деле трудно, обладая среднестатистическим вкусом, как у Пети, – трудно было возбудиться. «Ничего, – устало размышлял он, – разденутся и тогда, может, само пойдет».

А о чем таком, о девичьем, шептались Наташи? О, если бы Петя мог это услышать, то все пути к вялой даже эрекции были бы для него отрезаны.

– Я не хочу, не хочу, не хочу... – твердила одна.

– А кто ты спрашивает? – горячо возражала другая. – Выхода-то другого нету, правильно?

Правильно, я ты спрашиваю?

– Бли-ин! С этим толстым козлом!

– Ну, с козлом. Зато потом будет Сёмкин. И все по кайфу...

– А как, как? Я на него смотреть не могу! Козел! К тому же еврей!..

– Дура! Что тебе евреи-то плохого сделали?

– Противные они, – жаловалась юная антисемитка.

– Че-о-о? Противные? А Копперфильд твой обожаемый?

– Он... да? Ты врешь, врешь!

– Ага, вру, ты прэссу почитай, а то ведь ты только видак смотришь, да и то по гостям, – убеждала продвинутая подруга. – Так что нормально! Сделаешь, а завтра будешь с Сёмкиным, и все будет клево.

– А ты?

– И я че-недь сделаю и буду с Буфетовым.

– А че, че-нибудь? Че делать-то надо?

– А я знаю?.. Ну раздеться надо... Это точно.

– А дальше?

– Да че ты достаешь-то меня? Я че, больше твоего знаю? Ну разделась, легла, зажмурилась и все.

– Как все? А дальше?..

– А дальше разберешься по ходу. Этот козел, наверно, лучше нас знает, что делать.

Из всего сказанного лестным для Пети было лишь то, что его потенциальные возможности подразумевались сами собой. А что он из всех девушек предпочитает как раз вот таких, как они, кузнечиков, – у них даже сомнения не было. Главной проблемой было преодолеть отвращение к экзаменатору, сделать так, чтобы он этого отвращения не заметил, а наоборот, чтобы думал, что он им очень даже симпатичен. И тогда он их одобрит и даст пропуск в сказку.

«Какова, однако, «эволюция»! – позволяет себе автор горький вскрик в никуда из своего идеалистического подполья. – Какая жалкая пародия на «Золушку»! Какой путь мы прошли от принца до Сёмкина, от Золушки до Наташи, от сказки до анекдота!» Впрочем, что за жалкое хныканье автора на груди истории, бессмысленный плач в жилетку прогресса! Все своим чередом, пройдет и это. Однако останется не всегда справедливая реальность: кому-то принц, кому-то Сёмкин, а кому-то – совсем никого.

Подшли к Петиной каюте.

– Ну, вперед, – подбодрил девочек Саша.

Вошли, осмотрелись, переглянулись Наташи и попросили молодых людей подождать несколько минут за дверью. Вторая Наташа (та, которая не претендовала на Сёмкина) вышла довольно быстро и, волнуясь, как ассистент хирурга, впервые присутствующий на операции, сказала Пете:

– Идите. Она ждет.

Так обычно говорят идущие на важное дело: «С богом!» Хотя в большинстве случаев, а уж в этом в особенности, бог совершенно ни при чем. Петя вошел. И... вышел уже через две минуты, – у Саши сигарета догореть не успела. Он буквально давился смехом.

– Что с тобой? – вытаращился на него Шурец.

– А ты зайди, сам посмотри, – фальцетом пропищал экзаменатор. – Ой, не могу. Ой, господи. Пойди, пойди, – и опять аж согнулся в приступе смеха.

Вторая Наташа забеспокоилась, ибо результат мог быть каким угодно, пусть неудачей, пусть полным крахом, но такой реакции Петра она и предположить не могла.

– А что такое, что? – попыталась спросить она, но Петя глянул на нее, и его разобрало еще больше, он пополз вдоль стены, утирая слезы и подвывая.

– Нет! Так не бывает, ой, не могу!..

А Саша, сгорая от любопытства, вошел в каюту и прикрыл дверь за собой. Ничего особенного он не увидел. На кровати лежала совершенно голая, костлявая девочка синеватого цвета, намертво сдвинув ноги, прикрывая руками, нет, даже не прикрывая, а судорожно вцепившись в место пониже живота, дрожа, как жертвенная лань, и крепко зажмурившись. По этой причине она даже не поняла, что это вошел вовсе не Петя. Выбивая зубами, как кастаньетами, свое прощальное «фламенко», – а прощальное потому, что уже чувствовала – экзамен провален, – она пролепетала сквозь стук зубов:

– Петя, только пожалуйста, пожалуйста, осторожно, не делай мне больно!

Саша молча положил свою руку на ее руки, сомкнутые в нескрываемый замок над тем местом, что представляло с ее точки зрения единственную ценность, которую она могла бы предложить миру.

– Не на-адо, – шепотом прокричала Наташа, и из-под ресниц потекли слезы. – Сюда нельзя, нельзя, ну, пожалуйста.

Шурец смущенно и сострадательно хмыкнул и убрал руку.

– И сюда нельзя, – Наташа одной рукой показала на свой рот, продолжая второй защищать бастионы своей невинности. И дальше, торопливо: – Вот только сюда нельзя и сюда, – а в остальном делайте со мной, что хотите.

– Так это ж выходит, никуда нельзя. И что же остается? – сочувственно промолвил Шурец, раскрывая временное инкогнито.

Наташа, услышав не тот голос, приоткрыла глаза и увидела не Петю, а Сашу, которому все это было почему-то не смешно.

Наташа резко поднялась и зачем-то скрестила руки на груди, которую закрывать было вовсе не обязательно.

– А ты, а вы... почему? Вы зачем здесь?

– А меня Петя вместо себя прислал. Я тоже могу дать тебе пропуск.

– Правда? А вы дадите? Хотя... Я ведь ничего не сделала. Я... Я боюсь... – и она снова собралась заплакать.

– Да ладно, – с болью за обнищавшие девичьи идеалы промолвил поэт, – если тебе так хочется получить пропуск к Сёмкину, ты его получишь. Тем более что ты сегодня столько старалась для этого.

– Не, точно? Да? Без фуфла? – Наташа снова возвращалась от истинной себя в реальный мир молодежного обезьянника. – Без фуфла?

– В натуре. Не сомневайся, – скорбно усмехнувшись, ответил Саша. – Одевайся, замерзла уже. Я попрошу Петю выписать тебе пропуск в твой Рай. Просто так. На халяву.

– А зачем вы это делаете? – подумав, спросила Наташа.

– Наверное, чтобы ты хоть однажды почувствовала, что не все люди скоты.

– Ну, улет! – отреагировала Наташа.

Он вышел в коридор.

– Пошли, – сказал он Пете, который уже успокоился к этому времени.

– Ну как? – спросил Петя. – Отпад, да?

– Еще какой, полный отпад и еще приколы...

– Во-во, точно, приколы. На что она рассчитывала, лягушка: «Туда нельзя, сюда нельзя», – стуча зубами, он передразнил Наташу. – А куда можно-то? Ну облом! Время только потеряли.

– Да брось ты! – сказал Шурец. – Ты там уже от баб устал, а здесь развеялся, посмеялся, все-таки польза.

– Вообще да, – согласился Петя. – Пошли?

– Пошли.

И они пошли обратно на палубу, оставив двух Наташ, одна из которых пожертвовала личным счастьем ради подруги, в радостной иллюзии победы, добытой нелегкими усилиями и преодолением себя. Наташи еще не знали, что затянувшаяся шутка ничем не кончится, что шоу-группа утром улетит в Москву и пропуск окажется простой фальшивкой.

А между тем пора было Саше найти Виолетту, а Пете вернуться к Анжелике, которая обязана была заплатить за любовное коварство.

Оставим пока в покое побочную линию этого повествования – Петю с Анжеликой, и сосредоточимся на главной, ибо наступает момент, когда биография девушки Виолетты могла бы развернуться в другую сторону – к Поэту, к любви, к желанию отдать, а не взять, словом, ко всему тому, что не позволило бы ей двигаться по фатальному пути к Бабе-яге. Посмотрим, что из этого вышло...

Приятная собеседница была у Гарри все это время. Есть девушки, обладающие таким, знаете ли, врожденным тактом или, как посмотреть, феноменальной способностью к конформизму... или компромиссу. Есть девушки, которые умеют очень хорошо, внимательно, понимая слушать мужчину, и изредка, скупно, но очень точно, подавать именно те реплики, которые он хотел бы услышать. В том случае, конечно, если она хочет мужчине понравиться. Это фантастическое чутье подсказывает ей всегда, как вести себя и с мужчиной, который хочет любви, и с мужчиной, которому достаточно уважения. С Гарри Абаевым был как раз вариант второй. И он на протяжении последнего часа не переставал удивляться, как эта юная особа хорошо понимает его цели и способы их осуществления. Он рассказывал про все и показывал новые песни группы, а она кивала там, где надо, улыбалась именно в тех местах, где следовало, и настолько попадала в яблочко, что Гарри становился все откровеннее. Все напоминало исповедальные разговоры в купе поезда, где случайные попутчики за бутылкой, испытав моментальный разряд взаимной симпатии, начинают ни с того ни с сего рассказывать друг другу такое, чего никогда не отваживались бы поведать даже самым близким. Почему? Зачем? А может, как раз потому, что завтра на перроне скажут друг другу «до свидания», смущаясь слегка за рассказанное ночью, и больше никогда не встретятся, несмотря на то что утром формально обменяются телефонами? Или такого рода выплеск хоть иногда необходим?

Точно так происходил диалог Гарри с Виолеттой, который большей частью шел в режиме монолога Гарри. Короче, ему было очень приятно, и даже до такой степени, что он отважился показать Вете сокровенное – несколько своих песен, которые хотел выпустить в свет поначалу анонимно, чтобы группа их спела, а потом, если будет успех, обнародовать, кто написал такие чудные слова и музыку. Он не сказал Вете – чьи песни, а просто поставил запись, но настолько жадно всматривался в Ветино лицо, ища на нем следы одобрения или, наоборот, неприятия, что Вету чутье и тут не подвело. После первой же лирической песни она потрясенно покачала головой, мол, ну надо же! Бывают же шедевры, а мы о них ничего не знаем. И потом протяжно выдохнула: да-а-а! Сформировать такую реакцию ей было непросто, так как у поэтического дилетанта Гарри там встречались, например, слова: «...и твоя раскосая улыбка», а Вета, читавшая много хороших книг, любившая Ахматову, да что там далеко ходить, уже познакомившаяся с тем, как сочиняет Саша, – могла «раскосую улыбку» квалифицировать только как улыбку после тяжелого инсульта. Но тем не менее реакцию Вета выдала единственно верную, и очарованный и обманутый Гарри завел ей и вторую свою песню, и третью. И всякий раз было «ах» и «как хорошо», и очень заинтересованное: «А чье это? Кто это написал?» Кто, мол, этот гений, почему не знаю?

Но и всему хорошему когда-то наступает конец, и пир тщеславия был прерван стуком в дверь и появлением Саши, который пришел сказать Гарри «спасибо» и Виолетту забрать, чтобы провести с нею даже не ночь, а утро любви, единственное в их жизни утро, о чем Саша пока не догадывался, ну а Виолетта, разумеется, знала заранее, предполагая, когда Саша заснет,

исчезнуть из его жизни навсегда. Но, отметим еще раз, она могла бы и передумать во время их близости, в то время, когда становилась женщиной, что-то ведь могло произойти в сознании, переворот какой-то. Она ведь могла и влюбиться по-настоящему и забыть про свой дурацкий генеральный план – соблазнение отчима Герасима Петровича! Ведь могла бы, могла! Бывает же, что возникает любовь, которая разгорается с сумасшедшей силой от одного сознания того, что на нее отведены считанные часы и предстоит расставание, скорее всего навсегда. А чего же она всё-таки хотела? Мимолетной, легкокрылой связи с талантливым, романтичным, симпатичным и влюбленным молодым человеком. И пусть с ней останется только вкус его губ (он ей понравился еще тогда, перед кораблем), а также воспоминание о его стихотворной импровизации ради нее и о том, что этот достойный человек был первым в ее жизни мужчиной. И все! Продолжения не надо! Она, подготовленная уже, вооруженная до зубов своим новым знанием, полетит на «Ту-154» к своему Герасиму Петровичу, которого сведет с ума, уничтожив по ходу нелюбимую мать.

И все же, все же, может, она передумает, может, не использует Сашу так практично и утилитарно, может, быстротечность и безнадежность того, что между ними будет, если будет чисто и естественно, сделают ее хотя бы на время безрассудной, безоглядной, мечтательной, наивной, лишенной холодного бездушного расчета, скучного рационализма. Думай, Виолетта, думай, но еще важнее – чувствуй, чувствуй хоть что-нибудь, когда вы с Сашей, взявшись за руки, идете к его каюте, а ты оценивающе и вместе с тем удовлетворенно смотришь в его несчастные влюбленные глаза.

Но вначале надо было пройти палубу, и Саша вел Виолетту через всю тусовку гордо и с некоторой долей тайного тщеславия. Саша в белом костюме с негласно коронованной королевой палубы шел, как лауреат, по звездной дорожке кинофестиваля. Тут было чем гордиться: Вета сейчас была необыкновенно хороша, и сознание того, что на нее все смотрят если не с восхищением, то с несомненным удовольствием, делало ее еще более влекущей, кокетливой, грациозной. Знакомый кинорежиссер, очень вежливо спросив разрешения у Саши, задержал Виолетту с неуместным сейчас деловым предложением – попробоваться в свой новый фильм. Саша вежливо отошел и ждал ее в конце палубы. Он видел, как она, улыбаясь, отрицательно покачала головой, попыталась уйти. Режиссер еще что-то темпераментно говорил, видимо, убеждая, Виолетта опять улыбнулась, покачала головой, извиняясь, пошла сквозь все взгляды к Саше и встала рядом. И так они постояли с минуту, глядя друг на друга перед последним шагом, который, в сущности, был уже не столь важен для Виолетты и несуществен даже для Саши, потому что с ним и так уже все произошло, он уже испытывал головокружительную и странную смесь гордости, растущей мелодии внутри будто из старого, волшебного фильма Клода Лелюша «Мужчина и женщина» и какого-то горького ликования от того, что такое возможно, но лучше в его жизни, чем эта минута, уже не будет.

Виолетта же хотела вновь почувствовать ту самую детскую тоску по романтическому приключению, да и по самому детству, которое сейчас должно уйти окончательно. Короче, – вызвать в себе чувство, соответствующее моменту. Ей удавалось это отчасти. Ведь всё должно быть красиво, а не абы как...

Вот так они стояли у края палубы на виду у всех, держась за руки и, словно приговоренные, которые в последний раз смотрят на солнце, впитывали глазами друг друга. Тут надо сказать, что Сашина интуиция тоже была не из худших, он почему-то знал, предчувствовал, что тривиального обмена телефонами и продолжения романа-романса в Москве не будет, что-то случится, что-то помешает, поэтому смотрел на нее тоже невесело, тоже будто прощаясь, хотя и с улыбкой. Грустная поэтика любви – это особенность нашего национального характера. Должны быть проблемы. У нас, даже если нет реальной проблемы – ее нужно выдумать. Тогда любовь воспыхает особенно ярко.

– Красивая пара, – сказал кинорежиссер своей спутнице.

– Да, – отчего-то вздохнув, ответила та.

Гром оваций пассажиров и экипажа в финале этого микроспектакля. Ну, оваций не было, конечно, но внезапно притихшая палуба, глядящая на наших героев, свидетельствовала о том, что описываемый кадр людей зацепил, что все пока было благородно и правильно, что в создаваемом ими ноктюрне диссонанса не было. Повернувшись, Саша обнял Виолетту, и они медленно двинулись прочь с палубы, оставляя зрителей под легким наркозом увиденной красоты и недосыгаемо высоких отношений.

Подшли к каюте. Саша, продолжая неотрывно глядеть на Вету, достал ключ из кармана белого пиджака. Ловкость и органичность этого жеста напоминала об артисте Бельмондо в таком же пиджаке, который всегда демонстрировал понты с непередаваемым изяществом. У Саши, однако, понтов и в мыслях не было. Просто-напросто все должно было продолжаться грациозно и пластично, а если бы он рылся по карманам в поисках этого самого ключа, это внесло бы в финальный аккорд лишнюю и даже смешную ноту. А смеяться в преддверии или во время такого серьезного действия, которое они собирались совершить, – это риск разрушить все к чертовой матери.

Что-то тем не менее все-таки помешало. Это «что-то» было неожиданным для обоих и довольно неприятным. Бывает, знаете ли, такой психический эффект или лучше – дефект у мужчин, и чаще всего у мужчин с ненормально тонкой душевной организацией, что когда они слишком хотят, слишком влюблены, слишком долго ждут и готовятся к предстоящему акту, да к тому же начинают вдруг опасаться, что у них не все получится как надо, что они опозорятся перед королевой своего воображения, – то у них ничего и не получается. Во всяком случае – в первый раз. Вот этой самой участи не избежал и наш герой.

Саша лежал на спине, с тоской и смущением глядя в потолок и не зная, что сказать, и что вообще говорят в таких случаях, так как у него такое случилось первый раз в жизни. И вот тут-то Виолетта обнаружила такой постельный талант и такт, который оказал бы честь любой опытной куртизанке периода распада Римской империи. Она тихо полежала рядом, молча и тем более ни о чем не спрашивая. Она только осторожно и нежно, едва касаясь, проводила рукой вдоль его тела, то ли лаская, то ли утешая, но ни слова не говоря. И первыми словами, которые она произнесла, деликатно и шепотом минут через 10, были: «Я тебе помогу, у тебя все получится. Не думай о плохом. Пусть все твое плохое будет моим». Это звучало, как заклинание, как магическая формула, но пора уже сказать, что Вета была ветвью (ах! невольный каламбур!) генеалогического древа колдунов, из чьих сетей она упрямо пыталась вырваться. Но генетический опыт оставался – а куда он денется. Поэтому она прошептала Саше сексуальным контральто именно эти слова, которые немедленно стали производить благотворное воздействие на Сашины непокорные органы внутренней секреции.

Что она дальше делала – описывать не будем, но все в конечном счете произошло. И неоднократно. И бурно, и нежно, неистово и врачующе, горячо и трепетно, предельно откровенно и трогательно наивно, – словом, по-всякому, а если обобщить, то благородно и красиво, как и хотелось. Ничто не было нарушено в этой музыке ночного города, стихов, россыпи звезд и недолгой, как вскрик, любви. Ну были, конечно, фразы, потом, уже у Виолетты-женщины, фразы сомнительные по части вкуса, похожие на штампы профессиональных жриц любви, когда им хочется добавить в отношения с клиентом долю лиризма (они видят, клиент такой, ему это надо) – ну, например: «Ты хочешь растворить меня в себе?» или «Хочешь раствориться во мне? Я сделаю это сейчас, хочешь?».

– Сейчас пока нет, – отшучивался Саша.

– Ты лжешь, лжешь, ты хочешь!

То ли Виолетта что-то подобное видела и слышала в кино, то ли где-то читала и повторяла эту избитую пошлость, но так очаровательно и искренне, что она пошлостью не казалась. К тому же не будем забывать, что героине – неполных 16, что все для нее впервые, и что для

её лет такая вдохновенная имитация чувств, в которые она сама почти верила в эти часы, – редкость. Поэтому мелкие вкусовые проколы – простительны.

Она ничего не передумала. Все было действительно здорово, но и только. Она, конечно, запомнит мотив спетого романса, но петь его всю жизнь не собирается. Прилипшая мелодия, пусть даже красивая, становится неинтересной. Песенку пора менять. Впереди главная цель – Герасим Петрович. И самолет уже через три часа. И Виолетта постояла, одевшись, над спящим уставшим и счастливым Шурцом, улыбнулась и, открыв лежащий на тумбочке блокнот, написала на чистой странице несколько слов. С нелишним колоритом милой драмы. (Кстати, почему «мелодрама»? Гораздо правильнее было бы «мило-драма». Драма, но милая такая, не травмирующая.) Слова располагались по всем законам жанра в нижеследующем порядке: «Спасибо. Я тебя никогда не забуду. Прощай». Потом, подумав, она красиво начертила P. S., затем капнула на страницу навернувшейся слезой (для чего пришлось посплюнуть палец и слегка размазать буквы) и приписала: «Тут есть место для тех самых стихов обо мне и о нас, я прочту их в каком-нибудь журнале и сразу пойму, что ты меня не забыл». Затем быстро вышла и осторожно, чтобы не разбудить очарованного Поэта, прикрыла за собой дверь каюты.

На палубе уже никого не было. Лишь в дальнем углу сидели буквально засыпающий Петя и откровенно скучающая Анжелика. Они разговаривали. Только разговаривали, причем было очевидно, что беседа умирала. Никого Петя сегодня не попробовал, никому доступ к телам солистов знаменитой группы не дал, не успел, устал. Заниматься Анжеликой уже сил не было. И ее не опробовал, несмотря на то что какое-то время думал даже, что влюблен, и хотел отомстить... Шутка Гарри Абаева обрела под утро свой подлинный статус – шутка, да и только, но Петя так устал и опьянел, что ему было уже все равно. Он побыл директором-распорядителем трех десятков женских тел несколько часов, такого у него никогда не было и вряд ли будет, и он тоже запомнит это на всю жизнь.

– Где Шурец? – спросил Петя.

– Спит, – ответила Виолетта и, строго глядя на школьную подругу: – Пошли, что ли? Самолет скоро.

– Подожди, – вяло возразила Жика, – мы же спать идем.

– Нет, за вещами и сразу в аэропорт.

– Как в аэропорт? Мы же завтра летим. – Жика серьезно думала, что билеты на завтра, и она еще успеет пообщаться с первейшей целью своего путешествия – с Володей Буфетовым.

Но билеты были у Виолетты, и она точно знала, когда им лететь.

– Пошли, пошли, – сказала она, – не надо тебе уже ничего, пошли.

Взяла Анжелику за руку и, даже не прощаясь с Петей, повела ее, покорную и разбитую сегодняшней ночью, к пароходному трапу. А Петя только минут через пять понял, что остался на палубе один. Он огляделся, увидел, что никого нет, устало и апатично матюгнулся, налил себе остатки виски из бутылки Гарри, выпил залпом и вдруг неожиданно для себя пьяно заплакал от обиды, одиночества, от внезапно прострелившего его прозрения, – что он никому не нужен, что ни одна девушка с ним так и не осталась, что он такой невезучий, некрасивый...

Ничего, и это пройдет, и будет Петя завтра, нет, уже сегодня, нужен вновь и группе, и газете, и другу Шурцу, и девушки снова будут, и выпивка бесплатно, словом, жизнь пойдет, как и шла, а этот прострел в измученной новыми впечатлениями душе – забудется, зарубцуется так плотно, будто его и не было никогда.

Глава 11

О Герасиме Петровиче и его тайных пристрастиях

А между тем ничего не подозревающий о том, что его ждет, Герасим Петрович мирно жил в Москве, занимался своим скромным бизнесом, и все шло как обычно. Он был похож на спокойно живущий Перл-Харбор перед атакой японских камикадзе. За одним исключением: Виолетта в отличие от камикадзе сама погибать вовсе не собиралась, она хотела только поразить цель и улететь потом целой и невредимой. Он изредка занимался привычным сексом со своей женой, мамой Виолетты, вспоминая при этом, к собственному удивлению, свою приемную дочь. Мы принципиально не употребляем здесь расхожее выражение «заниматься любовью», потому что относимся к чувству под названием «любовь» с несколько большим пиететом, чем авторы этого выражения, и заниматься каким-либо чувством считаем разновидностью паранойи. Вот сексом – другое дело, им можно, как известно, заниматься и без любви. Вот Герасим Петрович и занимался. Сексуальные потребности его были так же скромны, как и его бизнес, как и он сам. Нет, он мог бы, конечно, завести себе любовницу...

Вот тоже пришлось споткнуться сейчас об это слово. Когда говорят «завести любовницу» или «завести ребенка» – это настолько мелко и унижительно для обоих, что просто переворачивает. Это как будто «завести собачку» или у собачки, к примеру, в свою очередь завелись вши. Чем-то необходимо заменить гадкое слово «завести». Ну, например: у г-на N появилась любовница или, лучше сказать, – подруга. Она появилась, а не ее «завели». Она возникла, родилась из пены тайных желаний и надежд, чтобы из этого же материала соткать сеть, в которой потом с щенячьей радостью запутается г-н N.

Так вот, у Герасима Петровича запросто могли бы возникнуть внебрачные связи, но, повторяю, он, во-первых, был скромен и застенчив, а во-вторых, ему было лень. Но Виолетту он вспоминал. Он вспоминал, как взрослеющая девочка на него смотрела, как один раз он заметил, что она подглядывала с недетским любопытством за тем, как они с матерью это делают. А Виолетта, заметив походя, была разочарована однообразием процесса и заранее знала, что у нее-то с Герасимом Петровичем все будет по-другому. Он вспоминал, какой уже совсем красивой девушкой она поехала на юг, как она многозначительно попрощалась с ним, как она, якобы случайно, назвала его Герой, а потом смутилась и извинилась, и еще многое другое вспоминал Герасим Петрович, не заходя, однако, далеко в своих воспоминаниях. Виолетта, как персонаж, не входила в палитру сексуальных грез Герасима Петровича, поскольку он считал себя с некоторых пор человеком высокоморальным и старался поступать хорошо.

Суть в том, что после сорока многие люди начинают подумывать об устройстве своей загробной жизни. Пора. Вдруг там и вправду что-то есть, а я столько уже нагрешил! И начинают регулярно ходить в церковь и соблюдать все посты. Но живем-то мы на Земле, а не в ноосфере, живем нашей вполне земной жизнью в данный нам отрезок времени. Устраивать в отведенное тебе время этикакие качели – грешить и каяться, а потом, покаявшись, снова грешить и снова каяться и возводить это чуть ли не в жизненный принцип – дело сомнительное, вызывающее, по меньшей мере, иронию и недоверие. Земная жизнь с ее неизбежными грехами, вероятно, испытание своего рода, тест Создателя для каждого из нас на архаичные понятия «совесть» и «порядочность», которые сегодня и звучат-то скучно, педагогично и занудно. Какая к черту (вот именно!) порядочность, когда вокруг столько смешного, увлекательного, манящего, словом, всего того, что по кайфу. Банальная до оскомины мысль о том, что многое, если не все, зависит не от того, сколько раз ты ходил в церковь, а от того, что ты в своей земной жизни сделал или чего не сделал, может, потому и банальна, что верна?.. Несколько поколений людей, воспитанных и живших в атеизме не по своей воле, все они теперь в аду, что ли? Ведь среди них встречались безусловно чистые и честные люди. По соблюдению всех библейских запове-

дей (а в Библию они никогда даже не заглядывали) они могли бы дать 100 очков вперед большинству сегодняшних примерных прихожан. Интересно, простил им господь их невольный атеизм или нет? А вот эта полумера – грешить и каяться... Хотя ведь это еще надо учесть – как, насколько грешить и глубоко ли раскаиваться, а то что же получается: человек вчера убил троих на бандитской разборке, а сегодня, помахивая полукилограммовым золотым крестом на соответствующей цепи, пришел причащаться и просить у бога прощения, чтобы завтра сделать то же самое?

Герасим Петрович страшно не грешил, он грешил мелко, не делая при этом никому вреда. Ну сходил пару раз в казино, ну воспользовался несколько раз услугами гостиничных путан. Ну вот, например, съездил недавно по делам в Петербург, а в гостинице возле вокзала в его одноместном номере вечером через каждые пять минут раздавались звонки и приятный женский голос осведомлялся: не скучно ли ему одному и не хочет ли он провести время с девушками, не тянет ли его развлечься. Герасима Петровича до поры и не тянуло, но секс с женой с некоторых пор превратился в такое унылое, механическое действие, что он однажды сломался и на призыв откликнулся.

Дело было так. Как-то в один из одиноких вечеров у телевизора ему под дверь подсунули рекламный листочек с обычными предложениями, но с добавлением в конце заманчивого слова «Всё!». Герасиму Петровичу ужасно захотелось узнать, что такое «Всё!» в сфере секса. Он ведь знал только два способа, причем один из них только по рассказам более опытных товарищей, а второй – на практике со своими немногочисленными партнершами, в числе которых была и жена. Да и в этом втором он в принципе знал только две позы, поэтому обогатить свое знание если уж не «всем», то хоть чем-нибудь дополнительным ему очень захотелось. На рекламном листке была даже не фотография, там был рисунок с изображением жуткой бабы с огромными ляжками, неправдоподобно толстым задом и размалеванным лицом, сидящей в похотливой позе мартовской кошки, готовой на все с любым котом за любой водосточной трубой. Короче, нарисованная девушка, что называется, была на любителя. Но не в ней было дело, а в подкупающем названии организации, обещающей клиентам это самое «Всё!». Название организации было напечатано внизу, скромно, но весело: ТОО «Шалуныя» (то есть «товарищество с ограниченной ответственностью»). Герасиму Петровичу тогда до зуда, до онемения конечностей захотелось повидать одну из «шалуний» и попробовать чего-нибудь из области «Всё!», а чего не попробовать, то, возможно, спросить у нее за те же деньги. И он позвонил по указанному телефону, впервые переступив порог своей нравственности.

– Вам поспокойнее или потемпераментнее? – спросили там.

Тоже дама с приятным, интимным таким голосом, но, судя по всему, не практикующая, а просто телефонный координатор, диспетчер, отправляющая девушек на задания по адресам.

– Ну-у, – растерялся на несколько секунд Герасим Петрович. – Наверное, все-таки темпераментную.

За эти несколько секунд ему пришло в голову, что темпераментная может предложить по части «Всё!» больше, чем флегматичная. Мудрое решение, но только в том случае, если бы темперамент оказался подлинным, а в данном случае рассчитывать на это со стороны Герасима Петровича было наивно. Но... опыта-то не было, что ж тут поделаешь. Уже через двадцать минут в дверь постучали, и бритоголовый джентльмен в кожаной куртке поверх спортивных штанов с весьма заспанным видом напомнил Герасиму тариф, взял у него деньги за час гарантированных удовольствий, сказал, что ровно через час ее заберет, и закрыл за собой дверь. Герасим Петрович за эти 20 минут успел сбежать в буфет и принести бутылку шампанского и два апельсина.

– О-о! – обрадовалась девушка. – Мы еще и выпьем.

Девушкой, впрочем, назвать ее можно было, будучи человеком весьма неприхотливым. Возраст ее колебался где-то в диапазоне от 30 до 40, но густой слой косметики не позво-

лял догадаться поточнее. Лицо было, наверное, когда-то симпатичным, но теперь усталость от жизни, от изнурительной работы без выходных, да и конкретно от сегодняшнего вечера, когда несколько комнат того же отеля были уже обслужены, – давала себя знать. Но фигура-а-а! Фигура у нее была что надо! Она отвечала всем журнальным стандартам и намекала на вполне добропорядочное начало ее «творческой» жизни – быть может, модели или даже танцовщицы, актрисы, скатившейся на дно жестокой рыночной жизни.

Тем не менее надо было выполнять пожелание клиента насчет темперамента. А его не было. Значит, необходимо было его хотя бы сыграть и так, чтобы клиент поверил. А таланта тоже не было. Вернее был, но и он сейчас устал. Поэтому получилось следующее. Томно прикрывая глаза с длинными наклеенными ресницами, она сделала попытку прорычать, как раненая пантера:

– Ну-у, раздевайся же, мой сладкий.

Затем максимально широко распахнула глаза, выстрелила в него взглядом, от которого Герасиму стало даже как-то не по себе, и одним мгновенным движением сбросила с себя длинное облегающее платье.

– Ну, давай же, любимый, – продолжала она хрипло рычать, уже не сводя глаз с Герасима Петровича и как бы обещая растерзать его в постели в пух и прах буквально через несколько минут; будто при первом же взгляде на него ею овладела такая бешеная страсть, что она уже не в силах управлять собой.

В исполнении тут был явный перебор, но она считала, что для начала неплохо, тем более что время дорого, а Герасим Петрович внешне ей даже понравился. Он был красив, даже прекрасен по сравнению с предыдущим юго-восточным клиентом, толстым, лысым на всю голову, но зато с обильной компенсацией растительности на все остальное тело. Он был покрыт густой шерстью от шеи до ступней ног, так что она час назад переспала будто с обезьяной. Она содрогнулась, вспоминая, и вновь сосредоточилась на Герасиме, которого она сейчас удовлетворит, не только не испытывая никакого омерзения, а скорее, наоборот: ей будет даже приятно.

Хищница в кружевном черном белье взволновала Герасима, и ему не терпелось приступить. Однако страсть страстью, пусть даже и фальшивой, но специфика работы требует соблюдения определенных правил, поэтому дама, вдруг перестав рычать и сверкать глазами, просто и деловито спросила:

– Резинка-то у тебя есть?

– Какая резинка? Жевательная? – растерялся Герасим.

Даму это рассмешило.

– Презерватив, дурачок. Ну ладно, я сама поищу, – и стала рыться в своей сумочке. Нашла и собралась уже было рвать обертку, но потом, о чем-то подумав и решившись, видимо, на нарушение гигиенических норм, спросила: – Ты женат?

– Да, – ответил честно Герасим, уже обнимая ее с растущим нетерпением.

Она испытующе еще раз посмотрела на него и решила поверить, поэтому спрятала обратно в сумочку атрибут своей трудовой деятельности и произвела тут же с Герасимом первую акцию, которая теперь столь широко распространена, что уже может считаться традиционной, хотя традиция эта, говорят, пришла к нам из любвеобильной Франции. А вот классическая акция, уходящая корнями далеко за первобытнообщинный строй, должна была быть второй. Но между ними был еще интервал для передышки, в час можно было уложиться, оставалось время и на беседу, тем более что страстный Герасим от первого в его жизни, необычного секса пронесся до состояния половой экзальтации аж секунд за 30.

– Вот это да, – восхищенно сказал Герасим Петрович, глядя по волосам мастерицу международного класса.

– Понравилось? – с профессиональной гордостью спросила она.

– Еще как! – искренне похвалил Герасим Петрович. – А как тебя зовут-то? – догадался он спросить, хотя мог бы спросить до, а не после.

– Лаура, – почему-то вызываясь глядя на него, ответила она.

– А меня, – он помолчал, смущаясь, как и всякий раз, когда произносил свое имя, – Герасим... Петрович, но можно просто Гера, – поспешно добавил он.

Лауру имя Герасим не развеселило, она даже не улыбнулась, и Герасим Петрович ощутил за это к ней прилив благодарности.

– А тебя и вправду зовут Лаура? – спросил он.

– Нет, – просто ответила она, – у нас это что-то вроде клички, в нашем кругу на работе у всех выдуманное имена. Вообще-то я Лариса. Лаура – близко, вот и придумали.

– Можно, я тебя Ларисой буду звать? – застенчиво попросил Герасим.

– Конечно, – согласилась Лаура-Лариса, и Герасим Петрович стал ее расспрашивать о вариантах классического секса до тех пор, пока ей не стало легче показать, чем рассказать. Она и показала, сильно возбуждив Герасима тем, что распустив волосы, стала ими проводить Герасиму по животу и ниже. Потом, увидев результат, подняла голову, опять посмотрела на него, как заказывали, то есть – зверски и демоническим шепотом, вновь переходящим в рычание, осведомилась: – Ты хочешь раствориться во мне? Хочешь? Я сделаю это сейчас!..

– Да-да! – почти выкрикнул Герасим, хотя перед вторым фрагментом их близости он стал уже немного побаиваться хищной «шалуньи». «Раствориться» он, конечно, хотел, но все же не до такой степени, как она грозила.

Вот тут хочется отметить, что «раствориться во мне» – совсем не повтор, ускользнувший от внимания автора. Это принципиально. Контингент, населяющий этот роман, может несколько озадачить и даже разозлить нормального добропорядочного человека. Конечно, сплошные путаны, развратники, пьяницы, фанатки и прочие. Не забывайте, однако, что все происходит в наше реальное время, а наша реальная действительность бывает куда острее и гаже. Вы телевизор-то посмотрите, криминальную хронику, эстрадных звезд послушайте – что они говорят, или на улицу пойдите ночью, и вы поймете, что описываемые здесь люди и события – просто «Приключения Чипполино» по сравнению с этим. Ну а кроме того, мы тут пытаемся рассказать историю о Бабе-яге, а не о протопопе Аввакуме. А Яга живет где? А? Вспомнили? В дремучем лесу, а не в оранжерее! А в дремучем лесу, в свою очередь, обитают разные, не всегда приятные, твари. Теперь понятно? Тогда продолжим.

В общем, Герасим Петрович всего лишь за один неполный час научился стольким интересным вещам, что ему захотелось продлить такое полезное общение еще на столько же и доплатить куратору «шалуньи», который за ней приедет, то, что полагается. Все, однако, оказалось не так просто. Ровно через час, минута в минуту, в дверь постучали и, не дожидаясь ответа, в комнату ворвался исполняющий совместные обязанности шофера, кассира и телохранителя тот самый внушительный мальчик в кожаной куртке, которого Герасим Петрович уже имел счастье видеть. Причем понятие «телохранитель» в данном случае обрело абсолютно прямой смысл: он весь вечер и ночь охранял вполне определенное тело, приносящее прибыль процветающей фирме «Шалунья». Он с порога так и сказал:

– Так, Лора, быстро собирайся и поехали, тебя Вагиз ждет, двойной тариф платит, конкретно.

На «растворенного» в Лауре Герасима он даже внимания не обратил. Герасим тем не менее попытался напомнить быку, кто здесь хозяин:

– Минуточку, минуточку, я хочу продлить...

– Заткнись, понял, – крутой мальчик слегка двинулся в сторону Герасима и сделал ему козу стандартной в его среде распальцовкой. – Нет у нас минуточки, поэт, ты че, не слышал, в натуре, Вагиз ждет.

Он сказал это так, будто весь мир знает того, о ком идет речь, и Герасим должен испытывать трепет при одном только упоминании его имени. Поэтому Герасим, если и не «поэт», то во всяком случае попытался понять, чем ему грозят возражения.

Но тут неожиданно на его стороне выступила Лаура:

– Не поеду! – вдруг завизжала она. – Хватит! К этому грубому скоту! Он по-нормальному не умеет, извращенец, не хочу! – кричала она и даже топала ногами, не забывая, впрочем, одеваться при этом.

– Ты че, в натуре, охуела? – простодушно спросил качок, слегка отступив от Герасима Петровича. – Тебе же сказано, дуре, двойной тариф.

– Минутку, – опять возник Герасим Петрович, – может, я тоже двойной заплачу. Я хочу еще на час.

– Так тебе, фраер, тогда тройной придется платить, и я еще что-то должен придумать, чтобы Вагиз меня не пристрелил моментом, чтобы я хоть чего-нибудь мог вякнуть, когда приеду пустой.

Герасим замолчал, прикидывая, потянет он эту сумму или она ему сейчас не по карману.

– Вовчик, ну можно, я не поеду, – хныкала Лаура, – он же сказал, что заплатит, – кивнула она в сторону Герасима и посмотрела на него с робким упованием на лучшее, то есть как на более приятного клиента. Почти с любовью посмотрела.

Это окончательно сломало Герасима и заглушило его финансовые колебания. Рассудок был послан подальше. И Герасим гордо и благородно сказал:

– Я заплачу две с половиной ставки.

– Да пошел ты, – презрительно обронил Вовчик. – Вагиз мне таких навешает из-за тебя, окурка замусоленного. – Потом крепко уцепил девушку за руку и сказал: – Пошли, Лора, зачем тебе лишние проблемы? Пошли, пошли, – и стал подтаскивать ее к двери.

И тут Лаура в агонии последнего протеста вновь завизжала и стала вырывать руку из железной клешни упертого Вовчика.

– Не трогай меня, пусти, пусти-и-и!! – потом все-таки вырвалась, отскочила к столу и, выхватила из своей сумочки бритвенное лезвие.

Дело принимало уже опасный, криминальный оборот.

– Уйди отсюда! – в истерике надрывалась Лаура. – Возьми у него деньги и уходи. Уйди щас же!! Или я пойду в ванную и вскрою себе вены!! Я чисто конкретно тебе говорю! – кричала она, переходя на понятный Вовчику язык и угрожающе размахивая бритвой.

– Чисто у тебя не выйдет, профура, – отмахнулся Вовчик, – давай, давай, иди в ванную, только не забрызгай кровью... как прошлый раз...

Настала минута, когда Герасиму Петровичу следовало испугаться. Он и испугался, потому что эта сцена могла черт знает чем закончиться.

– Хватит! – сказал он решительно. – Я заплачу тройной тариф, только уйдите еще на час, – почти просительно обратился он к Вовчику.

– Ладно, – помявшись, произнес тот, – давай деньги, но ровно через час... – и Лауре: – Ровно через час, поняла? Хочешь ты или тебе это запахло, никого не колышет, у тебя работа такая, все равно потом поедем к Вагизу. А сейчас я поеду от него отмазываться...

И только наутро, когда проснулся с сытой, довольной улыбкой на лице, Герасим Петрович, обогащенный свежими и удивительными постельными знаниями, когда уже завтракал в гостиничном буфете калорийной питательной яичницей с ветчиной, столь необходимой ему сейчас для восстановления сил, он в какую-то минуту оцепенел, не донеся до рта вилку с куском ветчины. Его посетила чудовищная по своей простоте и циничной логике мысль, что его накололи, сделали, как распоследнего ушастого фраера, что вся драматическая, эффектная сцена была разыграна двумя специалистами только для того, чтобы выкачать из него тройной тариф, и оказалась не только эффектной, но и эффективной. Они достигли своей цели легко и

не теряя темпа. Лаура-Лариса забыла свою истерику ровно через три секунды после ухода Вовчика, слишком быстро успокоившись и приступив к своим прямым обязанностям. Но он тогда этого не заметил и не оценил правильно, он чувствовал себя в ту минуту практически рыцарем, спасшим несчастную женщину хоть на час от когтей кровожадного извращенца Вагиза. А сейчас, на полпути ветчины ко все еще открытому рту, его вдруг осенило, что никакого Вагиза скорее всего не существовало в природе, что он был лишь катализатором, ускорителем процесса отъема нужных денег. А бритва тоже была заранее приготовлена, чтобы при случае разводить таких лохов, как он.

– Ну что ж, – примирился с судьбой Герасим Петрович, – за опыт тоже нужно платить. Причем опыт не только сексуальный, но и житейский. В следующий раз меня на такую повидлу не купишь, – уже окончательно успокаиваясь, подумал Герасим Петрович и отправил ветчину по назначению.

Назавтра он уезжал в Москву, а еще через несколько дней из Севастополя возвращалась Виолетта, и ничего еще не зная о ее сугубо женских замыслах насчет него, но подсознательно мечтая о ней, он тут, в Петербурге (случайно получилось так) подготовился к их встрече. Он уже не был примитивным постельным тюфяком, который мог разочаровать девушку в первый же раз. Хотя, впрочем, и Виолетта в этом вопросе была уже не новичком. Судьба режиссировала их неизбежное соединение и готовила все так, чтобы они друг другу соответствовали. Душевная травма грозила в результате одному только Герасиму Петровичу. «Убегай, если хочешь, чтобы тебя любили», – заметила как-то Мэрилин Монро, а уж ей-то, как никому другому, можно в данном вопросе доверять. Виолетта этого высказывания не знала, но интуитивно вела себя так же. Ей с детства запомнилась сказка «Колобок», который и от бабушки ушел, и от дедушки ушел, но она ведь знала, чем для колобка все закончилось, и себе такого финала биографии вовсе не желала и была уверена, что обхитрит всех, кто встретится ей на жизненном пути. Обоснованная ли это была уверенность, нет ли – увидим. А сейчас вернемся в Москву вместе с Герасимом Петровичем, в их семью.

Глава 12

Колдовской клан и магическое братство

Пора уже поговорить и о матери, и о ближайших родственниках, и вообще о том самом колдовском клане, в котле которого с детства варилась девушка Виолетта, и о том, почему она пыталась вырваться оттуда всеми своими силами, хотя противостоять столь мощному влиянию было очень трудно, точнее – почти невозможно. Начнем хотя бы с того, что акт дефлорации, то есть – потеря девственности, должен был происходить под контролем клана. Это был традиционный обряд, ритуал, нечто языческое и неизбежное. Первым в жизни мужчиной мог быть человек, девушке даже вовсе незнакомый, но непременно из этой же среды, лучше всего – черный маг. Надо сказать, что все они делились на магов черных и белых, хотя непосвященному человеку разница не очень заметна. Почти все действовали от имени бога, хотя права на это никакого не имели. Но поскольку имя господина, имя Христа авторитетно даже для отпетого атеиста, то клиентура магов при виде икон, окружающих их, начинала испытывать к магу доверие. С именем дьявола было бы сложнее, и размеры клиентуры сильно бы сузились. Не всякий готов заложить душу ради временного исцеления или успеха в любви и делах. Распознать обыкновенному человеку, чьей крышей пользуется маг или экстрасенс, очень непросто, хотя при некотором напряжении внимания – можно. Ведь если они в своих рекламных газетных объявлениях готовы буквально на все: хотите – отворот, хотите – приворот; погубить соперницу – да, пожалуйста; чтобы кто-то заболел – да нет проблем. «Верну любимого навсегда, Ваш любимый приползет на коленях и будет просить пощады. Гарантия 1000 %. Результат – немедленно». Где они берут такие цифры?! 100 % всегда считалось пределом! А тут – у кого 500 %, у кого – 1000 %. Одни эти проценты могли бы насторожить, но доверчивость, жгучее пугливое любопытство и лень (поскольку результат обещают сразу, без усилий со стороны клиента) заставляют людей стучаться в двери магов, ясновидящих и обычных шарлатанов.

А уж такие вещи, как, например, приворот, делаются вообще с привлечением вспомогательных средств, таинственных и страшных: там участвуют и земля с кладбища, и подсыпание какой-то смеси в еду любимого, и многие другие, весьма противные мероприятия. Должно же быть хотя бы подозрение, что тут что-то не так, но нет же! Неистовое желание вернуть любимого любой ценой побеждает. И вот, представляете, он действительно в результате приползает к вам на коленях и просит пощады. Он уже ни на кого не смотрит, он целиком – ваш, но вы замечаете, что он уже как бы и не он, он – разновидность зомби, и он уже вам и не нравится даже, а любовь и жажда иметь его рядом куда-то уже улетучились, и вы уже думаете: зачем я это сделала? Разве я такого хотела? А он все ползает, ползает на коленях, уже все колени ободрал, надоел уже до смерти, а все ползает. Но ничего уже нельзя сделать! Ведь сказано: «Навсегда!» 1000 %. Вы можете себе такое вообразить! Вот этот растоптанный червяк теперь – навсегда! Слово пугающее, даже хуже, чем «никогда». Страшная сила, однако, эти маги. Но выбор, во что или в кого верить, всегда есть, и он вполне определенный.

Вот такой черный маг, а проще – колдун, и должен был сделать Виолетту женщиной, когда ей исполнится 16 лет. И не она его выбирала, он был ей назначен ведьмами и колдунами со стажем, близкими и дальними родственниками Ветинной мамы. Именно сильный колдун назначался для такой миссии. Потому, вероятно, что его темная всеохватная сила должна была проникнуть в нетронутую девушку и сделать ее моментально своей, одной из них. Как у вампиров. Укусил вампир в шею, допустим, нормальную девушку, все, готово, она тоже вампир.

До 16-летия оставалось совсем немного, но своенравная Виолетта решила по-другому. Она знала, что ее ждет, но так давно уже ненавидела свою среду и свою маму, всех, кроме случайно затесавшегося туда Герасима Петровича, что еще год назад замыслила побег и решила, что назначенному колдуну с ней ничего не обломится.

Мама ее, Елизавета Васильевна, до сих пор работала в одном из многочисленных теперь центров нетрадиционной медицины с манящим названием «Живительный родник». У каждого целителя там был свой кабинет и свои пациенты, доверяющие только ему, своему целителю, услугами которого уже однажды попользовались и не без успеха, и тогда стали именно его рекомендовать своим друзьям и знакомым. Кабинеты располагались вдоль коридора все на одной стороне, а на противоположной стене висели отпечатанные листки с фотографиями и краткой информацией о каждом целителе отдельно. Целители были на все вкусы. Из листов явствовало, что одна из них широко пользуется черную магию и занимается всем вышесказанным – приворотами, отворотами и прочим. Так что, если не страшно, милости прошу, заходите, приготовьте деньги, список тарифов за оказанные черные услуги у симпатичной девушки в прихожей, рядом с компьютером и телефоном.

Другая, очевидно, была целительницей широкого профиля, но подчеркивалось, что она маг белый, которого можно не бояться, она чернокнижием не занимается и с православием вас не поссорит. Третий был астрологом, но и кем-то еще, так что если вам небезразлична ваша судьба, если вы хотите узнать, сколько вам осталось жить или когда сдохнет ваш враг (кстати, фото врага с собой?), платите и стучите в крайнюю дверь слева. Сказочная логика всего интерьера «Живительного родника» требовала, конечно, чтобы были еще несколько дверей с табличками завлекательными и вызывающими алчное детское любопытство: скажем, «Кикимора», «Домовой», «Упырь» и дни приема. Список можно было бы продолжить, героев мирового фольклора еще множество, однако лучше всего было бы ограничиться всего одним кабинетом с неопасной и привлекательной табличкой «Волшебник». Ну и хорошо бы еще аквариум где-нибудь в конце коридора и возле него скромное объявление: «Золотая рыбка. Три заветных желания». Удочки оставлять при входе.

Мама Елизавета Васильевна работала тут давно в должности белого мага широкого профиля. У нее многое получалось, она обладала реальной силой и видением, к ней приходило много народу, и, бывало, она засиживалась на работе допоздна, что давало возможность Вете вести себя свободно и независимо. Но временами Вета все же захаживала в «Живительный родник». Во-первых, мама старалась ее приобщить к делу с детских лет, а во-вторых, ей самой было любопытно. Мама объяснила как-то, что у каждого человека есть биополе, а у избранных, вот как у них, очень сильное биополе. Поэтому Вета не удивилась, когда в кабинет матери зашел очередной соискатель должности в «Роднике» и сказал...

Нет! Прежде надо ввести вас в курс дела и объяснить, что вокруг «Ромка» вообще и «Родника» в частности толкалось множество шарлатанов... А-а!! Вы же еще не знаете, что такое «Ромка»! Сейчас-сейчас... Рассказываю. Все они несколько лет назад объединились в своего рода профсоюз, в организацию, имеющую невинное название «Ромка». Только не подумайте, что «Ромка» – уменьшительно-ласкательное производное от имени Роман, это аббревиатура, которая расшифровывается следующим образом: Российская организация магов, колдунов и астрологов. Создатель этого необычного профсоюза, его идейный вдохновитель, о котором разговор особый и чуть позднее, мечтал преобразовать «Ромку» в «Фомку», то есть Федеральную организацию магов, колдунов и астрологов, но пока не получалось. Федеральное – это все же какое-никакое, а государственное, а государству неудобно было брать под свое крыло нечто антинаучное. Государство их стеснялось и чуралось, поэтому мечта руководителя «Ромка» обречена была скорее всего так и оставаться мечтой, не более, хотя и ему, и многим другим было хорошо известно: услугами астрологов, ясновидящих и прочих нетрадиционных специалистов негласно пользовались и пользуются представители властей и силовых структур. Тут и поиски исчезнувших людей по фотографиям, и многое-многое другое, чего афишировать не рекомендуется. Официально же это делать никак нельзя, можно скомпрометировать многих известнейших людей.

– Тьфу ты! – ругался главный маг, получая очередной отказ. – Связь с нами для них, видите ли, компромат! А во всем остальном они чисты, как грудные дети!

И так всякий раз он получал мягкий, но решительный отказ, когда заговаривал об официальном статусе своей организации после каждой негласной помощи какому-нибудь высокопоставленному лицу. У него самого, кстати, осечек не было никогда, он, если брался помочь, то осуществлял это лихо и не без артистизма, всякий раз поражая окружающих своими возможностями.

И все же надо было как-то защитить профессиональные права простых российских волшебников, нужно было получить лицензию на право этим всем заниматься, а то уж совсем нелегальщина какая-то получается.

Лицензия в конечном итоге была получена, и от кого бы вы думали? От какого-то отделения городского правительства, связанного со спортом! Тут была своя смешная логика: высокие достижения колдунов с своей области можно было приравнять только к высшим достижениям в спорте. Можно было бы пойти еще дальше и фиксировать у магов рекорды и присваивать спортивные разряды. А что? Первый магический разряд, кандидат в мастера, заслуженный мастер магии, заслуженный тренер-колдун и прочее и прочее. Вспомните, как старик Хоттабыч, например, устраивал гол для понравившейся команды. Волосок из бороды, трах-тибидох – и все! Готово, гол! Ну чем вам не мастер одновременно и спорта, и колдовства! Но, так или иначе, лицензия была получена, и деятельность магического сообщества была узаконена. И тут к ним хлынули толпы желающих приобщиться к нетрадиционным методам лечения, и не только пациенты или одержимые жаждой «вернуть любимого навсегда», но и люди, твердо верящие в свои собственные способности и страстно желающие этим заниматься, зарабатывать таким образом деньги. Правила приема в организацию на первый взгляд казались жесткими, как у масонов: рекомендации двух уже испытанных целителей; месяц испытательного срока, и ты принят. Членские взносы и т. д., все по правилам. Можно было заплатить не только членский взнос, и в «Ромка» приоткрывалась лазейка для множества шарлатанов. В результате получилось, что именно шарлатанов было в организации большинство. Именно они, как правило, обещали в газетах пресловутые 1000 % гарантии. Но, опять-таки, вернувшись на несколько секунд к фамилиям, отметим: лечить людей с фамилией Гробовой рискнул бы не всякий, а лечить от алкоголизма, имея фамилию Развязкин, и вовсе предосудительно.

Точно таким же шарлатаном и был тот тип, который однажды ввалился в кабинет матери в то время, когда там смиренно в углу сидела девочка Виолетта, с любопытством наблюдая за грациозными изгибами маминой методики: к каждому человеку у нее был свой, особый подход. Этот дядя отрекомендовался вначале как серый маг, серый – это черный, камуфлирующийся под белого. Он как раз проходил испытательный срок в «Роднике», но считал себя здесь уже своим в доску. Поэтому был напорист и нагл. Он сказал:

– Слушайте, я тут потерялся полями с одной вашей целительницей и понял, что мы не сработаемся. С вами буду работать. Будем рубить бабки, – добавил он, не обращая внимания на сидящую в некоторой оторопи пациентку и скверно ухмыляясь.

– Ну уж нет, – сказала Елизавета Васильевна, – не сработались с той, ну и не надо! Можете уходить немедленно.

– Это что же, – почти с угрозой произнес колдун-стажер, – значит, вы мне рекомендацию не дадите?

– А с какой стати? – спокойно спросила мама. – Вы еще никак себя не проявили.

– Да вы что! – побелев, зашипел тот. – Да я рак лечу, лейкомию, от бесплодия спасаю, у меня писем уйма!

– Писем у всех у нас много, – как бы про себя промолвила мама. – А еще что лечите? – сделав вид, что ей любопытно, поинтересовалась она.

– Все!! Все я лечу, поняли! Да кто вы такая, чтобы мне не верить!

– Вы уж меня извините, – вдруг мамин голос стал непривычно жестким, – но когда человек берется лечить буквально все, значит, практически он не может ничего. Оставьте мой кабинет, тут, между прочим, пациентка сидит, а вы этого даже не замечаете.

– Ну смотрите... – опять с угрозой сказал колдун. В его голосе прозвучало намерение если не сегодня, то уж завтра обязательно превратить маму в жабу на всю оставшуюся жизнь.

– Выйдите вон, – опять сказала мама и сделала правой рукой что-то вроде круга и креста, Вета не успела заметить как псевдомаг съежился, вжал голову в плечи, вышел задом и очень осторожно, без следа былой агрессии прикрыл дверь за собой.

Пациентка была потрясена, да и Вету, которую к тому времени трудно было чем-то удивить в этом плане, что называется, впечатлило.

Теперь все же вернемся к вдохновителю и организатору, о котором до сих пор говорили в третьем лице – «он».

Он – это Месс Чудодеев. Разумеется, имя и фамилия – псевдонимы, причем специфические, выбранные не с потолка, неслучайно. Еще на заре своей деятельности, когда открыл в себе необычные способности, он хотел взять себе другую фамилию – Чаров! А открыл он эти самые способности сравнительно недавно, всего с десятков лет назад, причем не было ни автокатастроф, ни клинической смерти, ничего такого, после чего человек внезапно начинает видеть, говорить на ста языках, и вообще – уметь такое, что простым смертным недоступно. Просто в один прекрасный день неожиданно и даже с испугом он увидел, именно увидел, чем болен его близкий друг, которого долго обследовали, но ничего не находили. Потом он, сам не зная как это получилось, положил руку на пораженное болезнью место, боль у друга ушла, а еще через несколько сеансов увидел, что друг теперь абсолютно здоров. Единственное, что ему хотелось, стряхивать с рук будто прилипшую к ним хворь. Позднее он узнал, что это типичная техника лечения у экстрасенсов, и развил свои способности до масштабов удивительных и необъяснимых, но вначале все произошло на уровне интуиции. Так вот, он решил тогда, что под своей вполне обычной, несолидной, смешной даже фамилией Печенкин творить чудеса недостойно: ну кто обратится за помощью к человеку с такой невзрачной фамилией. И тогда он подумал, что хорошо бы при его делах носить фамилию, допустим, Чаров. Но потом подумал, что Чаров, от слова «чары» – это слишком в лоб, претенциозно. К тому же как раз в это время с треском прогорел знаменитый банк «Чара», построивший очередную финансовую пирамиду, которая рухнула в одночасье и погребла под своими обломками розовые мечты некоторых граждан на богатство и автомобили почти даром. Поэтому брать фамилию Чаров, которая неизбежно ассоциировалась бы со скандальным банком, было предосудительно и опрометчиво. И Семен Печенкин взял себе псевдоним Чудодеев. Не в лоб, элегантно так, чуть-чуть намекая на чудеса, с которыми владелец фамилии накоротке.

Что же касается имени, то тоже было ясно, что, например, антисемиты к человеку с именем Семен уже не придут, это исключено. Они даже не вспомнят про маршала Буденного, Семена Михайловича, не придут и все. Имя Вольф давно тревожило воображение Семена. Речь идет о знаменитом гипнотизере Вольфе Мессинге, предсказателе, маге, делавшем совершенно невероятные вещи в 30–40-е годы XX столетия. То, что он демонстрировал, объяснить было решительно невозможно, хотя передовая советская наука изо всех сил тужилась это сделать. Всё, что Семен слышал о нем от родителей и других взрослых, видевших его сеансы, которые повергали их в обязательный шок, было чудесно, волшебным, фантастично и возбуждало в Семене сильнейшее любопытство. Его всегда тянуло ко всему сверхъестественному, ибо естественное было скучно. А кроме того, имя Вольфа Мессинга в угаре перестройки и перемен в государстве было уже основательно подзабыто, поэтому нормально, без опасения, что тебя обвинят в плагиате, присвоении имени, можно было назваться отныне и навсегда Вольфом и стереть из памяти надоевшее и слишком простое имя Семен. И еще: преемственность поколений, кто-то ведь должен был стать наследником Мессинга, а достойных пока не было. Однако

имя Вольф ассоциировалось с Мессингом. Позабыт, но не всеми же... И тут Семена осенило, он решил назваться так: Месс Чудодеев. Пусть будет странно, пусть спрашивают, что за имя, а он будет загадочно молчать. Псевдоним, как и он сам, обязан был быть таинственным, а уж он-то сам будет знать, что Месс, первая часть фамилии великого мага, которого тогда называли просто фокусником. Фокусник – это народу было по крайней мере понятно, а смущать народные массы сверхъестественным... Это еще зачем?..

А вот Месс Чудодеев презирал слово «фокусник», и если кто-то его неосторожно так называл, приходил в сильнейшее негодование. К цирковым фокусам он не имел никакого отношения, ему не надо было их показывать, чтобы доказать свое умение, у него-то все было по правде, без трюков, хотя подчас и выглядело, как фокус. Например, у него на открытой ладони сгибалась ложка. Без разницы – чайная или столовая – любая сгибалась. Причем никаких манипуляций ладонью и пальцами! Спокойно лежит ложка на неподвижной руке и вдруг скрючивается. Слава о нем давно ушла за пределы Российской Федерации, его неоднократно проверяли, высчитывали размеры и силу его биополя, особенно в этом деле усердствовали японцы, делегация которых решила как-то проверить его возможности. Они кланялись, улыбались, знакомились, ну а потом их невозмутимые самурайские лица выразили восхищение и удивление. Когда же дело дошло до ложки, дотошные японцы держали его за пальцы, чтобы убедиться, что он ими ничего не делает. Но когда ложка, как всегда, согнулась в крючок, их узкие глаза, преодолевая свою естественную форму, полезли на лоб, и они, часто и мелко кланяясь, стали быстро уходить, скорее даже убежать.

Официальная наука тоже, оказывается, не хотела оставаться в стороне, нейтрально наблюдая за невероятным, но тем не менее очевидным. Просто закрыть глаза и притвориться, что ты ничего не видишь, а если не видишь, то, значит, этого и не существует – было уже просто глупо, а значит ненаучно.

К тому же любопытство – основная движущая сила научного прогресса, так же как любовь – основная тема и двигатель искусства. Два слова – любопытство и любовь, начинающиеся, заметьте, с одинаковых букв «любо», не позволили человеку остаться в пещере. Мне могут, конечно, возразить: а что же честолюбие, а деньги? Отвечу: и то и другое тоже любовь, в одном случае любовь к власти, в другом – к богатству и комфорту. Деньги постоянно приращиваются к двум чистым и честным понятиям – любопытству и любви, это неизбежно, но безнадежно для носителей капиталов. Они могут только купить или продать конечный продукт научной пытливости или мощного выплеска чувств, но сами чужие в этом поле, они там ничего не умеют – ни пахать, ни сеять. Собирают урожай тоже не они, но зато первые стоят у кромки поля с пачкой денег, готовые скупить весь урожай на корню, чтобы тут же перепродать его подороже.

Поскольку наиболее продвинутые представители передовой советской науки были любопытства не лишены, то логично, что при Академии наук был сформирован факультет психотроники и феноменологии. Последнее, понятное дело, происходит от слова «феноменально», что в переводе на наш сегодняшний язык означает «круто» или «отпад», или то, от чего «едет крыша». Чем занимались на этом факультете, кроме изучения феноменальных явлений? Ну, например, искали повсюду наиболее гипнабельных людей (их там называли «зайками») и в состоянии транса обучали их тому, от чего у обычных людей сносит крышу. Такой «зайкой» была в свое время и знаменитая Джуна. Так что, можно смело считать: деятельность Чудодеева и компании была в это время если и не совсем официально, но разрешена и в области академической науки. Плюс лицензия. Так что «РомкА» могла вполне комфортно теперь существовать без всякого давления со стороны властей. И они развернулись, развернулись как следует.

Два раза в год, весной и осенью (как раз тогда, когда у всех хроников обостряются заболевания, включая и вялотекущую шизофрению), у них происходили съезды. Учитывая то, что сюда слетались ведьмы, колдуны, целители и маги не только со всех концов страны, но и с

ближнего и дальнего зарубежья, можно запросто назвать эти съезды тем, чем они и были по сути – шабашами. Почему-то (хотя понятно, почему) для весеннего шабаша всякий раз выбиралось время Великого поста. Сам Чудодеев в это время никогда не пил и скоромного не ел, но не без удовольствия наблюдал, как другие маги и ведьмы с аппетитом поглощали водку, мясо и все остальное. Получалось, что он сам, соблюдая пост, формально подчиняется Творцу, но как магистр и тайный слуга альтернативного Творцу Зла проводит для своей черной паствы, большинство которой Творцом только прикрывается, очередной сеанс искушения. Бог ведь никого за уши в рай тащить не собирает, человек все должен выбрать сам. Но похоже было, что собравшиеся маги и примкнувшие к ним шарлатаны свой выбор давно уже сделали.

На один из таких съездов однажды мама взяла с собой и Виолетту, не теряя надежды приобщить ее к делу и пробудить интерес (или любопытство) к неведомому. Пусть пока на уровне сказки. И Виолетта случайно попала на самое интересное. Одним из почетных гостей съезда был в тот раз настоящий жрец вуду – самого непостижимого, страшного и таинственного культа африканского континента.

Гость из Африки оказался, однако, совсем нестрашным. В элегантном, европейском костюме, приветливый, обаятельный, маленького роста, коротко стриженный, изящный мулат. Когда пришло его время что-то показать, он и показал. Танец. Просто танцевал и больше ничего. И несмотря на то что здесь собрались, так сказать, специалисты, все они попались. Все они смотрели на безопасном к тому же расстоянии, как человек танцует, а в это самое время, оказывается, шло сильнейшее, но мягко вводящее в транс воздействие танцем, только танцем. Это было целенаправленное воздействие, если использовать их терминологию, заимствованную у Индии, на нижнюю чакру, то есть на чувственные рецепторы, возбудители удовольствия или наслаждения. Все поддались. Собравшихся магов потянуло танцевать вместе с ним. Они повелись, он ими овладел. Очень незаметно, так что сами они так и не поняли, когда и как это случилось. Сложных движений у него не было, его танцевальные па были просты и ритмичны, как у поднявшейся кобры. А потом мягко и плавно, так же как и начал, он все снял. И поклонился, смущенно улыбаясь. Смущение при этом чувствовал, конечно, не он, а весь представительный форум нечистой силы: «Ну надо же, – думал каждый, – мы сами в этом деле, что называется, не лыком шиты, но вот ведь, братцы-колдуны, что и с нами можно сделать. И легко так, на уровне художественной самодеятельности! Этнические танцы народов Африки! И уже готовы, как крысы за парнем с дудочкой из сказки идти топиться».

Да-а, многого, если реально посмотреть, мы еще не знаем – ни про себя, ни про наши скрытые возможности, ни про тайны не то что Вселенной, а нашей родной планеты. А все туда же лезем, именно тайны Вселенной нас интересуют, механизм ее образования, видите ли! Себя надо познать сначала, себя! И мир, тебя окружающий, природу короче, и тогда только соваться во Вселенную, впрочем, это уже может и не понадобится. Так думал каждый неглупый колдун из собравшейся бесовской элиты.

Один только Месс Чудодеев смотрел на все, как на концерт. Он единственный догадался, чем может закончиться номер жреца вуду, и заранее поставил себе блок, защиту от парапсихологического воздействия. И он же первый захлопал в ладоши после танцевального сеанса жреца, призывая остальных оценить по достоинству его выступление. Аплодисменты и горячее одобрение разрядили обстановку, можно было еще выпить и закусить, тем более что через полчаса был назначен бал. «Бал у Воланда», – приходит вам на ум неизбежная ассоциация из Булгакова, но нет! Не было тут ни Воланда, ни Маргариты, так – третье, четвертое звено, не более, и само мероприятие было означено в программе строго, сдержанно и почти научно: «После семинара в 21 час – бал парапсихологов». Ну сами посудите, нельзя же было напечатать в программе, хоть и звучало бы красиво, скажем, «танцы ведьм». Это милицию надо звать, это то же самое, что включить в меню какого-нибудь respectable ресторана название «Ланч вурдалака» и подробно описать, что туда входит.

Бал состоялся, и Виолетте, буквально умиравшей от восторга, гордости и смущения одновременно, удалось даже потанцевать с героем вечера, жрецом вуду. Он сам ее пригласил, пристально так посмотрел, обнял за талию, и они понеслись. Он все смотрел на нее внимательно и вел, а она была пластилином в его руках, она угадывала в танце все, что он хочет, и было со стороны такое ощущение, что эта слаженная пара тренируется и участвует в конкурсах балльных танцев уже много лет. У Веты кружилась голова, и она была в полной эйфории и от танца, и от своего маленького, пластичного и великолепного партнера. Все, что она слышала о культовой религии вуду и ее представителях, абсолютно противоречило тому, что она видела перед собой. С ней танцевал не первобытный дикарь в перьях и с кольцом в носу, а скорее сын африканского короля, получивший образование как минимум в Сорбонне. Танец кончился. Вета, закрыв глаза и блаженно улыбаясь, застыла на паркете, и только одна мысль крутилась под ее вполне взрослой прической, над которой Вета трудилась сегодня полдня: «Как же так! Ведь я совершенно не умею танцевать, я даже не пробовала. А тут вот что получилось...»

Жрец, продолжая пристально смотреть на нее, жестом подозвал переводчика. Тот быстро подбежал.

– Я хочу сказать тебе несколько слов, – стал он переводить Вете слова жреца. – Тебе надо уходить. В другой мир, в другую жизнь. Это все, – он обвел маленькой, изящной рукой пространство зала, – это все не твое. Если ты пойдешь по этому пути, ты очень быстро состаришься. Умрешь ты еще не скоро, но ты станешь через несколько лет очень красивой женщиной, и если будешь быстро стареть, – тебе будет больно. Ты можешь и будешь уметь многое – и в колдовстве, и в предсказаниях, и в магии, – он говорил тихо, но быстро, напористо, будто внушая Вете самое важное, что она должна сейчас понять. – Ты уже сейчас умеешь, только пока об этом не знаешь, но скоро узнаешь, как ты можешь воздействовать на людей и даже управлять их поведением, – тут переводчик вопросительно глянул на африканца, мол, правильно ли он его понял. – Да, да, управлять, – подтвердил тот убежденно и энергично, но с какой-то странной печалью во взгляде, обращенном на Виолетту. – Но тебе надо жить чистой жизнью, – продолжал переводчик уже с примесью какого-то уважительного удивления. – Тебе не надо, нельзя использовать твои способности, твои необычные способности, чтобы добиваться своего.

– А если я захочу, чтобы в меня влюбился кто-то, – вдруг перебила Виолетта, уже имея в виду отчима Герасима. Перебила, но робко и просительно, будто испрашивая разрешения на маленькое воздействие. Будто алкоголику сказали: «Тебе пить нельзя! Совсем!» – а он в ответ: «А пивка хотя бы можно?»

– Чтобы кто-то влюбился – тем более, – отрезал жрец все с той же печалью в глазах. – Тебе этого не надо. Тебя и так полюбят. – Он немного помолчал, посмотрел куда-то вдаль поверх Ветиной головы и, словно увидев что-то незримое для других, тихо произнес: – Только и ему, и твоей матери от этого будет плохо.

Потом, будто возвращаясь на землю, открыто и по-детски улыбнулся и положил Вете руку на голову. Словно теплая волна разлилась внутри нее, она оцепенела, не в силах пошевеливать ни рукой, ни ногой, ни даже языком.

– Послушай моего совета, девочка, – мягко сказал жрец, – пожалуйста, послушай. Уходи от них, попробуй жить чистой жизнью, – опять повторил он, и еще раз подчеркнул: – Чистой, поняла? – и убрал руку с Ветиной головы.

Вета почувствовала, что онемение прошло и она может кивнуть. И она кивнула, твердо намереваясь в этот момент попробовать жить чистой жизнью, но только попробовать.

– Я обещаю, – сказала она ему, а он, в последний раз глянув на нее внимательно, потрепал по щеке и, похоже, прочитав все, что она думает, произнес бессильно, с необъяснимой для девочки жалостью одно короткое слово и исчез, растворился в балльной толпе.

Переводчик молчал. Потом засуетился, сказал:

– Ну до свидания, – и собрался уйти.

– Подождите, что он сказал? – остановила его Вета. – Что он сказал? Какое было последнее слово?

– Что последнее? – сделал вид, что не понял, переводчик.

– Ну последнее. Последнее слово. Что это было?

– А-а, это непереводимо на русский, – сказал переводчик в явном замешательстве.

– Ну хотя бы приблизительно, – настаивала Вета, чувствуя отчего-то, что это для нее очень важно.

– Ну приблизительно, – тянул переводчик, раздумывая, потом вдруг решил и, отводя глаза, виновато и нехотя, все-таки перевел. – Ну, на нашем языке ближе всего... «чертовка» или «маленькая ведьма».

«Ну и что, пусть чертовка, – подумала тогда девочка Виолетта, – это даже весело. Но слушаться такого дядю надо, надо хорошо себя вести, и я все равно попробую, как он советовал. Получится – ну и хорошо, а не получится, значит, не судьба!» – без намека на тревогу и даже радостно прислушивалась она к своим легким, нарядным, праздничным мыслям. И беззаботно подпрыгивая, побежала искать маму, чтобы уговорить ее покинуть бал парапсихологов, как дядя и велел. Жизнь еще и не начиналась, а уже столько возможностей... Больше, чем у других! И потом – кто это думает о каком-то там «быстром старении» в 14 лет?!

Глава 13

Кое-что о колдунье-маме

Что же касается Ветиных способностей, то их можно было объяснить только своеобразной генетикой. И если у магистра Чудодеева никаких таких предпосылок не было (что и удивительно!), то у Веты были.

В пятом, шестом и далее поколениях все Ветины родственники, и в первую очередь мама, были потомственными колдунами. Правда, мама называлась теперь «белый маг», но обмануть это никого, кроме пациентов, не могло. По части колдовства мама тоже кое-чего умела, и немало. Но прежде о том, как Вета обнаружила в себе диковинные таланты, поняла, что она не такая, как другие, как ее одноклассники, например.

Неподалеку от «Живительного родника» функционировало еще одно товарищество с ограниченной ответственностью, своего рода филиал «Родника», но работающий независимо, в автономном режиме. В самом названии его содержался и смысл, и довольно-таки нахальная реклама: «Открываем третий глаз». И ведь находились люди, желающие третий глаз иметь! Более того, их было много, и дела товарищества шли в гору. Товарищество, собственно, состояло всего из двух человек – мужа и жены, и они брались открывать третий глаз всем, кто хочет. Вообще всем! Мол, он у каждого есть, только не всякий об этом знает. Катаракта у него на третьем глазу или глаукома, но человек им не видит, ему надо в этом деле помочь. Впрочем, для них, для этой пары, третий глаз был закрыт вовсе не бельмом, а обыкновенной пробкой. Поэтому технологический процесс откупоривания глаза выглядел так: муж (чаще всего это делал именно он) находил в центре лба воображаемое отверстие, заткнутое воображаемой же пробкой. Далее его правая рука становилась как будто штопором, и он этот виртуальный штопор ввинчивал в середину лбов своей простодушной клиентуры. В решающий фазе вытаскивания пробки клиент должен был закрыть глаза. «Внимание», – говорил колдун тревожно и напряженно, – и выдергивал эту пробку, как из бутылки с характерным звуком, производимым губами и языком, после чего разрешал потенциальному ясновидцу открыть глаза. Ведь не должен же был тот видеть, что делает открыватель ртом в этот самый момент! Рядом стояла жена, которая тут же начинала разглаживать края якобы образовавшегося отверстия, очевидно для того, чтобы было не только полезно, но и красиво. Потом каждый смотрел на свою собственную фотографию и силился увидеть ауру, светящийся нимб вокруг головы. Вета, если хотела, с детства видела эту ауру у всех людей, то есть сама, когда хотела, открывала свой третий глаз, когда не хотела, закрывала. И знала почему-то, что если аура рваная, с прорехами, значит, у человека нет защиты (позже она поняла, что это иммунитет) или он чем-то болен. Захотела бы, узнала – чем, но пока не хотела. Когда они с мамой зашли как-то в «Третий глаз», муж и жена – все-таки какие-никакие, но специалисты в своем деле – хором воскликнули, обращаясь к маме:

– Лиза, ты что?! А Вете-то зачем? У нее же и так все уже есть.

– Для профилактики, для верности, – ответила мама.

Словно предчувствуя что-то, Вета, которой было всего 10 лет, заплакала:

– Мама, я не хочу, ну не надо, пожалуйста.

– Успокойся, это не больно, – сказала мать, вынула Ветино фото и положила на стол.

– Ну ничего, ничего, сделай маме приятное, – сказал окулист-окультист и быстренько проделал с Ветой все необходимые манипуляции.

Потом Вета глянула на свою фотографию, лежащую перед ней, и вдруг в бешеном калейдоскопе, с адской скоростью перед ней промелькнули все ее реинкарнации, то есть кем она была во всех своих предыдущих жизнях. Века и века тому назад. Она не понимала, что это такое, но от страха, от ужаса даже, охватившего ее, снова заплакала, оттолкнула от себя фотографию и уткнулась носом в живот стоящей рядом мамы, казавшейся ей тогда единственным

надежным островком защиты в чужом и враждебном мире, в то время, как все было наоборот. Мама не защищала, а наоборот, толкала ее все время в темную пропасть потустороннего мира. Не надо было маме всего этого делать, надо было побережь девочку, не подставляй ее, отпустить, не заставляй ехать по накатанным рельсам колдовских поколений, а наоборот, дать ей волю и возможность выбора.

И это была одна из причин, по которым в скором времени Вета свою мать возненавидела.

Вторая же причина была вполне женской, но при всем при том и окрашенной особенными свойствами и навыками их проклятого или, лучше, заклятого рода. Матери было едва за 40, но выглядела она на все 60. Видимо, в словах жреца вуду содержалась неприятная правда. Слова его о быстром старении относились к ведьмам, окончательно заложившим душу мировому злу без малейшей надежды на выкуп. Некоторое время они могли оставаться вызывающе, ярко, призывно красивыми и молодыми. Вероятно, это обстоятельство было составной частью оплаты за проданную душу. Другими частями могли быть и непосредственно деньги, и богатство, и успех, даже слава, и еще многое другое. «Фауст», «Портрет Дориана Грея» – все это мы еще в школе проходили. А вот другие, пытавшиеся все же не отходить от бога, регулярно посещающие церковь, не снимающие с груди крест, читающие молитвы, но наряду с этим совершающие привороты и прочие любезные бесовскому сердцу чернокнижные обряды, и среди них множество «белых магинь», которые, наверное, сами не до конца понимали, что делают, вот они все сидели как бы между двух стульев. Нельзя, понимаете ли, душой стремиться к богу, побаиваясь за качество своей земной жизни, но по пути к нему постоянно оборачиваться и кокетничать с бесом, подмигивать ему, мол, я с тобой, я сейчас вернусь, только ненадолго в церковь забегу, буквально на 5 минут. Опасная игра, за нее следует расплата и частенько именно в виде быстрого и необратимого старения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.